

Дмитрий Медведев

Это было под Ровно

РЕПЕТИЦИЯ

Ранним утром в апреле 1942 года на Тушинском аэродроме собралась группа будущих партизан. Сегодня все должны подняться на самолете и сделать первый пробный прыжок с парашютом. Кроме меня, никто ни разу в жизни с парашютом не прыгал. Я заметил, что многие волновались. Иные заводили веселые разговоры, но беспокойные взгляды на поле аэродрома красноречиво говорили о душевном состоянии «весельчаков».

Я понимал, что это не трусость. Все эти люди добровольно пошли в партизаны и знали, каким опасностям они будут подвергаться там, в тылу врага. Из многих желающих попасть в отряд были отобраны лишь пятьдесят таких, которые наверняка не подведут, не струсят. Сейчас волновались все, но тот, кто впервые прыгал с парашютом, знает, что волнение при этом обязательно и законно.

Я посмотрел на часы – ждать еще целых тридцать минут.

Неподалеку от меня сидел Александр Александрович Лукин. Он был назначен в наш отряд начальником разведки. Лукину тоже, видно, было не по себе: он курил одну папиросу за другой.

– Александр Александрович! – нарочно громко, чтобы все слышали, обратился я к нему. – Что-то вы многовато курите? Неприятно все-таки прыгать с высоты, страшновато?

Лукин сразу понял, что этот разговор, явно интересующий всех, я завел умышленно.

– Да ведь что ж, Дмитрий Николаевич, страшно не страшно, а прыгнуть придется! – ответил он.

Все притихли, прислушиваясь к нашим словам.

Показалось удивительным: как это командир откровенно говорит, что боится прыжка! А я воспользовался установившейся тишиной и начал свой рассказ, рассчитывая на оставшиеся полчаса томительного ожидания:

– Вам всем, конечно, это в новость. Ну, а я старый парашютист. У меня сегодня будет третий прыжок. Первый раз я прыгал давным-давно, в 1907 году, когда о парашютном спорте и слуху не было. Жил я тогда в Белоруссии, в большом рабочем поселке Бежице. В праздничный день Николы мой отец был именинником и позвал к себе гостей. Гости все пожилые люди, ну и, конечно, мне, восьмилетнему мальчишке, было с ними скучно. Я воспользовался суматохой в доме, стащил у отца табачку, взял селедку, отрезал кусок именинного пирога и с этими гостинцами отправился в гости к сторожу пожарной каланчи, которая стояла рядом с нашим домом.

Сторож, стариk Гаврилыч, был моим давним приятелем. Я до смерти любил слушать его рассказы о всяких былях и небылицах и частенько коротал с ним время на пожарной каланче, откуда поселок наш был виден как на ладошке.

Гаврилыч отведал пирога с рыбой, похвалил его, покушал селедочки и, уже свертывая себе «козью ножку», начал длинную сказку про ковер-самолет. Так сидели мы с ним вдвоем на каланче час или два. Гаврилыч устал говорить и задремал. От нечего делать я тоже решил закурить, свернул цигарочку и, важно попыхивая ею да задыхаясь с непривычки, стал похаживать по площадке каланчи. Смотрю – внизу отец! Грозится палкой и направляется к вышке. Я понял, что порки мне не избежать. Во-первых, он запретил лазить на каланчу, а во-вторых, увидел, что я курю.

Что делать? Как избежать расправы? Тут мне попался на глаза большой брезентовый зонт. С ним обычно жена Гаврилыча сидела на рынке в солнечные или дождливые дни: она торговала семечками. Как-то я спросил Гаврилыча, зачем он держит на каланче этот зонт. Гаврилыч, хитро подмигивая одним глазом, ответил мне: «Это, брат, важная вещь. Может загореться сама каланча. Загорится, скажем, снизу, ну, как я по лестнице сойду? Вот я возьму этот зонт и с ним спрыгну».

Гаврилыч говорил это шутя, но я, как увидел отца, испугался, недолго думая схватил зонт, раскрыл его и... прыгнул с каланчи. Ох, и страшно же было!

Зонт, правда, я не выпустил и с ним в руках упал на крышу соседнего дома. Ушибся довольно сильно, но об этом тогда думать не пришлось. Потер разбитые и расцарапанные колени, соскочил с крыши и побежал за угол. Оттуда стал наблюдать...

Отец был уже на вышке каланчи. Вижу, подошел к нему Гаврилыч и, показывая на зонт, который я оставил на крыше, что-то объясняет.

Потом отец скрылся с вышки: видимо, решил найти меня. Я дал ходу – убежал за три улицы от дома. Но вечером пришел домой и как следует был наказан.

Так я прыгал с парашютом первый раз в жизни. Видите, я, стало быть, пионер парашютного спорта.

Рассказывая, я заметил, что слушатели повеселились. Взглянул на часы – осталось еще десять минут. Можно продолжать:

– А во второй раз я прыгал с настоящим парашютом и с настоящего самолета. Это было недавно, в августе 1941 года, когда только что началась война. Я должен был переправиться с отрядом в тыл врага. Меня спросили, могу ли я прыгнуть с парашютом. Не моргнув глазом, я ответил, что это, мол, мне не впервые, и тут же поехал на аэродром. В пять минут мне объяснили, как раскрывать парашют, подняли в воздух на «У-2», и я спрыгнул. Признаюсь, страшновато было. Потом оказалось, что подготовка эта ни к чему: в тыл врага мы перешли пешком. Ну, а сейчас попробую прыгнуть в третий раз. И скажу вам по совести: опять волнуюсь. Но зато: два прыжка – и мы в тылу у немцев! Сегодня – один, через несколько дней – другой, и – за работу. Ну, а сейчас к делу. Вон за нами уже идут.

Мои воспоминания, видимо, развлекли товарищей. Им стало как-то легче: раз волнуется сам командир, значит, ничего в этом позорного нет.

Мы направились к самолетам.

Прыжки прошли удачно, но не без приключений. Я «придеревился» – опустился на огромную березу. Парашют зацепился, пришлось его отстегнуть и по стволу спуститься вниз.

Один товарищ повис между двумя деревьями. Это было неподалеку от аэродрома. К нему подбежали, кричат:

– Раскачайся, зацепись за дерево и спустись!

Тот пробует раскачиваться, но у него ничего не выходит. Тогда собравшиеся внизу взяли свободный парашют, растянули его на руках и стали объяснять:

– Отстегивай парашют, прыгай!

Незадачливый парашютист прыгнул, как циркач в сетку.

С аэродрома в Москву мы поехали на грузовике. Был уже полдень, но улицы столицы казались пустыми. Тверской бульвар, Советская площадь, которые в мирное время были заполнены малышами с мячиками, прыгалками, трехколесными велосипедами, теперь были безлюдны. Ребята с матерями и бабушками эвакуированы на восток, в безопасные районы. Эвакуированы и многие заводы и учреждения. Столица наполовину опустела. Гитлеровцы в ту пору были отогнаны от Москвы на двести-триста километров, но еще продолжались налеты немецкой авиации.

Подготовка к перелету в тыл врага подходила к концу. Правда, готовились мы недолго, всего около месяца. В лесу, недалеко от города, разбили лагерь и там проводили занятия по стрельбе и топографии. Провели даже саперные занятия: строили плоты и переправлялись на них через озеро, находившееся вблизи нашего лагеря.

Как командир отряда я пользовался каждым случаем, чтобы поговорить с людьми о будущей партизанской жизни. Я был опытнее других. С августа сорок первого по февраль сорок второго года я командовал партизанским отрядом в Белоруссии, в Брянских лесах. Я рассказывал товарищам о трудностях, которые нас ожидают. Говорил о риске для жизни, но не запугивал:

– По опыту знаю, что партизаны – хозяева в тылу у немцев. Народ смотрит на них как на представителей Красной Армии, Советской власти. Вот почему партизан во всем и везде должен быть достоин нашей великой социалистической Родины!

В отряде у нас было много бойцов-украинцев. Это не случайно. Местом нашей партизанской работы была намечена Ровенская область Украины. Там, между городами Сарны, Ракитное и Березно, простираются громадные лесные массивы. Сарненские леса должны были стать местом пребывания нашего отряда.

Но перелететь сразу в Сарненские леса оказалось затруднительным. Это было слишком далеко за линией фронта. Над территорией, занятой немцами, самолет может лететь лишь ночью, иначе сбьют. А весной ночи короткие, и самолет не успел бы затемно сделать рейс из Москвы в Сарненские леса и обратно. К тому же появление советских самолетов над Сарненскими лесами могло привлечь внимание немцев, и отряд оказался бы в большой опасности. Поэтому решено было сначала переправить отряд поближе – в Мозырские леса, к деревне Мухоеды, которая расположена на границе Ровенской области, а уже оттуда отряд должен был добираться пешком до Сарненских лесов.

БОЕВОЙ ПРЫЖОК

Для переброски в тыл врага отряд был разбит на несколько звеньев. В конце мая мы отправили первое звено из четырнадцати человек. Начальником назначили Сашу Творогова,

отважного, молодого, но уже опытного партизана.

В начале войны воинская часть, в которой сражался Творогов, попала в окружение. Вместе с товарищами он укрылся в лесах Белоруссии и начал партизанить. В октябре сорок первого года группа Творогова присоединилась к моему отряду, с которым я находился тогда в Белоруссии.

В самое короткое время Саша хорошо проявил себя и был назначен начальником разведки всего отряда. Он успешно проводил боевые операции. Позже, в начале сорок второго года, вместе с моим отрядом он возвратился в Москву.

В списках бойцов нового отряда Саша Творогов стоял первым и первым же полетел в тыл врага. Он должен был приземлиться в Мозырских лесах, у деревни Мухоеды, и отыскать место для приема остальных звеньев.

Перед вылетом его предупредили, что, если с ним что-нибудь случится, встреча с отрядом все равно должна состояться в назначенному пункте – у деревни Мухоеды.

Через два дня после вылета Творогов сообщил по радио, что произошла ошибка: вместо Мозырских лесов летчики выбросили его звено южнее Житомира. Это за триста километров от Мозырских лесов! Местность оказалась безлесной, скрываться трудно. Еще через день Саша сообщил, что они направляются к деревне Мухоеды.

Во время передачи этого сообщения связь неожиданно прервалась. Ждали день, два, три – связи все нет и нет.

Что там случилось?

Решили отправить второе звено; во главе его полетел Кочетков. Люди опустились на парашютах в какое-то болото. Насквозь промокли, промокло и все снаряжение, и они еле-еле выкарабкались.

Через некоторое время Кочетков радиировал, что они вышли к станции Толстый Лес на железной дороге Чернигов – Овруч, это в тридцати километрах от деревни Мухоеды.

Кочетков там остановился и сообщил, что организует сигналы для приема наших парашютистов.

Настроение поднялось, и, уже как будто на проверенное место, к станции Толстый Лес мы послали третье звено. Пашун, назначенный начальником штаба нашего отряда, полетел во главе этого звена. С ним радиста не было – их у нас не хватало, – но зато в его звене были два партизана, хорошо знавших и Мозырские леса и даже станцию Толстый Лес.

Мы сообщили Кочеткову, что вылетает еще одно звено и чтобы для сигнала самолету он ночью жег костры.

Самолет, улетевший с новой группой, благополучно возвратился в Москву, и летчик доложил, что парашютисты сброшены на сигналы у станции Толстый Лес.

А на следующий день Кочетков сообщил, что никакого самолета не было, хотя костры горели всю ночь. Что за наваждение! Не тудабросили людей! Радиста у Пашуна нет – значит, и вестей от него ждать нечего.

Творогов пропал, Пашун неизвестно где... Я стал требовать, чтобы поскорее отправили меня. Надо отыскать наконец пропавших товарищей и организовать прием остальных.

Но меня задержали в Москве, и с очередным звеном полетел Сергей Трофимович Стехов,

мой заместитель по политической части, с которым мы формировали отряд. Как ни печально, но и группу Стхова тоже выбросили не на сигналы Кочеткова. Сергей Трофимович сообщил нам по радио, что в течение трех дней не может определить место, где находится. Посыпает людей в разведку – те не возвращаются.

Мое волнение дошло до предела, но наконец я получил разрешение на вылет.

Со мной должны были лететь начальник разведки Александр Александрович Лукин, радистка Лида Шерстнева и несколько бойцов-испанцев.

В Москве тогда было много испанских товарищей, которые в свое время боролись за свободную Испанию и потом вынуждены были эмигрировать. Когда началась война с гитлеровцами, испанцы стали просить советское правительство об отправке их на фронт. Многие, узнав, что формируются партизанские отряды, настаивали, чтобы их включили в эти отряды. Восемнадцать испанцев добровольно вступили в мой отряд. При первой же встрече они заявили, что, участвуя в войне Советского Союза против фашистской Германии, они тем самым помогают освобождению всех стран, захваченных гитлеровцами.

Вечером 20 июня я со своей группой был на аэродроме.

Родных, жены не было. С ними я попрощался дома: « дальние проводы – лишние слезы».

Провожали меня товарищи по первому отряду.

Прощание было недолгим. В точно назначенное время самолет был готов, мы сели в него, загудели моторы – и... до свиданья, Москва!

Настроение у всех было приподнятое. И, как будто мы совершали прогулку, с первой же минуты товарищи запели песни – русские, потом испанские.

Но вот подлетели к линии фронта. А линия фронта была тогда не так далеко – несколько западнее Тулы. Здесь самолет сразу попал в ослепительные полосы прожекторных лучей. Немцы открыли стрельбу, но мы счастливо миновали опасную зону. Прошел один томительный час, другой, и нам дали команду приготовиться к прыжку.

Я посмотрел в окошко самолета и отчетливо увидел внизу, на земле, условные сигналы костров. Самолет, делая круг, начал чуть-чуть снижаться. Один за другим мы стали у бортовой двери. Сопровождавший нас майор прицепил наши «карабины» за планку, чтобы парашюты сами раскрылись в воздухе.

Вот мы уже готовы. Вдруг стоявшая за мной Лида Шерстнева взволнованно сказала:

– Товарищ командир, а где же ваша веревочка?

Я обернулся. Оказывается, мой «карабин» не прицеплен. Пожалуй, я в воздухе не растерялся бы и вовремя сам раскрыл парашют: для этого надо было только дернуть за кольцо, но хорошо все-таки, что Лида предупредила.

Сердце заколотилось, когда раздалась команда:

– Пошел!

Я прыгнул первым. Малые секунды – и парашют раскрылся.

Огляделся вокруг. Нас выбросили высоко – метров девятьсот от земли. Над головой луна, внизу костры, но они удаляются: ветер относит меня в сторону. Парашюты разбросаны по воздуху – надо мной, справа, слева. Один пролетел мимо меня, быстро-быстро снижаясь к

земле. Успел подумать: «Парашют не полностью раскрылся – может разбиться человек».

Внизу – лес. По правилам приготовился: взялся крест-накрест за лямки. В тот же миг рванула воздушная волна, отнесла меня в сторону, и я стукнулся о землю.

От опушки леса меня отнесло метров на сорок.

Заранее было условлено, что я зажгу костер и на него собираются все парашютисты. Я так ушибся, что не мог встать на ноги, чтобы набрать сучьев для костра. Тогда я подтянул к себе парашют и зажег его. Потом отполз от костра метров на пятнадцать, лег за кусты и, держа наготове автомат, стал ждать. Как знать, кто сейчас придет на этот костер – свои или враги?..

Сижу, кто-то осторожно подходит. Спрашиваю!

– Пароль?

– Москва!

– Медведь! – говорю ответный и добавляю: – Брось свой парашют на огонь и иди ко мне.

– Есть!

Подошел Лукин, за ним Лида Шерстнева, потом остальные.

Километрах в трех-четырех от нас беспрерывно лаяли собаки, будто их кто-то дразнил. Значит, недалеко деревня.

Собрались все. Я встал, с трудом распрямился и, заглушая боль, как мог весело и бодро сказал:

– Второй прыжок – и мы на месте!

Потом вынул компас и начал определяться. Компас, звездное небо и железная дорога – этого было достаточно, чтобы знать, куда идти. Станция Толстый Лес должна быть совсем недалеко.

Итак, мы в тылу врага, почти за тысячу километров от Москвы и на шестьсот километров за линией фронта.

ВСТРЕЧА

Мы шли по опушке леса в направлении станции Толстый Лес. Уже брезжил рассвет. На траве, обильно покрытой росой, каждый шаг заметно отпечатывался. Поэтому я приказал идти «партизанским шагом» – гуськом на расстоянии двух-трех метров друг от друга – и ступать точно след в след, так чтобы ноги идущего позади попадали в следы переднего.

Если нас будут высматривать, трудно будет определить, сколько человек прошло – десять или сто. А осторожность – первое правило партизана.

Стало почти светло. Тихо кругом. Но я прислушивался к каждому шороху, к каждому треску ветки. Хоть опасности пока никакой не было, я, чтобы насторожить товарищей, время от времени условными знаками давал команды «ложись», «маскируйся».

Прошли километров пять. Вдали на дороге показались два человека.

«Ложись!» – командую я и подзываю Лукина:

– Александр Александрович! Вы начальник разведки отряда – будьте и первым разведчиком. Выясните, что за люди. Если свои, расспросите, где Толстый Лес.

Лукин взял с собой испанца Флорежакса и пошел. Я наблюдал за ними. Вижу, Лукин заговорил с прохожими, потом они пожали друг другу руки и разошлись.

Лукин возвратился; он встретил, оказывается, какую-то старушку лет семидесяти с внуком. Старушка всплеснула руками и расплакалась, когда узнала, что разговаривает с партизанами:

– Голубчики мои, вот радость-то! Когда уж прогоните проклятых… Разорили нас совсем!

Старушка сказала, что до станции Толстый Лес всего лишь десять километров, и предупредила, чтобы мы не ходили по ту сторону железной дороги: там в деревне много полицейских.

Лукин дал ей на прощанье плитку шоколада и несколько кусков сахара.

Часам к девяти мы были уже недалеко от станции Толстый Лес. Отдал команду отдыхать. Без привычки к долгой ходьбе люди устали, многие натерли ноги.

Я выставил секреты для наблюдения за станцией, переездом и дорогой.

Лиде Шерстневой приказал развернуть радио и передать в Москву, что мы приземлились правильно и ищем звено Кочеткова.

Вдруг бойцы из секрета подводят к нам трех человек. Смотрю – сияющие, радостные лица: разведчики Кочеткова.

– Лида, отставить передачу!

Пошли прямо в лагерь Кочеткова.

Радость встречи трудно передать. Наперебой стали рассказывать новости: мы о Москве, они о здешней жизни.

Стехов со своими товарищами уже был здесь, в лагере Кочеткова, но о Саше Творогове и Пашуне по-прежнему никто ничего не знал. Как в воду канули люди!

Не все гладко прошло и у Кочеткова. Когда его группа выбрасывалась, один – уже пожилой партизан, Калашников, – повис на парашюте между деревьями на довольно большой высоте. Его долго искали, наконец нашли. Калашников, как увидел своих, не стал дожидаться, пока его снимут, взял финку, обрезал у парашюта стропы и упал на землю. Встать он уже не мог – одна нога оказалась сломанной. Теперь он лежал в землянке, у железнодорожного сторожа, в полукилометре от станции Толстый Лес, а наш доктор, Цессарский, и партизаны тайком навещали его каждый день.

За какой-нибудь час нам приготовили обед. Меня угостили печенью жеребенка, зажаренной на свиной тушенике. Получилось довольно вкусно.

Нельзя было терять ни минуты. Мы сразу же отправили людей на разведку в разные направления. Следовало узнать, можем ли мы здесь и дальше принимать наши звенья, или немцы пронюхали что-нибудь о лагере. Под вечер я и сам пошел проверить, как охраняется лагерь, как расставлены посты. Обошел вокруг, перешел через большую поляну и углубился в лес.

Недаром станцию назвали Толстый Лес. Лес вокруг, действительно, могучий. Вековые дубы, березы, сосны, ели и мелкие деревца между ними образовали густой, непроходимый массив. Там, где я шел, не было ни единой тропинки. Решил возвращаться. Но минут через десять понял, что иду не туда, куда следует. Повернул левее, прошел еще минут десять, опять чувствую – не туда направился. За это время солнце зашло, и я совсем потерял ориентировку.

«Вот стыд! Подумать только: командир отряда – и в первый же день заблудился!»

Я, признаться, был о себе лучшего мнения. Родился я в Белоруссии, в детстве часто ходил в лес за грибами, ягодами, орехами. По солнцу, веткам, корням мог определить, где юг, где север. Семь месяцев недавней партизанской жизни тоже, кажется, чему-то научили меня. И вот теперь сплоховал. От падения с парашютом спина еще болела, но я, как когда-то в детстве, быстро вскарабкался на верхушку огромного дуба. Смотрю – лес кругом, и все. Но вот заметил – вьется из лесу тонкой струйкой дымок. Значит, лагерь там. Засек по компасу этот ориентир, слез с дуба и пошел.

Добрался до лагеря в полной темноте. У костра сидели партизаны. Я присел тут же на пенек. Хотелось отдохнуть и послушать товарищем. Разговор шел об испанце Ривасе. Ривас был механик по самолетам, и мы взяли его в свой отряд как специалиста. Он летал со звеном Стхова. Молодой партизан рассказывал:

– Ну, значит, собирались мы на костер. Сделали перекличку – нету Риваса. Пошли искать. Темно, ничего не видно. Мы нет-нет и крикнем: «Ривас!» Ночью искали – не нашли. Рассвело. Опять командир отправил нас на поиски. Целый день бродили по лесу. Нету Риваса! И вот уже к вечеру напал я на болотце в лесу. Посреди болотца стоит только одна осинка, да и та тонкая. Вижу, за ней кто-то прячется. Я сам за куст – наблюдаю. Голова у человека за осинкой, а фигура вся видна. Обмундирование, смотрю, наше. Ну, конечно, Ривас! Вышел и кричу: «Ривас! Выходи!» А он в ответ: «Камуфляж! Камуфляж!» Вышел наконец, обрадовался, лопочет по-своему, обнимает меня. А потом вдруг вытаскивает из-за пазухи живого голубя. Откуда он взял его и зачем ему этот голубь понадобился, не знаю.

Партизаны засмеялись, глядя на Риваса. А тот, маленький, тщедушный, с блестящими черными глазами, тоже смеется, понимая, о чем идет речь.

– Ну, а голубя он съел, что ли? – спросил кто-то.

– Да что вы, он и мухи не обидит, не то что голубя! Он для голубя потом пищу искал. Только недолго ему пришлось с ним нянчиться: улетел голубь-то.

Лишь спустя полгода, когда Ривас научился немного говорить по-русски, он рассказал нам про свои страхи, когда очутился один в лесу. Огни светлячков казались ему глазами тигров. А голубя он поймал, чтобы съесть, если не скоро отыщет своих.

Настроение у всех было приподнятое. Новая обстановка как-то увлекала. Тут же нам показали «клумбу», которую партизаны сделали из светящихся гнилушек. Радистка Лиза успела уже прицепить крохотную гнилышку к волосам. Она светилась, как драгоценный камень.

«Пусть пока порадуются», – думалось мне. Я-то хорошо знал лесную «поэзию» с комарами, сыростью и тлеющим костром.

Через два дня мы приняли еще одно звено парашютистов.

Самолет высоко пронесся над нашими кострами. Костры горели так ярко, что осветили и пролетавший самолет и тучи на небе.

Увидев сигналы, самолет ушел в сторону, развернулся и снова показался уже на высоте трехсот метров. От него стали отделяться ясно различимые в огненных отсветах купола парашютов. Их ветром сносило в сторону.

Неожиданно над самыми кострами, на высоте не более восьмидесяти метров, один за другим раскрылись два парашюта. Один парашютист приземлился прямо около костра. Немного поодаль упала на бревна прилетевшая к нам медицинская сестра Маруся Шаталова. Она сильно ушибла ногу. Никто не мог понять, почему все так произошло. Но, когда мы внимательно осмотрели парашюты, оказалось, что «карабины» к ним забыли прицепить. Поэтому автоматически они не раскрылись, а сами парашютисты сумели раскрыть свои парашюты лишь после того, как пролетели затяжным прыжком свыше двухсот метров. Молодцы все-таки наши товарищи – не потеряли присутствия духа!

Площадка для приема парашютистов оказалась негодной. Она была близко от станции: тут и рельсы, и мощный бульдозер, и лесной склад. На такой площадке можно изуродоваться. Пришлось радиоровать в Москву, чтобы людей пока не отправляли.

А разведка приносила тревожные сведения. Кругом шли слухи, что каждую ночь прилетают чуть не двадцать-тридцать самолетов и сбрасывают парашютистов, что здесь скопилась уже целая дивизия. Слухи эти дошли, конечно, и до немцев. На дивизию они, пожалуй, пошлют большую карательную экспедицию, а нас было лишь семьдесят человек.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

На рассвете 23 июня мы покинули лагерь. Было ясно, что немцы вот-вот бросят на нас карателей. На месте лагеря остались «маяк» – пять бойцов, которым поручили наблюдать за станцией. На «маяке» остался и наш доктор Цессарский. Он должен был лечить партизана Калашникова, который по-прежнему лежал в землянке у железнодорожного сторожа. Взять его с собой мы не могли: нога у него была еще в гипсе.

Я направился с отрядом на север, в большие лесные массивы. Прошли километров десять, когда заметили в лесу домик. На разведку послал трех партизан.

– Попросите поесть и постарайтесь узнать что-либо о немцах, – поручил я разведчикам.

Они вскоре вернулись и сообщили, что в домике живет лесник. Он дал им лишь десяток сырых картошек и в разговор не вступил: дескать, ничего не знает.

Не успели мы отойти и километра, как тыловое охранение передало, что задержан подозрительный человек. Он галопом скакал на лошади. Увидев нашу колонну, подъехал.

– Где можно видеть начальника полиции?

– А зачем он тебе? – не растерявшись, спросили партизаны.

– Ко мне только что заходили какие-то два молодчика и спрашивали о немцах. Наверное, партизаны. Они ушли вон в ту сторону.

Это был тот самый лесник, у которого мои разведчики взяли картошку. Нашу колонну он принял за отряд полицейских.

При допросе лесник сознался, что ехал в районный центр Хабное, чтобы сообщить немцам о появившихся партизанах. Те за поимку партизан обещали награду. И о себе он рассказал: в

свое время был осужден по уголовному делу советским судом.

Все стало ясно: был уголовником, стал предателем. Мы его тут же расстреляли.

Это происшествие насторожило нас еще больше. И хотя все устали, я решил не делать привала. Часа в три дня на ходу съели по куску вареного мяса. Хлеба у нас не было.

Как назло, начался сильный дождь, настоящий ливень. Одежда и обувь пропитались водой – идти стало еще тяжелее. Час, другой – дождь все не прекращался, но мы, не останавливаясь, шли все дальше и дальше от опасных мест. Лишь к ночи, когда все уже выбились из сил, я решил остановиться. Дождь прекратился, но в густом лесу все было мокро, с деревьев падали крупные капли и тучами роились комары. Люди, не привыкшие к длинным переходам, валились и засыпали тут же на земле.

На другой день мы нашли подходящее место для временного лагеря. Это было в лесу, среди огромнейших сосен. Здесь раньше, вероятно, было культурное хозяйство. На каждом дереве были сделаны «стрелы» для стока смолы и прикреплены чашечки. Мы быстро построили шесть палаток из парашютов, чтобы уберечься от комаров и иметь возможность спокойно спать. Недалеко от лагеря выбрали площадку для приема парашютистов. В тот же день укомплектовали подразделения, выделили разведчиков, побеседовали с ними и направили их в разные стороны – узнать, не идут ли следом за нами немцы, познакомиться, как живет население в деревнях и нельзя ли где-либо достать продуктов.

Утром 25 июня охранение лагеря задержало и привело ко мне еще одного субъекта, назвавшегося местным жителем. Недалеко от нашего лагеря он тщательно высматривал местность. При обыске у него нашли справку, что он работает в немецкой полиции. Сомнений быть не могло: немцы нас ищут и, может быть, уже напали на наш след.

В ту же ночь была тревога. Один из часовых услышал в лесу какой-то шорох. В темноте ему не удалось ничего разглядеть. Шепотом он приказал напарнику бежать в лагерь и доложить, что слышал шум.

В лагере объявили тревогу. Через несколько минут отряд был в боевой готовности.

Но вокруг все было тихо, ничто не нарушало лесного покоя. Обшарили кругом всю местность – ничего подозрительного.

Через час дали отбой, но остаток ночи я уже не спал. Дело в том, что тревога обнаружила наши непорядки: многие товарищи одевались и обувались пятнадцать – двадцать минут, бойцы поддежурного взвода спали раздетыми, хотя, по правилам, не должны были раздеваться: ночью они заступали на дежурство. Я вызвал к себе командиров подразделений и самих нарушителей дисциплины и строго отчитал их.

Наутро Александр Александрович Лукин пошел в том направлении, где ночью часовой слышал шум. Он шел осторожно, держа наизготове автомат. Вдруг около него кто-то выскочил из кустов и шарахнулся в сторону. Быстро, еще не поняв, в чем дело, Лукин ударил автоматом, но... это была маленькая дикая козочка. Тут же он услышал, как заблеяла вторая. Лукин поймал их и с этими трофеями явился в лагерь.

– Вот кто ночью был виновником тревоги и напугал часового! – сказал Лукин.

Лида и Маруся подняли визг:

– Ой, какие чудные! Отдайте их нам!

Но ту, которую Лукин ударили, пришлось зарезать. Другую отдали девушкам.

– Только не подымайте тревоги, если она заблеет, – шутили бойцы.

Поздно вечером в лагерь неожиданно явился в полном составе «маяк» со станции Толстый Лес и доктор Цессарский с ним. Оказывается, туда нагрянули гитлеровцы и схватили больного Калашникова вместе с железнодорожным сторожем.

Мы выделили группу разведчиков и дали им задание точно выяснить, где немцы и знают ли они место нашего лагеря.

До рассвета, когда все еще спали, разведчики вышли в путь. Но ушли они недалеко. В трехстах метрах от нас, на другом берегу маленькой речушки, они увидели немцев и открыли огонь. Буквально в две минуты лагерь был на ногах. Со мной в палатке спал Сергей Трофимович Стехов. Он выскоцил из палатки раньше меня и, захватив с собой поддежурный взвод, побежал по направлению стрельбы. Я оставался в лагере, у палатки с радиостанцией и штабными документами.

Стрельба разгоралась; можно было понять, что там, у речки, идет настоящий бой.

Потом стрельба началась с другой стороны, близко от лагеря. Медлить нельзя было. Вторую группу бойцов во главе с Кочетковым я отправил к месту боя. Из оставшихся партизан выставил дополнительные посты вокруг лагеря.

В лесу каждый крик, каждый выстрел давал громкое эхо. Уже отчетливо слышались крики «Рус, сдавайся!» и заглушавшее их наше партизанское «Ура, ура, вперед!»

Через полчаса принесли первого раненого. Это был испанец Флорежакс. Доктор Цессарский и Маруся Шаталова уже подготовили санитарную палатку. У Флорежакса было тяжелое ранение разрывной пулей. Цессарский приступил к операции.

Вскоре привели пленных: двух немцев и трех предателей-полицейских, одетых в немецкую форму. Их мы допросили в первую очередь, потому что Цессарский, знавший немецкий язык, был занят на операции.

Пленные показали, что они действительно шли на наш отряд и их головная колонна в составе ста шестидесяти человек с двух сторон напала на лагерь. Уже в ходе боя немецкий командир сообщил по радио в Хабное, чтобы немедленно высыпали подкрепление.

Шумы боя утихали, и стрельба удалялась. Было ясно, что наши отгоняют фашистов.

Цессарский продолжал операцию, не обращая ни малейшего внимания на стрельбу. Вслед за Флорежаксом появились еще двое раненых.

Умелыми, уверенными руками Цессарский очищал раны, накладывал повязки и спокойно приговаривал:

– Не волнуйтесь, все будет в порядке. Ничего опасного нет.

С места боя пришел залитый кровью Костя Пастаногов. Рука у него была неестественно вывернута. Ослабевшим голосом он сказал:

– Всыпали гадам! – и тут же повалился на землю.

Цессарский подхватил его, положил на разостланную плащ-палатку и занялся рукой. Кости были перебиты, кожа разорвана, рука держалась на одних сухожилиях.

Два часа длился бой. Наши далеко отогнали гитлеровцев, и мне пришлось посыпать связанных, чтобы вернуть своих обратно в лагерь.

Первое испытание мы выдержали. Двадцать пять партизан, непосредственно участвовавших в бою, справились со ста шестьюдесятью гитлеровцами. Немцев было убито свыше сорока человек, в том числе семь офицеров. Раненых учесть мы не могли – их противник забрал с собой. В бою мы захватили у врага оружие – ручные пулеметы, винтовки, гранаты и пистолеты.

В этом бою и мы понесли тяжелую утрату. Был убит Толя Копчинский, храбрый, веселый, жизнерадостный москвич, комсомолец, рекордсмен СССР по конькам. Копчинский добровольно пришел в наш отряд и за короткий срок стал всеобщим любимцем.

В далеком Мозырском лесу, на поляне, мы вырыли могилу герою-партизану. Опустили тело в землю, молча сняли головные уборы. Лишь несколько слов я сказал у открытой могилы. «Прощай, молодой друг! Мы отомстим за тебя!» И первым бросил горсть земли.

Так же молча прошли у могилы наши бойцы, кидая по горсти земли.

Потом зарыли могилу и выросший бугорок любовно обложили зеленым дерном.

Надо было уходить отсюда немедленно. К немцам могло подойти подкрепление, и нашей «дивизии» пришлось бы туда.

Дал сигнал к отходу.

У нас были три повозки; на них положили раненых и тронулись в путь. Но шли не по дороге, а прямо лесом. Позади отряда двигалась группа бойцов и маскировала следы.

Четыре дня немцы гнались за нами на тридцати грузовых машинах. Безуспешно!

Мы шли такими тропинками, где они проехать не могли. Мы шли по ночам, а гитлеровцы больше всего боялись ночной темноты на русской земле.

В ПУТИ

Больше месяца продолжался наш опасный путь по земле, захваченной врагами.

От станции Толстый Лес до Сарненских лесов свыше двухсот километров. Легко проехать поездом такое расстояние. Нетрудно на машине. Да и, пожалуй, не очень трудно пройти пешком, если идти известными дорогами и ночевать в уютных хатах. Но партизанские километры длинные и тяжелые.

Мы шли не дорогами, а пробирались незаметными лесными тропинками и болотистыми просеками. Мы не заходили в деревни, а обходили их стороной, да так, чтобы нас даже собаки не почуяли.

Мы шли по ночам, а днем отдыхали прямо на земле. Мы мокли в болотах и под проливными дождями. Комары не давали покоя. Они забирались под специально сшитые накомарники и впивались своими хоботками в лицо, шею, лезли в уши, нос, глаза.

У нас не было ни хлеба, ни картошки, и сутками мы шли голодные. В хутора и деревни заходили только разведчики, и то с большой осторожностью, чтоб не выдать, что где-то неподалеку движется отряд.

От местных жителей разведчики узнавали, что гитлеровцы гонятся за нами, что под видом

пастухов или сборщиков ягод они посылают в лес своих агентов.

Бывало так. Партизан-разведчик, идущий впереди отряда, встретит в лесу подозрительных людей. Тогда отряд залегает в том месте, где его застала тревожная весть, и недвижно лежит час, другой, третий, пока связной не сообщит, что можно двигаться дальше.

Мы шли, преодолевая все препятствия, которые только мыслимы в пути, и двести километров по карте у нас фактически превращались в пятьсот километров, а может, и больше.

Разведчики проходили втрое, а то и вчетверо больше, чем остальные. Когда отряд отдыхал, они шли вперед по намеченному на следующие сутки маршруту, подыскивали места для новых привалов, возвращались к отряду и вели его уже по изученному пути.

Другие посылались в стороны, чтобы следить, не готовят ли немцы на нас нападение.

Особенно тяжело было раненым. Лесные тропинки и просеки густо усеяны корневищами деревьев и пнями. Каждый корень, бугорок или пень, который не удавалось обехать, острой болью отзывался в кровоточащих ранах. В болотистых местах лошади не в силах были тянуть увязавшие по колеса повозки. Приходилось распрягать лошадей и вытаскивать повозки на руках.

К раненым наши товарищи проявляли трогательную заботу. Разведчики доставали для них сливки, сметану, яйца и даже белый хлеб.

Доктор Цессарский и медсестра Маруся ни на шаг не отходили от повозок с ранеными.

Путь был тяжелый и трудный, но никто не унывал. На привалах вполголоса затягивали песни, и даже раненые подпевали. Частенько слышались шутки, смех, а то посмотришь — и пляска начинается. Но плясали счастливцы, конечно. На стоянках многие партизаны шли к Цессарскому для перевязки кровавых мозолей.

Ежедневно мы имели по радио связь с Москвой, получали сводки военных действий. Эти сообщения из Москвы переписывались от руки в нескольких экземплярах и после прочтения партизанам вручались разведчикам, которые заходили в деревни и хутора.

Крестьяне узнавали правду про войну: ведь гитлеровцы говорили, что и Москва и Ленинград уже захвачены ими.

От разведчиков мы узнавали о жизни крестьян. Оккупанты грабили и убивали людей, забирали население на тяжелые работы, молодежь угоняли в Германию, в рабство.

Одна колхозница рассказывала;

— Забрали и мою Анютку. Когда уезжала, я ей говорила: «Пиши, дитятко, осторожно. Будет плохо — нарисуй цветочек». Знаю ведь, писать правду не позволят. Ну вот, намедни получила письмо. Словами написано, что живет ничего, а на письме-то целых двенадцать цветочков нарисовано...

Отряд направлялся в район деревни Мухоеды.

Мы рассчитывали так: если Саша Творогов и Пашун живы, они должны нас искать в условленном месте.

Уже по дороге наши разведчики услышали от крестьян рассказы о каких-то отважных четырнадцати партизанах. Сначала эти вести доходили до нас как легенда о красных десантниках, победивших большой фашистский отряд. Потом сведения начали все больше проясняться, нашлись очевидцы, и вот что в конце концов мы установили.

Творогов со своим звеном, выброшенный с самолета южнее Житомира, обошел город с запада и направился на север, к Мухоедам. В одной деревне они расположились на отдых. Ночью немцы окружили хату, где были партизаны.

– Рус, сдавайся! – кричали враги.

– Большевики не сдаются! – ответили наши товарищи и открыли огонь из окон хаты.

Бой длился целый день. Свыше пятидесяти гитлеровцев было убито. Из четырнадцати партизан в живых остались только пятеро.

Когда стемнело, немцы подожгли дом, но партизанам удалось выскочить. Отстреливаясь, они скрылись.

За ночь, раненые и измученные, они прошли километров десять. На рассвете вновь увидели погоню, добежали до деревни и заняли крайнюю хату. И опять немцы их окружили, опять несколько часов длился бой. Наконец стрельба из хаты прекратилась. Когда немцы ворвались в дом, их добычей были лишь тела трех убитых партизан. Двое каким-то чудом бежали. По рассказам крестьян, по описанию одежды можно было догадаться, что в числе убитых был и Саша Творогов.

Ничего больше об этой группе мы не узнали. Лишь после войны меня нашел один товарищ из группы Творогова. Оказывается, ему с партизаном-испанцем удалось вырваться из той хаты. После долгих блужданий они примкнули к одному партизанскому отряду и находились в нем до конца войны.

Так закончилась история отважных бойцов группы Творогова.

На одном хуторе, расположеннном недалеко от деревни Мухоеды, жители сообщили, что к ним заходили какие-то люди, одетые в комбинезоны и пилотки, покупали картошку, молоко, хлеб. Прощаясь, сказали, что придут еще.

Мы решили устроить засаду. Разведчику Вале Семенову с несколькими партизанами ведено было укрыться в кустах у крайней хаты. Часов шесть простояли они. Наконец на дороге показались три фигуры. Наши приготовили автоматы, но когда те приблизились, Семенов заорал: «Ребята, да ведь это же Шевчук, а тот Дарбек Абдраимов!» Разведчики выскочили из засады и бросились обнимать товарищей. Это были партизаны из звена Пашуна.

Через несколько часов мы встретились с самим Пашуном и его людьми. Кто имел фотоаппарат, защелкал. Ну как же! Ведь недавно расстались в Москве, а за это время юноши-физкультурники из звена Пашуна превратились в бородатых мужчин.

Они искали нас больше месяца. Их сбросили с самолета где-то на станции Хойники, за сто восемьдесят километров от Толстого Леса. Летчиков ввели в заблуждение костры, которые там были зажжены. Но как выяснилось позже, эти костры жгли местные жители, мобилизованные для работы на железной дороге. Охранники из немецких полицейских, заметив десант, стали стрелять. Хорошо, что ветер гнал парашютистов в сторону от костров. Все же один товарищ еще в воздухе погиб от вражеской пули. Остальные приземлились и собрались на сигнал Пашуна.

Несколько дней они пробирались по болотам, скрываясь от вражеской погони. Потом им удалось дойти до реки Припяти и переправиться через нее на лодках. После нашего ухода они были на станции Толстый Лес и оттуда уже шли по нашим следам.

Итак, теперь весь отряд был в сборе. Восемьдесят пять человек!

21 июля, когда отряд остановился на отдых, Сергей Трофимович Стехов собрал на лесной

полянке членов партии и кандидатов. Это было первое партийное собрание в нашем отряде.

Наша партийная организация оказалась немногочисленной – всего пятнадцать членов партии и четыре кандидата. Уже на первом собрании мы обсудили главные вопросы нашей жизни: о передовой роли коммунистов в борьбе с фашистами, о том, что коммунисты должны служить примером в боях и в быту, о дисциплине в отряде и о работе комсомольской организации. С этого дня началась у нас организованная партийная и комсомольская жизнь.

Ежедневно на отдыхе Сергей Трофимович проводил политинформации: рассказывал о положении на фронтах, о жизни в родной стране, о задачах советских людей в тылу врага. Стехов умел проводить беседы интересно, живо, и вокруг него всегда собирались партизаны отряда.

Недалеко от хутора Злуй мы нашли площадку для приема парашютистов. Я сообщил координаты а Москву. В первую же ночь прилетел самолет. Мы приняли еще двенадцать бойцов.

С радостью я встретил Николая Ивановича Кузнецова, которого очень ждал и о котором будет много рассказано в этой книге.

ОТРЯД РАСТЕТ

В селах и хуторах отыскивались бывшие красноармейцы и младшие командиры Красной Армии. Одни из них, попав в окружение, осели здесь под видом местных жителей. Другие бежали из немецких лагерей для военнопленных и тоже скрывались на хуторах.

Все они, как только узнавали, что имеют дело с партизанами, просили взять их в отряд. Каждый день разведчики приводили с собой по нескольку человек.

В районе города Овруч мы встретились с лесным сторожем. Он рассказал, что в этих лесах уже есть какие-то партизаны. Мы заинтересовались, но найти этих партизан оказалось не так-то просто. Они боялись нас, не знали, кто мы такие, и тщательно скрывались. Наконец удалось двоих задержать. Узнав, кто мы, они привели и остальных двадцать человек. Это были красноармейцы, бежавшие из фашистского плена.

Но мы не могли просто включить этих людей в свои ряды. Каждого в отдельности расспрашивали, кто он, откуда, в каких частях служил.

Потом у всех новичков произвели тщательный обыск. Двое партизан обыскивали, а мы с Сергеем Трофимовичем стояли и наблюдали.

Вытаскивают у одного из кармана игральные карты. Сергей Трофимович бережно берет их себе и благодарит недоумевающего новичка:

– Спасибо, спасибо! В сырую погоду этими картами хорошо разжигать костер!

У другого находят пол-литра водки:

– И за это спасибо. У нас сейчас своего запаса нет, а бывает, что и такая вещь потребуется.

Когда опрос и осмотр закончились, Стехов выстроил всю группу и познакомил вновь принимаемых с нашими порядками:

— Мы примем вас в свой отряд, но знайте, что дисциплина у нас строгая. Приказ командира — нерушимый закон. За проступок — наказание. Пить водку категорически запрещается. Игра в карты запрещена. Брать что-либо у населения и присваивать себе категорически запрещается. За грабеж будем расстреливать. Конфискованные у противника вещи сдаются в хозяйствственный взвод и распределяются по усмотрению командования. Даже табак присваивать нельзя...

А под конец Стехов добавил:

— У некоторых из вас нет оружия. Мы не собираемся подносить его вам. Потеряли свое — добудьте новое в бою. Биться с врагами будем крепко и часто. Понятно?

Вечером у костра мы услышали от вновь принятых в отряд печальные рассказы о муках и испытаниях, перенесенных ими в немецких лагерях...

Как сейчас, слышу слова одного пожилого красноармейца-сибиряка:

— Сидим мы, значит, день, другой, третий. Во рту ни крошки не держали, да и глотка воды не дают. Кое-кто уже не выдерживает, бредит... Тут смотрим — немецкий охранник кран открыл водопроводный. Бросились наши к свежей воде, а он, гад, стал из пулемета строчить...

Связь нашего отряда с Большой землей не прекращалась ни на минуту. От нее зависели и судьба и направление работы отряда. Поэтому радиосвязи мы придавали большое значение и радистов берегли как зеницу ока.

Во время переходов каждому радисту для личной охраны было придано по два автоматчика. Они же помогали нести аппаратуру.

Кстати скажу, аппаратура радистов хотя и считалась портативной, была нелегкая. Состояла она из чемоданчика, в который были вмонтированы приемник-передатчик с ключом и «питание» — сухие анодные и катодные батареи. Кроме того, приходилось нести с собой запасное «питание»: уже частично отработанные батареи, которые использовались для слушания передач из Москвы.

Ежедневно в определенный час мы связывались с Москвой. Если отряд находился на марше и останавливать его не было смысла, мы оставляли радиста с охраной человек в двадцать в том месте, где заставал нас радиочас. Отряд шел дальше, а радист связывался с Москвой. Закончив работу, он догонял отряд и вручал радиограмму из Москвы.

Приближался август, а мы все еще были в пути. Вот уже перешли железную дорогу Ковель — Киев, до места осталось километров сорок.

На стоянке близ разъезда Будки-Сновидовичи местные жители предупредили наших разведчиков, что немцы заметили нас при переходе через железную дорогу и собираются напасть на рассвете следующего дня. Но мы не стали их дожидаться. Тут же выделили пятьдесят партизан во главе с Пашуном и послали их на разгром карателей.

Ночью партизаны подошли к разъезду Будки-Сновидовичи. Разведка установила, что гитлеровцы находятся в эшелоне, который стоит на запасном пути.

Наши подошли к железнодорожным вагонам и залегли. Не успел Пашун осмотреться, как пришлось действовать. Какая-то собачонка у немцев, видимо, услышала шорох, подняла лай и всполошила охрану. Часовой окликнул — никто ему не ответил; тогда он дал два сигнальных выстрела. Ждать было нельзя, и Пашун скомандовал: «Огоны!» В вагоны с гитлеровскими солдатами посыпалась граната. В дело пошли автоматы и пулеметы. От разрывной пули загорелась стоявшая у эшелона бочка с бензином. Бочка взорвалась, и огонь перекинулся на

вагоны; вспыхнул пожар.

К рассвету каратели, посланные оккупантами, чтобы нас разгромить, сами оказались разбитыми. Не многим из них удалось бежать.

Были взяты большие трофеи: много всякого оружия, винтовок, гранат, патронов, всякий хозяйствственный инвентарь, например фонари, и очень нужные нам продукты питания, в особенности сахар и сахарин.

При этой операции погиб испанец Антонио Бланке. Ему было двадцать два года, но за свою короткую жизнь он прошел славный боевой путь. В 1936 году, когда Антонио было всего шестнадцать лет, он боролся с фашистами в рядах испанской народной милиции. Потом жил в Советском Союзе. В наш отряд пошел добровольно.

Антонио Бланке погиб смертью героя. Он первым подбежал к вагону и бросил внутрь его гранату.

Через два дня после боя на станции Будки-Сновидовичи мы пришли в Сарненские леса.

В ЛАГЕРЕ

Наше местожительство оказалось обширным и удобным. Сарненские леса раскинулись на сотни километров. Но это не был сплошной лесной массив. Леса, поля и хутора чередовались довольно равномерно. Через каждые шесть-восемь километров можно было встретить отдельные хутора и деревни. Значит, и укрыться отряду можно было, и население неподалеку, а это для нас было очень важно.

В Москве командование поставило перед нашим отрядом главную задачу: заниматься разведкой в городах и на узловых железнодорожных станциях Западной Украины. Надо было узнавать и передавать в Москву сведения о враге: какие у него силы, где военные заводы и склады, где находятся штабы, куда и сколько направляется войск и вооружения, узнавать все военные секреты немцев; одновременно всюду, где это можно, наносить им ущерб.

Мы остановились в лесу неподалеку от деревни Рудня-Бобровская, километрах в ста двадцати от Ровно. Это было в августе, стояла теплая погода; землянок рыть мы не стали, а натянули плащ-палатки. Те, у кого их не было, делали шалаши из веток. Лучшим материалом для шалашей оказались еловые ветви. Уложенные густо, они сохраняли внутри шалаша тепло, а капли дождя стекали с их иголок на землю, не проникая внутрь. «Лапки» елок были и хорошей подстилкой: они пружинили, словно матрац; чтобы иглы не кололи, их застилали сверху листвами или мхом.

Планировка лагеря была такая. В центре, вокруг костра, были симметрично растянуты плащ-палатки штаба отряда. В нескольких метрах от штаба с трех сторон располагались палатки санитарной службы, радиосвязи и штабной кухни. Немного поодаль – подразделения разведки. Затем, по краям занятого квартала, были строевые подразделения.

Весь наш «поселок» был выстроен в один день. На другой день я уже разослал во всех направлениях бойцов – познакомиться с населением, узнать о немцах, искать верных нам людей, добывать продукты.

В первую очередь пошли товарищи, знающие украинский язык, а у нас таких было немало. Но не всех можно было посыпать на разведку. У многих за длительный переход совершенно истрепалась обувь. Складов обмундирования у нас не было, а на немецкие склады в первый

же день не пойдешь.

Оставшиеся в лагере «босоногие», понурив головы, занялись «домашним хозяйством» – наводили порядок в палатках.

Боец Королев, уроженец Рязанской области, никак не мог примириться с такой участью:

- Баба я, что ли, дома сидеть-то!
- А ты поди в Мосторг и купи себе шевровые штиблеты, – острили товарищи.

Королев пошел в хозяйственный взвод и попросил топор. Потом явился к командиру отделения Сарапулову:

- Товарищ командир, разрешите отлучиться на тридцать минут?
- Зачем и куда?
- В лес пойду, липу обдирать.
- Да зачем тебе?
- Я себе лапти из липовой коры сплету.

Сарапулов подумал минутку:

- Хорошо, товарищ Королев, идите, только не опаздывайте.
- Есть не опаздывать!

Через полчаса Королев вернулся, сел неподалеку от палатки на пенек и начал работать. Из липовой коры надрал лыка, сделал из дерева колодку и заплел лапоть.

Тут же явились шутники:

- Сапоги шьешь, товарищ Королев? В таких, брат, сапогах тебя за английского лорда примут!

Королев отмалчивался и продолжал свое дело.

Через час он уже примерил готовый лапоть. В это время подошел к нему Сарапулов:

- Ну-ка, дай посмотрю.

Взял, повертел лапоть в руках и, не говоря ни слова, унес с собой. Королев, не понимая, что бы это значило, остался сидеть на пеньке.

«Наверно, выбросит. Пропала моя работа!» – сокрушался он.

Но Сарапулов скоро вернулся назад.

- Товарищ Королев, я сейчас твой лапоть в штабе показывал. Замполит Стхов передал приказание: пару лаптей сплести ему. Потом приказал всем командирам взводов выделить по два человека и направить к тебе на обучение.

Через несколько минут начали подходить «ученики».

- Здесь товарищ Королев?
- Я самый.

– Нас послали к тебе учиться лапти плести.

Собралось восемь учеников. Королев видел, что не все охотно берутся за работу, и начал с «агитации»:

– Вы, ребята, не серчайте, это дело хорошее. Лапоть – старинная русская обувка.. Мы сейчас с вами трудности переживаем. Что же нам, мародерничать, что ли? С своего брата крестьянина сапоги снимать негоже, а до фашистов пока не добрались. А я так скажу: лапоть для партизана лучше даже сапог. К примеру, в лаптях при ходьбе нет стука. Надо к врагу потихоньку подойти – ежели в лаптях, то и не слышно. А если ночное дело, и собаки гвалт не подымут. Ну, и мозоли не набиваются. А теперича делайте так, как я. Вот, берите лыко...

На первом же уроке по одному, хотя и некрасивому, лапту бойцы сплели, а дня через два многие ходили в новеньких лаптях. Так на первое время разрешена была проблема обуви.

Много нужд оказалось у нас в лесу, но из всякого положения в конце концов находился выход. У людей обнаруживались таланты, способности, и как раз в тех дела, в которых отряд нуждался. Так произошло и с испанцем Ривасом. В первое время он растерялся. Та злосчастная ночь, когда он просидел один в лесу с пойманым голубем, видно, вывела его из душевного равновесия.

Ривас был назначен бойцом во взвод, но физически он был слабым человеком, и ему трудно было наравне с другими нести строевую службу. При переходах он так уставал, что его часто приходилось сажать на повозку вместе с ранеными. По-русски не знал ни слова. Дел по его специальности авиационного механика пока никаких не было. Впервые в жизни ему пришлось нести у нас караульную службу. Усталый, растерянный, он стоял на посту и всегда строгал перочинным ножом палочки, нарушая тем самым устав караульной службы. А однажды его забыли сменить, и он совсем пал духом. Мы посоветовались, как быть, и предложили ему с первым же самолетом, который к нам придет, отправиться обратно в Москву. Ривас согласился, но неожиданный случай все перевернул.

Как-то Ривас увидел, что один партизан возится с испорченным автоматом. Он подошел, посмотрел и, покачивая головой, сказал:

– Чу, чу! Ремонтируй?

– Вот тебе и «чу-чу», ни черта не выходит! – с досадой огрызнулся партизан.

– Э! Проба ремонтируй! – сказал Ривас и занялся автоматом.

Оказалось, что в диске лопнула пружинка. Ривас нашел сломанный патефон – трофей боя на разъезде Будки-Сновидовичи, вытащил из него пружину и пристроил ее к автомату. Оружие стало исправным.

С этого началась новая жизнь человека. Бойцы потянулись к Ривасу. Разведчики достали для него тиски, молотки, напильники, и вот не узнать нашего испанца: целыми днями пилит, сверлит, режет. Из ржавого болта одним напильником сделал превосходный боек для пулемета – не отличишь от заводского.

Теперь Ривас повеселел, заулыбался и даже начал полнеть. С рассветом выходил со своим чемоданчиком с инструментами и начинал чинить оружие. Когда было много «заказчиков», он работал и ночью, при свете костра. Потом соорудил себе подобие лампы, которую по-испански называл «марипоса». Заправлялась «марипоса» не керосином, а конским или коровьим жиром. Много оружия, которое было бы брошено, Ривас починил и «вернул в строй».

– Вот человек, золотые руки! – говорили о нем партизаны.

Он, действительно, все умел исправить.

– Ривас, часы что-то стали!

– Э, плохо! Проба ремонтиру.

– Ривас, зажигалка испортилась!

– Проба ремонтиру!

Когда потом пришел самолет и мы спросили Риваса, полетит ли он в Москву, он даже испугался и, замахав обеими руками, сказал:

– Ни, ни, я полезна, ремонтиру!

Так был найден для отряда ружейный мастер.

Походных кухонь у нас с собой не было. Не было, конечно, и настоящих поваров. Да что там говорить, в первое время и продовольствия никакого не было. Было только то, что крестьяне добровольно нам давали.

Порядок распределения продуктов был очень строгий. Все, что разведчики приносили, все до последней кручинки сдавалось в хозяйственную часть, а там уже шло по подразделениям. Ни один боец не имел права воспользоваться чем-нибудь лично для себя.

В каждом подразделении была своя кухня и одна кухня для санчасти, штаба, радиостов и разведчиков.

Поваром на штабную кухню был назначен казах Дарбек Абдраимов. Повар ввел свое «меню» – болтушку. Делалась она так: мясо варилось в воде, затем вынималось, а в бульон засыпалась мука. Получалась густая, клейкая масса, которую мы шутя называли «болтушка по-казахски». Ели болтушку вприкуску с... мясом: хлеба у нас не было.

Когда не было муки – а это случалось часто, – вместо болтушки ели толчонку: в бульоне варили картошку и толкли ее.

Если не было муки и картошки, находили пшеницу или рожь в зернах и варили. Всю ночь бывало стоит зерно на костре и кипит, но все-таки не разваривается.

Когда появилась мука, у нас стали печь вместо хлеба лепешки. Дарбек это делал мастерски. Он клал тесто на одну сковородку, прикрывал другой и закапывал в угли. Получались пышные «лепешки по-казахски».

Большим подспорьем служил «подножный корм». В лесу было много грибов, земляники, малины, черники. В подразделениях наладили сбор ягод и грибов. От черники у партизан чернели зубы, губы и руки. Иногда чернику «томили» в котелках на углях костров. Томленая, она была похожа на джем. А если к томленой чернике добавляли трофейный сахарин, то получалось лакомое блюдо – варенье к чаю. Кстати сказать, чаю у нас тоже не было. Кипяток заваривали листьями и цветами.

Лагерь наш был недолговременным. На дым костров, запах пищи и отбросы слетались вороны, они могли нас выдать. К тому же в колодце вода оказалась недоброкачественной, и доктор Цессарский потребовал смены места лагеря. Перешли километров за двадцать и там раскинули новый лагерь. Потом, по разным причинам, мы часто меняли стоянку и привыкли к переездам на новые «квартиры».

Много хлопот по лагерю выпадало на долю Цессарского. Он устраивал санитарные палатки, лечил раненых, следил за гигиеной, принимал больных в деревнях и успевал всегда и во всем.

В самый короткий срок он завоевал среди партизан авторитет. В него как врача верили все. Он умел подойти к каждому раненому, больному.

Флорежаксу, который не понимал по-русски ни слова, Цессарский мимикой и жестами объяснил состояние его раны, внушил веру в выздоровление и доказал, что тот будет жить и еще повоюет.

Руку Кости Пастаногова Цессарский положил в лубок, сделанный из выструганных по его указанию дощечек. Рука начала срастаться, и Пастаногов мог уже пользоваться наганом-самовзводом.

– Потом займемся врачебной гимнастикой руки, – успокаивал Костю доктор.

Когда говорят об умелом, опытном враче, то обычно представляют себе пожилого человека с бородкой клинышком, смотрящего на пациента поверх очков. Таков портрет совсем не подходит к Цессарскому.

Альберту Вениаминовичу Цессарскому был двадцать один год. Он окончил медицинский институт в Москве за месяц до войны. Будучи студентом, получил хирургическую практику в институте имени Склифосовского. Как только началась война, Цессарский подал заявление в Московский комитет комсомола с просьбой послать его на фронт. В июле его направили в одну из частей Московского гарнизона.

Когда мы формировали отряд, к нам попали товарищи Цессарского. От них Альберт Вениаминович узнал мой телефон и позвонил. В назначенное время он явился ко мне. Я увидел высокого, молодого, красивого брюнета.

- Товарищ Медведев, прошу зачислить меня в вашу партизанскую группу и отзвать из тыловой части.
- А что вы умеете делать?
- Я знаком с полевой хирургией. Знаю немецкий язык.
- Нам нужен хирург, врач по всем болезням и храбрый солдат.
- Себя хвалить трудно. Спросите обо мне Базанова, Шмуйловского, которые зачислены к вам в отряд.

Я попросил Цессарского тут же написать рапорт. С этим рапортом побывал у генерал-полковника, в ведении которого находилась дивизия, где числился Цессарский.

Генерал-полковник написал на рапорте: «Откомандировать в распоряжение полковника Медведева».

Цессарский радостно схватил рапорт с резолюцией генерал-полковника и полетел в свою дивизию.

В немногие дни, оставшиеся до перелета в тыл врага, Цессарский не терял ни минуты. Он доставал препараты, медикаменты и хирургические инструменты, которые ему могли потребоваться. Ходил на хирургическую практику, советовался с опытными хирургами, читал медицинские книги и успевал проходить подготовку наравне с другими бойцами.

Он должен был лететь со мной вместе, но когда мы узнали, что там, у Толстого Леса, разбился стариk Калашников и что ему нужна немедленная медицинская помощь, я вызвал Цессарского:

– Сегодня можете вылететь?

Это было уже под вечер.

– В любую минуту, – ответил Цессарский.

– Через два часа вы вылетаете.

– Есть!

Цессарский незадолго до этого женился. Он побежал домой попрощаться с женой, но она куда-то ушла. Так и пришлось ему улететь не попрощавшись.

Цессарский был неутомим: всегда занят, всегда хлопочет, всегда куда-то спешит.

Ежедневно, независимо от погоды, он по очереди выстраивал все взводы. Выстроит людей, прикажет всем снять рубашки и начинает осмотр. У кого грязные руки, уши – пристыдит, отругает, заставит умыться. Если найдет хоть одну вошь, все подразделение отправляет в санитарную обработку. Когда было тепло, мылись в речке или у колодца; когда стало холодно, «баня» устраивалась прямо у костра, мылись нагретой водой.

Партизаны не ворчали: раз сказал Цессарский – баста!

Но зато в отряде у нас не было эпидемий дизентерии и сыпняка, а кругом в деревнях эти болезни свирепствовали.

В газете нашего отряда «Мы победим», которая стала выходить еще на марше, Цессарский был постоянным корреспондентом. Газета писалась от руки на обычной ученической рисовальной тетради. Страницы три этой газеты всегда посвящались «медицинскому вопросу», и здесь Цессарский «воевал» за гигиену.

«Объявим войну эпидемиям, – писал наш доктор, – Оружие в этой войне одно – чистота. Нечистоплотность в наших рядах – это предательство».

Помню, в одном номере газеты был такой шутливый рисунок: во всю страницу было изображено, как из болота пьют воду поросенок и партизан. Под рисунком такие стихи:

Боец, похожий на свинью,

Нас подвергает всех заразе.

В сырой воде всегда полно

Бацилл, бактерий, вони, грязи.

Автор стихов не поставил под ними своей подписи, но, думаю, стихи сочинил сам Цессарский. Он любил писать стихи, но подпись свою в газете ставил обычно под стихами «серезными».

Цессарский часто выезжал в села.

– Партизаны прислали доктора! – разносилось по хатам, и больные толпой шли «на прием».

При немцах население не получало медицинской помощи, а больных было много. Голод и эпидемии косили людей. К Цессарскому обращались с различными болезнями.

Самое тяжелое впечатление производили дети. Из-за плохого питания они подвергались всевозможным заболеваниям. Родители на руках приносили ребят, завернутых в грязное тряпье.

Если Цессарский долго не появлялся, деревенские жители просили разведчиков прислать его поскорее, и Цессарский немедленно отправлялся, останавливался в какой-нибудь хате, надевал белый халат и начинал прием.

В товарищеских беседах Цессарский часто говорил, что его интересуют искусство, литература и в особенности театр.

— Вот кончится война — пойду в театр. Хочу быть актером.

Лишь только выдавался у него вечером свободный часок, он шел к костру, где сидели бойцы, и начинал «концерт». Цессарский мастерски читал стихи Пушкина, Некрасова, Маяковского. Голос у него приятный, бархатный.

С особым вниманием слушали мы здесь, в тылу врага, «Стихи о советском паспорте» Маяковского:

С каким наслажденьем жандармской кастой я был бы исхлестан и распят за то, что в руках у меня молоткастый, серпастый советский паспорт.

Позже у нас в отряде появились и другие «актеры» — певцы, баянисты, плясуны. Но на первых порах один Цессарский лечил у бойцов и болезни и тоску по семье, по родной советской жизни.

СТРАШНЫЙ «ПОРЯДОК»

В деревнях и городах Западной Украины мы увидели своими глазами все то, о чем прежде лишь читали в газетах.

Гитлеровцы грабили крестьян, отбирали у них хлеб и скот. Того, кто сопротивлялся, расстреливали, вешали, сжигали живьем, душили в машинах-душегубках. Молодежь угоняли на работы в Германию. С собаками разыскивали тех, кто прятался. Найдут — изобьют и угонят или доведут до смерти.

И это они называли «новым порядком».

Крестьян обложили непосильными налогами. Даже за дворовую собаку требовали триста рублей налога. Голод, нищета, страшные эпидемии косили народ. Целые округа оставались без медицинской помощи.

Это тоже было «новым порядком».

Захватив города и села Западной Украины, фашисты объявили регистрацию евреев. Забирали их имущество, а самих отправляли работать на каменные карьеры.

В конце августа, точно по намеченному плану, в Ровно и ближайших районах была произведена «ликвидация» еврейского населения. Большими группами гитлеровцы выводили евреев за город, заставляли их копать себе могилы, потом расстреливали; не разбирая, кто мертв, а кто еще жив, сталкивали в ямы и закапывали.

Никого не щадили людоеды: ни стариков, ни младенцев.

Лишь очень немногим удавалось бежать. Да и это еще не было спасеньем. Под страхом расстрела немцы запрещали населению оказывать евреям помочь. Были вывешены объявления о наградах предателям: один килограмм соли за каждого выданного еврея.

Это тоже было фашистским «новым порядком».

Население ненавидело гитлеровцев. Избавления ждали только от Красной Армии, поэтому, когда мы, партизаны, посланцы народа и советской власти, приходили в хутора и села, нас встречали радостно. Но за связь с партизанами тоже грозила смерть. Даже не за связь, а за то, что знал о партизане и не выдал его. В ту пору оккупанты и не думали, что придет час возмездия за их злодейства.

Когда я смотрел в кино «Суд народов» – суд над главными немецкими военными преступниками, где показаны зверства фашистов, я не увидел ничего нового и больше того, что видел в сорок втором году в Кастопольском, Людвигпольском, Ракитнянском, Сарненском, и в других районах, mestechkakh и городах Западной Украины.

А враги на орошенной кровью, страдающей земле с комфортом устраивали свою жизнь. Немецкие чиновники и администраторы привезли сюда своих жен, всяких родичей и зажили в лучших домах городов и селений. Многие получили в свое пользование целые имения. Землю для них обрабатывали наши крестьяне.

«Новый порядок» держался на фашистских штыках, автоматах, виселицах. Но были и предатели советского народа, которые поддерживали «новый порядок» и помогали гитлеровцам в их черных делах.

Еще до войны немцы тайно перебросили на нашу землю своих агентов из украинских националистов. Эти шпионы и изменники собирали банды из кулаков и уголовных преступников. Когда началась война, они стали грабить колхозное имущество, убивать коммунистов, комсомольцев и колхозных активистов. Среди народа они вели агитацию за «ясновельможного пана Гитлера», против России, против советской власти.

После захвата немцами Западной Украины часть этих предателей пошла на службу в гитлеровскую полицию, другие так и остались в бандах. Немцы их вооружили и приказали вести борьбу с партизанами.

Однажды в густом лесу, по дороге в Сарненские леса, мы неожиданно натолкнулись на целый табор: в землянках и шалаших ютились жители большой деревни. Бывший председатель колхоза этой деревни, старик лет шестидесяти, рассказал нам о горькой части своего колхоза. Все у них разграбили, многих убили, многих отправили в Германию. Чтобы сохранить жизнь оставшимся, он увел своих колхозников в лес.

Рассказывая об этом, старик часто упоминал «гайдамаковцев».

– Что за гайдамаковцы, кто такие? – спросили мы.

– Хиба ж вы не знаете? – удивился председатель. – Це ж предатели, головоризы. Ох, и люты собаки! Да вот подывытесь их газеты. Боны сами пишут, як продали душу Гитлеру.

И старик принес несколько номеров газеты под названием «Гайдамак». Я взял в руки номер газеты. В глаза бросилась такая фраза:

«Може, охота погуляти – когось ограбити, сдобути собі якусь особісту користь?.. Не перечимо...»

Бандиты-гайдамаковцы усердно выслуживались перед немецко-фашистскими захватчиками. В награду за «верную службу» им разрешалось грабить. Настало раздолье бандитам!

Вот кто поддерживал фашистский «новый порядок»!

Но, храбрые в набегах на мирных жителей, бандиты трусливо озирались при одном слове «партизаны».

Еще после боя на разъезде Будки-Сновидовичи распространился слух, что в районе появилось до тысячи партизан. Потом, когда мы ежедневно рассылали во все стороны свои группы, слухи стали еще более грозными. Говорили, что в лесах скрывается целая партизанская армия.

Время от времени самолеты сбрасывали нам оружие, боеприпасы, продовольствие. Появление самолетов не могло быть незамеченным, и слухи о громадной армии партизан прочно утвердились во всей округе.

Немцы вспокошились. В Ровно полетели депеши с просьбой слать карателей и вооружение. В ожидании этой помощи предатели на время попрятались.

А мы начали разворачивать свою работу.

Слухи о появившейся армии партизан, пожалуй, не были ложными. Нас было не сто человек, не двести – нас было куда больше. Партизанами, по сути дела, были все местные жители. Если у советского человека была хоть малейшая возможность помогать нам или самостоятельно вредить немцам, он это делал. Ненависть к гитлеровцам стала смертельной, и в этом была наша сила.

Мы не смогли бы ничего сделать и быстро попали бы в фашистские лапы, если бы решили партизанить только силами своего отряда. В том-то и дело, что нашим верным помощником и защитником было само население. Оно было нашей прочной опорой в тылу врага.

В крупных селах стояли наши «маяки» по десять – пятнадцать партизан. Жители называли партизанские «маяки» советскими комендатурами и сюда доставляли собранные для нас продукты.

Крестьяне помогали нам в разведке. Под видом торговцев зеленью или курами они шли в районные центры, на ближайшие станции, высматривали, высматривали и обо всем рассказывали нам. Особенно отличались в этом деле девушки, старушки и подростки, которых трудно было в чем-либо заподозрить. Местные жители знали дороги, людей. Они приносили нашему отряду неоценимую помощь.

Жизнь потребовала нашего вмешательства в «новый порядок», установленный гитлеровцами. Нельзя было ограничить свою работу только разведкой.

Зашиту своего народа от гитлеровских карателей мы начали с небольшого дела – с разгрома фольварка «Алябин» в Клесовском районе. Фольварк этот принадлежал начальнику гестапо города Сарны майору Рихтеру. Крестьяне жаловались нам на управляющего этим имением.

Штаб отряда снарядил группу из двадцати пяти бойцов. Командиром пошел Пашун. Сами крестьяне проводили партизан до фольварка, подробно рассказали, какие там порядки и где что находится.

Налет был произведен ночью. Охранников фольварка разоружили с ходу, те даже и не пытались вступить в бой, а под утро в лагерь пришел целый обоз. На лошадях, взятых там же, ребята привезли массу продуктов – хлеб, масло, крупу, сахар, мед, яйца и породистых свиней. Позади обоза шло целое стадо коров. Лучших молочных коров мы отдали крестьянам

и поделились с ними остальными продуктами.

Эта операция была нашей первой крупной продовольственной заготовкой. Но не в этом только заключался успех.

Пашун доставил в лагерь двух пленных. Первый был управляющий имением Рихтера, на которого так жаловались крестьяне. А второй, по фамилии Немович, оказался крупным предателем. По национальности украинец, Немович еще до войны стал немецким шпионом. Он обучался шпионажу в гестаповской школе. Когда пришли фашисты, Немович под видом учителя разъезжал по деревням и mestечкам, выведывал, где живут советские активисты, и предавал их. Немович знал гитлеровских агентов, которые учились с ним в гестаповской школе и были засланы к нам в страну.

Было решено отправить Немовича в Москву. Но где держать его, пока придет самолет? Тогда мы сшили из брезента глухой мешок и в нем держали шпиона. Из мешка торчала лишь его голова в серой шляпе.

Наши налеты на немецкие хозяйства участились. Мы разгромили в ближайших районах несколько имений и все молочные заводы, где немцы перерабатывали молоко на масло.

Рихтера мы потом, как говорится, допекли: разгромили второй его фольварк, захватили две его автомашины и уже добирались до него самого. Он так перетрусили, что потребовал из Ровно карательную экспедицию для охраны своей персоны.

При первых же вылазках в деревни и хутора Ровенской области наши партизаны начали сталкиваться с «храбрым войском» бандитов-националистов, и последние, как правило, терпели позорное поражение.

Дело доходило до курьезов.

Наш секретарь комсомольской организации Валя Семенов проделал замечательный номер. С несколькими разведчиками под видом «своих» он явился в штаб одной банды. Там сидели девять гайдамаковцев. Валя сказал, что он связной от их «собратьев». В разговоре один бандит заметил, что у Семенова хороший автомат.

– Автомат замечательный, я его забрал у красного офицера, – похвастался Валя.

Кто-то стал хвалиться своим автоматом. Семенов посмотрел и сказал:

– Ерунда! Мой лучше. Смотри, как он хорошо работает!

Поднял автомат и одной очередью уложил всех, потом забрал и привел в лагерь двух часовых.

Семенов имел от роду только девятнадцать лет и с виду был похож на озорного мальчишку. На деле это был неутомимый, серьезный разведчик, ловкий и сильный. До войны Валя был студентом института физической культуры. Партизаном он стал как бы по наследству: его отец в гражданскую войну тоже партизанил на Украине.

Из разведки Семенов всегда возвращался с трофеями. Однажды он привел пленных.

– Бандитов забрал, – доложил он мне.

– Как это произошло? – спросил я.

– Да они как увидели нас, так сразу «сделали трезуб».

- Как так?
- Да ведь их «герб» из трех зубьев состоит, вроде как вилы, и называется «трезуб».
- Ну, я это знаю. Так при чем тут трезуб?
- Очень просто. Как увидели партизан, сразу подняли руки вверх, и получился трезуб – две руки, посередине голова.

С тех пор, когда бандиты сдавались в плен, партизаны говорили: «Сделали трезуб».

Отряд наш рос не по дням, а по часам. Колхозники стали отправлять к нам своих сыновей. Снаряжали молодежь в партизаны торжественно: вытаскивали для них запрятанную от немцев лучшую одежду и обувь, благословляли в путь. От многих сел у нас было по десять-пятнадцать человек. А такие села, как Виры, Большие и Малые Селища, были целиком партизанские: от каждой семьи кто-нибудь в партизанах.

Ежедневные сводки с фронтов Отечественной войны, которые мы получали по радио и размножали среди населения, воодушевляли народ, укрепляли веру в победу.

Новые партизаны стали проходить у нас военное обучение по программе, рассчитанной на двадцать дней. Как в самых заправских военных школах, они учились походной жизни, солдатскому шагу, тактике лесного боя, обращению с оружием. Потом комиссия принимала зачеты, и большинство получали «хорошо» и «отлично».

Крестьяне тех хуторов, где бывали партизаны, перестали платить немцам налог, сдавать продукты. Раньше с помощью гайдамаковцев немцам легко удавалось брать налог. Теперь, если полицейские заходили в хутора, их встречали огнем.

Так народ с помощью партизан оказывал сопротивление страшному «порядку», который установили фашисты.

Гитлеровцы не в состоянии были расправиться с партизанами. Мы умели вовремя нападать и вовремя уклоняться от невыгодного боя. Нас не оказывалось там, куда приходили каратели, и, наоборот, мы появлялись там, где немцы и не подозревали нашего присутствия.

На этот счет у нас даже выработались свои партизанские пословицы:

Будь осторожен: враг ищет тебя.

Будь смел: враг боится смелых.

Появляйся неожиданно там, где тебя не ждут.

Будь хитер: направляй врага по ложному следу.

Чем дальше в лес, тем меньше немцев!

ОТЕЦ И ДОЧЬ

На железнодорожном узле Сарны и на станции Клесово стояли крупные гитлеровские гарнизоны. Разведкой на этих станциях занялась целая группа наших партизан во главе с Виктором Васильевичем Кочетковым.

Виктор Васильевич связывался с людьми, знавшими эти населенные пункты. Они, в свою очередь, находили в Сарнах и Клесове родственников и знакомых, на которых можно было положиться. Скоро у Кочеткова появилось много помощников.

В октябре сорок второго года Виктору Васильевичу передали, что с ним хочет повидаться один человек, который работает в Клесовском лесничестве. Виктор Васильевич согласился встретиться.

- Довгер Константин Ефимович, – отрекомендовался пожилой человек лет шестидесяти.
- Что скажете? – недоверчиво глядя на него, спросил Кочетков.
- Все, что я могу вам сказать, вы уже сами знаете.
- Так в чем же дело?
- Как в чем дело? Я советский человек и, когда узнал, что тут партизаны, решил, что буду с вами.
- Нет, мы, пожалуй, без вас обойдемся, – отрезал Кочетков.

Он почему-то решил, что этот человек подослан гестаповцами.

Довгер, поняв, в чем дело, страшно побледнел.

- Вы мне не верите? Вы думаете, я вас предам? У меня здесь большая семья – жена, мать, три дочери. Пусть они ответят за меня, если я провинюсь перед вами!

Это было сказано так искренне и вместе с тем так решительно, что Кочетков заколебался.

- Но ведь вы пожилой человек, вам с партизанами будет трудно!
- Ходить с оружием и стрелять мне, конечно, трудновато, да и военным я никогда не был, но кое в чем я могу быть полезен…

Константин Ефимович Довгер еще до революции окончил лесной институт и был назначен старшим лесничим Клесовского лесничества Ровенской области. С тех пор он жил здесь и вместе со всем народом перенес тяжелые испытания, которые выпали на долю Западной Украины. В 1920 году эта часть нашей родной земли силой оружия была отторгнута капиталистами от Советской республики. Спустя девятнадцать лет, в 1939 году, Западная Украина воссоединилась с Советским Союзом и ее народ, теперь уже навечно, вошел в нашу братскую семью. Но вот началась война – и на этой земле появились фашистские полчища.

Как старший лесничий Константин Ефимович Довгер отлично знал, в каком квартале его лесничества расположились советские партизаны. Он быстро связался с нами, но мы без проверки не могли давать ему поручения. Вскоре, однако, представился случай проверить Константина Ефимовича Довгера, и мы убедились, что он подлинный советский патриот.

Однажды караули, которые прибыли для борьбы с партизанами, наряду с другими лесничими вызвали к себе и Довгера.

- У нас партизан совсем не видно, – отвечал он на все расспросы, – а вот в двадцатом квартале они, кажется, есть.

По согласованию с нами Довгер указал те места, где нас уже не было, и караули попусту тратили время, прочесывая болотистые лесные массивы. Им попадались только полуразрушенные землянки да зола от партизанских костров.

Вскоре Константин Ефимович Довгер выполнил первые поручения Кочеткова. Он рассказал много интересного об оккупантах, добыл ценные сведения по городу Ровно. Мы узнали, где размещены центральные учреждения гитлеровцев – рейхскомиссариат, гестапо – и где находится дворец, в котором проживает рейхскомиссар Украины, палач украинского народа Эрих Кох.

Потом Константин Ефимович не раз бывал по нашим заданиям в Ковеле, Сарнах, Ракитном и Ровно. Умный, проницательный человек, он умело разузнавал то, что не вся кому было доступно.

Не всегда было удобно лично связываться с Константином Ефимовичем, поэтому он познакомил Кочеткова со своей старшей дочерью Валей. Вале было семнадцать лет, но выглядела она совсем подростком – маленькая ростом, хрупкого телосложения, с большими темными глазами. Валя работала счетоводом на мельнице в селе Виры. Сперва она выполняла роль связной между отцом и Кочетковым, но скоро включилась и в самостоятельную работу. Она стала бывать в Клесове и Сарнах, где от знакомых и подруг узнавала то, что нас интересовало.

В селе Виры Клесовского района у немцев была механическая мастерская. Здесь ремонтировались паровозы, тягачи, тракторы и автомашины. Была там и электростанция. Из Клесова к мастерской подходила железнодорожная ветка.

Валя сообщила Виктору Васильевичу, что немцы собираются вывезти все оборудование куда-то на запад. Чтобы не допустить этого, Кочетков предложил взорвать мастерскую и железнодорожный мост у станции Клесово.

После детальной разведки, которую провели местные жители, Кочетков узнал о порядках в мастерской, о количестве охраны и направился туда с группой в двадцать человек. С этой группой пошли наши специалисты по подрывному делу – Маликов, Фадеев и испанец Гросс.

Ночью они подошли к месту и разбились на три части. Одна с Гросом направилась к механической мастерской, другая с Маликовым – к электростанции и третья с Кочетковым и Фадеевым – к паровозному депо. Везде удалось бесшумно снять охрану объектов и установить мины.

Когда приготовления были окончены, по сигналу Кочеткова мины были взорваны. Раздались оглушительные взрывы. Депо, мастерская и электростанция загорелись. Казалось, все хорошо, но, когда партизаны собрались в условленном месте, Кочетков упавшим голосом заявил:

- Плохи наши дела. В депо было только два паровоза, а третий с пятьюдесятью вагонами стоит недалеко, на железнодорожной ветке. Неужели оставим его, товарищи?
- Взорвать бы надо!
- Взорвать... Сам знаю, что надо, но у нас осталась только одна мина – для моста...

Выход из создавшегося положения нашел испанец Гросс. Он придумал, как одной миной уничтожить и мост и паровоз с вагонами.

Вот что было сделано. Маликов и Фадеева частью партизан пошли минировать мост. Другие направились к паровозу. Здесь партизан Нечипорук, который раньше работал помощником машиниста, развел огонь в топке паровоза. Когда мост был заминирован, паровоз уже стоял под парами. Нечипорук пустил его со всеми вагонами на полный ход, а сам спрыгнул. Набирая скорость, паровоз дошел до моста и после взрыва с ходу полетел вниз, в реку, а за ним загремели и десятка два вагонов.

Эта диверсия вызвала большой переполох у фашистов. Через несколько дней к месту взрыва приехала специальная комиссия. Она определила, что убытки составляют несколько миллионов марок.

– Ну, отвел я душу! – говорил Кочетков в лагере. – А какой молодец Гросс, здорово придумал!

Кочеткова партизаны любили, но между собой тихонько острели и посмеивались над ним. Дело в том, что Виктор Васильевич не умел разговаривать тихо. Сильный его бас был причиной дружеских шуток.

Обычно партизаны ходили ночью и старались ступать тихо, веточку боялись тронуть, чтобы не производить шума. Но вот Кочетков услышит чей-нибудь шепот.

– Прекратить разговоры! Идти бесшумно! – скажет он, да скажет так, что в соседних хуторах собаки лаять начинают.

Но особенно стали шутить над ним после одной истории. Кочетков с группой в пятнадцать партизан пошел в разведку. Нужно было перейти вброд речку.

Кочетков скомандовал:

– Раздеться!

Дело было ночью, при луне. Партизаны разделись и, ежась от холода, полезли в воду. На противоположном берегу стали все одеваться.

– Отставить! – скомандовал Кочетков. – Двигаться так. Недалеко приток этой речки – зачем одеваться?

Пошли голыми. Идут километр, два – притока все нет. Людям холодно, комары донимают.

– Виктор Васильевич, нет притока.

– Не разговаривать!

Пошли дальше. Так они километров пять шли, пока Кочетков не убедился, что карта, на которой был указан приток, подвела его.

– Привал, можно одеваться! – как ни в чем не бывало скомандовал Кочетков.

После этого случая мы долго шутили над Кочетковым и его «голым переходом». Но наши шутки его не трогали. Он смеялся вместе с нами, как будто речь шла не о нем.

В конце сорок второго года Довгер предложил нам связаться с неким Фидаровым.

– Этот человек будет полезен. Он инженер Ковельской железной дороги, перед самой войной работал начальником станции Сарны. В Сарнах и Ковеле у него много знакомых. Фидаров – член партии, сумеет быть надежным подпольщиком.

– А где он сейчас?

– Он долго мытарился при немцах, скрывался. Сейчас устроился диспетчером на мельнице, недалеко от Сарн.

Константин Ефимович умел подбирать людей для нашей работы. Мы уже убедились: если Довгер рекомендует кого-нибудь, не ошибется и не подведет.

Кочетков связался с Фидаровым, а месяца через полтора тот уже организовал на сарненском железнодорожном узле крепкую разведывательно-диверсионную группу из рабочих, машинистов, путеобходчиков и служащих.

Фидаров бесперебойно сообщал нам о работе железных дорог Ковель – Коростень и Сарны – Ровно: сколько проходит поездов, куда и какие перевозятся войска, грузы, снаряжение. Не задерживая, мы передавали эти сведения командованию.

Скоро группа Фидарова стала заниматься не только разведкой, но и диверсиями – взрывом эшелонов и мостов. Кочетков держал связь с Фидаровым через Довгера и его dochь Валю.

«ПАУЛЬ ЗИБЕРТ»

По шоссе Ровно – Кастополь едут три фурманки, и хоть в запряжке хорошие, сытые лошади, фурманки движутся не спеша.

На первой – немецкий офицер. Он сидит вытянувшись, важно, равнодушно и презрительно поглядывая вокруг. С ним рядом – человек в защитной военной форме, с белой повязкой на рукаве и трезубом на пилотке. Так одеваются предатели, состоящие на службе у гитлеровцев.

На двух других фурманках полно полицейских. Одеты они пестро. На одном – военные брюки и простой деревенский пиджак, на другом – китель, а на голове картуз, на третьем – красноармейская гимнастерка, с которой сняты погоны. Ясно, что вся их одежда содрана с других. Но и у них на рукавах белые повязки с немецкой надписью «Щуцполицай». Эти повязки украинские крестьяне называли «опасками». Название меткое: опасайся человека с такой повязкой!

Если на первой фурманке немецкий офицер и полицейский, видимо старший, сидят чинно, то на двух других хлопцы, развалившись, горланят песни и дымят самосадом.

Картина по тем временам обычная: бандиты с офицером-гитлеровцем во главе едут в какое-нибудь село громить жителей за непокорность.

Шоссе прямое и открытое. По сторонам поля и луга, поодаль – леса. Движение на дороге довольно оживленное. Время от времени грузовая или легковая немецкая машина, идущая на большой скорости, проносится мимо фурманок, поэтому они плетутся, прижавшись к самому кювету.

Когда какая-нибудь машина обгоняет фурманки или идет им навстречу, офицер еще больше подтягивается, злобно покрикивает на горланящую братию и приветствует встречных немцев по-гитлеровски – выбрасывая правую руку вперед чуть выше головы с возгласом «Хайль Гитлер!» Ясно, что офицеру-немцу противно тащиться на фурманке со сбродом людей «низшей расы», когда другие его коллеги проносятся мимо в комфортабельных машинах.

Фурманки уже три часа двигаются по шоссе, пугая жителей придорожных хуторов. При их появлении все скрываются в хаты и испуганно выглядывают из окон.

Но вот впереди на шоссе показалась большая красивая легковая машина. Дорога здесь шла среди поля. Офицер на фурманке привстал, поглядел внимательно вокруг. Кроме этой машины, ни позади, ни впереди никого не видно. Тогда, повернувшись к задним фурманкам, он поднял руку. Песни и гам мгновенно смолкли. Все насторожились.

Машина приближалась. Сидевший рядом с офицером соскочил с фурманки и быстро пошел вперед. Как только легковая машина с ним поравнялась, он спокойно, как на ученье, бросил в нее противотанковую гранату. Разрыв гранаты пришелся позади машины. Воздушная взрывная волна с силой толкнула машину, и блестящий «оппель-адмирал» мгновенно опрокинулся в придорожный кювет.

С фурманок все соскочили и с оружием наизготовку кинулись к опрокинутой машине, около которой уже стоял немецкий офицер.

– Молодец, Приходько! – сказал он на чистом русском языке человеку, который бросил гранату. – Хорошо рассчитал: и машину перевернул и пассажиры, кажется, живы. Давай-ка вытаскивать!

Когда из машины вытащили двух испуганных и немного помятых гитлеровцев, этот же офицер заговорил с ними по-немецки:

– Господа, прошу не беспокоиться. Я лейтенант немецкой армии Пауль Зиберт. С кем имею честь разговаривать?

Рыжеватый полный пожилой немец, охорашиваясь, ответил:

– Я майор немецкой армии граф Гаан, начальник отдела рейхскомиссариата. А со мною, – он указал на другого, – имперский советник связи Райс, приехавший из Берлина.

– Очень, очень приятно! – сказал офицер. – Ваша машина пострадала, прошу пересесть на повозку.

– Объясните, в чем дело? – возмутился граф. – Я ничего не понимаю!

Гаан собирался еще что-то выяснить, но офицер кивнул своим людям. Те схватили гитлеровцев, связали им руки и уложили на фурманки.

На первом же повороте фурманки свернули в сторону от шоссе и через короткое время очутились на нашем партизанском «маяке». Здесь немецкий офицер переоделся в комбинезон и стал тем, кем был на самом деле, – партизаном Николаем Ивановичем Кузнецовым.

Это был тот самый Кузнецов, который спустился к нам на парашюте у хутора Злой и которого тогда я очень ждал.

Николай Иванович был родом с Урала. Недюжинный ум и волю выражало его серьезное, строгое лицо и в особенности серые стальные глаза.

Высокого роста, стройный, смелый и сильный, он вскоре стал у нас в отряде самым замечательным партизаном-разведчиком.

Кузнецов свободно владел немецким языком. Он научился говорить по-немецки еще мальчишкой. По соседству с деревней, где он рос, жили немецкие колонисты. Общаюсь с ними, Кузнецов не только изучил язык, но и узнал быт и характерные черты немцев. Позже, в школе и в институте, он продолжал заниматься немецким языком. По своей гражданской профессии Николай Иванович был инженер.

Кузнецов, как выяснилось в отряде, был вообще прирожденным лингвистом. Он, например, раньше совершенно не знал украинского языка, но, как только мы пришли на украинскую землю и Кузнецов стал бывать на хуторах, он быстро начал разговаривать по-украински, пел украинские песни, и крестьяне считали его настоящим украинцем.

Когда мы появились в местах, где живут поляки, Николай Иванович заговорил по-польски. Но этого мало. Кузнецов мог разговаривать по-русски, по-украински или по-польски так, будто он плохо владеет этими языками, изображать немца, говорящего по-русски, или русского, говорящего по-польски. Словом, в этом отношении Николай Иванович был непревзойденным актером.

Еще в Москве Кузнецов сказал нам, что хотел бы проникнуть в среду самих немцев и добывать нужные сведения. Мы на это согласились, но поставили перед ним условие: хорошо изучить порядки в гитлеровской армии, изучить какую-нибудь немецкую область, чтобы выдавать себя уроженцем этой области.

Кузнецов решил сделаться истым пруссаком. Он перечитал массу книг о Восточной Пруссии, о ее экономике, природе, жителях. Город Кенигсберг он уже так живо представлял себе, как будто на самом деле там родился и жил.

Мы стали давать ему пленных, но не только для допроса, а для того, чтобы, разговаривая с ними, он узнавал порядки в немецко-фашистской армии.

Пленные, которые к нам попадали, не удовлетворяли Кузнецова:

- Это олухи какие-то, заводные манекены! Шаркать ногами только умеют. Какой там с ними разговор, когда они, кроме «хайль Гитлер», ни черта не понимают!
- Откуда же вам профессора достать? – улыбаясь, отвечал я Николаю Ивановичу.
- Да я сам себе достану настоящих «языков». Вы только разрешите.
- Пожалуйста!

И Николай Иванович придумал ту операцию, о которой я рассказал. Эта операция была особенной. Как указывается в военных учебниках, обыкновенная засада проводится так: притаившись в определенных местах, бойцы ждут появления противника и нападают на него. Ну, а если вам дано открытое шоссе и кругом одни лишь поля, где здесь устроить засаду? Вот почему Николай Иванович решил провести, как он сам сказал, «подвижную засаду» на фурманках.

Чтобы не вызвать ничьих подозрений, он оделся в мундир немецкого офицера, а остальным партизанам придал вид полицейских.

Кузнецов недаром облюбовал красивый «оппель-адмирал». Добыча в этой машине действительно оказалась интересной, «языки» – на самом деле «длинными».

В лагере Кузнецов явился к пленным в форме немецкого лейтенанта. Соблюдая положенный в немецкой армии этикет, он расшаркался перед ними.

- Садитесь, – хмуро предложил галантному лейтенанту майор Гаан, указывая на бревно. Иного сиденья в палатке не было.
 - Как вы себя чувствуете? – любезно осведомился Николай Иванович.
- Но те были настроены не столь благодушно.
- Скажите, где мы находимся и что все это означает?
 - Вы в лагере русских партизан.
 - Почему же вы, офицер немецкой армии, оказались в лагере наших врагов?

— Я пришел к выводу, что Гитлер ведет Германию к гибели и все равно войну проиграет, и добровольно перешел к русским. Вам я тоже советую быть откровенными.

Немцы упирались недолго, и у Кузнецова полились с ними частые и длительные беседы. «Собеседники» были квалифицированные, с ними Николай Иванович мог вполне проверить свое знание немецкого языка. Весьма кстати граф Гаан оказался «земляком» Кузнецова – из Кенигсберга.

При обыске у имперского советника связи Райса была найдена карта грунтовых, шоссейных и железных дорог всей оккупированной Украины. Карта была снабжена подробными описаниями. Кузнецов, изучая карту и описания, натолкнулся на очень важный секрет немцев. В описании указывалось, где проложена трасса бронированного кабеля, связывающего Берлин со ставкой Гитлера на востоке, находившейся недалеко от Винницы.

Кузнецов решил выяснить все поподробнее. Он спросил Гаана:

- Когда проложен подземный кабель?
- Месяц назад.
- Кто его строил?
- Русские. Военнопленные.
- Как же это вы доверили русским тайну местонахождения ставки Гитлера?
- Их обезопасили.
- Что вы имеете в виду? Их уничтожили?

Гаан и Райс молчали.

- Сколько работало военнопленных?
- Двенадцать тысяч.
- И все двенадцать тысяч...
- Но это же гестапо, – пытался оправдаться Гаан.

Кузнецов выяснил у пленных все, что было нужно. Попутно он проверил себя: у них не возникло даже сомнения в том, что он не немец.

Гаана и Райса мы повесили. Иного они не заслуживали.

Можно было уже направить Кузнецова для разведывательной работы прямо в Ровно. Но одно обстоятельство меня беспокоило: иногда во сне Николай Иванович разговаривал по-русски. Этим он мог себя выдать.

Пришлось сказать Кузнецову об этом и посоветовать ему как можно меньше говорить по-русски.

– Если уж очень захочется, идите к Цессарскому и разговаривайте с ним... по-немецки. Думайте тоже по-немецки...

Кузнецов стремился как можно скорее начать, как он говорил, настоящее дело. Он питал смертельную ненависть к гитлеровцам, хотя говорил об этом мало, так как по природе был сдержанным и даже несколько замкнутым человеком. Но большое и доброе сердце этого

человека сказывалось во всем.

Однажды мы с Николаем Ивановичем прогуливались в окрестностях лагеря. День был осенний, холодный. Выпал первый снег.

Вдруг мы заметили в кустах какое-то живое существо. Мы подошли и увидели мальчика лет семи. Но в каком он был виде! Страшно было на него смотреть.

От рубашки и штанишек остались лишь клочья, и было видно все его худое тело: выпуклые, обтянутые синей кожей ребра, худые ноги. Волосы буквально шевелились от массы вшей. На одной ноге была гноящаяся рана.

Мальчик мутными, почти безжизненными глазами посмотрел на нас и немного съежился.

Я глянул на Николая Ивановича. Он стоял смертельно бледный. Не говоря ни слова, он снял с себя ватную фуфайку, завернул в нее мальчика, бережно взял на руки и быстрыми шагами пошел к лагерю.

Мальчика, как мы потом узнали, звали Пиня. Каким-то чудом он остался жив при расправе, которую учинили фашисты над евреями.

Пиню положили в санитарной палатке. Возвращаясь с разведки, Николай Иванович всегда приходил к мальчику с карманами, полными гостинцев.

– Поправишься – в Москву отправим, – говорил ему Николай Иванович.

СЕРЕБРЯНЫЙ ТЕСАК

Недалеко от лагеря, у деревни Вороновки, мы подыскали луг, удобный для приема самолетов. Площадка была большая, но ровного места, где мог бы приземлиться самолет, то есть пробежаться и остановиться, было в обрез. От летчика требовалась большая точность, чтобы хорошо посадить самолет.

Из Москвы нам обещали прислать боеприпасы, а в Москву мы хотели отправить добытые нами важные документы и раненых. Мы сообщили в Москву координаты площадки и получили извещение, что самолет придет.

Кочетков был у нас специалистом по аэродромным делам. По всем правилам он распланировал костры на аэродроме: одни из них ограничивали площадку, другие изображали букву "Т" – указывали направление и место посадки. На дорогах, ведущих к аэродрому, на расстоянии трех-пяти километров были расставлены наши секретные сторожевые посты.

Две ночи прождали мы напрасно, и только на третью пришел самолет, но нас подстерегала беда. За час до появления самолета со стороны небольшой речушки надвинулся густой туман. Низко расстилаясь по земле, он совсем закрыл площадку. Что делать? Как принимать самолет? Предупредить летчика, что сажать машину опасно, мы не могли: сигналов для этого не было предусмотрено.

– Виктор Васильевич, – сказал я, – разжигайте сильнее костры – может, кострами разгоним туман.

Костры запылали, но туман плотной массой стоял над площадкой.

В это время все мы ясно услышали гул моторов.

– Воздух! Поддай еще! – командовал Кочетков.

Вот где пригодился его зычный голос!

Еле видный из-за тумана, самолет появился над площадкой, пролетел и ушел куда-то в сторону.

– Улетел – понял, что садиться нельзя, – сказал я.

Но вдруг вновь послышались голоса:

– Летит, опять летит!

Кто-то за моей спиной сказал:

– Значит, решился-таки сесть.

Гул моторов нарастал. Мы не видели самолета, но поняли по гулу, что он уже над площадкой. И вот – мгновенная вспышка и страшный треск.

Мы поняли, что летчик не увидел буквы "Т" и приземлился не там, где следовало. Все бросились в ту сторону.

За краем площадки, в нескольких метрах от речушки, уткнувшись носом в землю, стоял самолет. Из него уже выскочили с пистолетами в руках летчики, штурман и радист. Увидев своих, они запрятали пистолеты и беспомощно сели на землю около разбитого самолета. У командира экипажа, с которым я поздоровался, весь лоб был в крови.

– Вы ранены?

– Пустяки, царапина. А вот он, – и капитан указал на самолет, – ранен смертельно.

Вместе с экипажем наш механик Ривас осмотрел самолет и подтвердил, что ничего сделать нельзя: повреждено шасси, пробиты крылья и баки. Нужен не ремонт, а замена частей.

Как ни жаль было, но мы приняли единственное возможное решение: скечь самолет. Оставлять его врагам в качестве трофея нельзя было.

Партизаны быстро разгрузили машину, сняли с нее пулеметы и все, что могло быть отвинчено и оторвано. Потом подложили под крылья и баки солому, полили бензином и подожгли.

Самолет охватило пламенем, взорвались баки, к небу поднялись клубы дыма. А мы стояли в стороне и молча прощались с ним, как с живым посланцем Родины. В какой-то степени и мы и летчики чувствовали себя виноватыми. Но в чем наша вина? Проклятый туман!

Произошло это в дни героической обороны Сталинграда. И в эти дни, когда вся страна напрягала силы в борьбе с фашистскими полчищами, Родина не забыла нас, отряд советских партизан, боровшийся в далеких Сарненских лесах...

Назавтра состоялся митинг партизан нашего отряда. Мы поклялись, что вместо сгоревшего самолета уничтожим десять вражеских и взятые в бою ценности отправим в Москву на постройку новых самолетов. Находясь в тылу врага, мы поддержали патриотический почин рабочих, колхозников, советской интеллигенции, отдававших свои сбережения на постройку вооружения для нашей армии.

Снова начались поиски более надежной площадки для самолетов. В этих поисках мы встретились с людьми, которые указали нам место, пригодное для посадки самолетов, и принесли нашему отряду большую пользу.

Незадолго до гибели самолета в двух десятках километров от нашего лагеря неизвестные нам люди напали на немецкий обоз с молочными продуктами. Гитлеровцев перебили, а продукты забрали и раздали крестьянам. Когда мне об этом рассказали, я подумал: «Вероятно, кто-нибудь из наших разведчиков». Опросил товарищей – никто ничего не знает. Через несколько дней опять новость: на большаке кем-то была остановлена немецкая машина, в которой шеф жандармерии района с двумя немецкими солдатами везли пятерых арестованных колхозников. Немцев расстреляли, а колхозников отпустили по домам. Об этом уже рассказали нашим партизанам сами освобожденные колхозники.

– Да какие там ребята были? – спросили колхозников.

– Вот такие, как и вы, а точно сказать не можем: со страху не запомнили.

Я наказал всем разведчикам расспросить жителей и узнать, кто здесь еще партизанит. Но прошла неделя, другая – мы ничего не узнали.

На поиски новой площадки для самолетов отправился партизан Наполеон Саргсян, молодой, веселый, армянин, с тремя бойцами.

Они подошли к незнакомой деревне. Саргсян остановился с товарищами на опушке леса, метрах в трехстах от деревни.

– Вы меня здесь подождите, я пойду один.

Недолго думая Саргсян «замаскировался»: надел пилотку звездочкой назад и отдал свой автомат товарищу.

У крайней хаты он увидел какого-то мужчину и тут же заметил, что тот дал знак в окно хаты. Оттуда вышел другой. Саргсян решил, что это засада, быстро повернулся и побежал назад. Незнакомцы – за ним. Наблюдавшие из леса товарищи видели все это и залегли, собираясь прикрыть огнем отступление безоружного Саргсяна. Но в это время они услышали довольно мирный голос одного преследователя:

– Эй, хлопец, подожди, поговорим!

Саргсян подбежал к товарищам, схватил свой автомат и стал во всеоружии лицом к врагу.

– Стой! Стрелять будем! – крикнул он.

Но те спокойно шли навстречу. Коренастый голубоглазый парень, подойдя к Саргсяну, сказал:

– Поверни-ка лучше пилотку. Я сам только тогда и успокоился, когда увидел звездочку. Раз звездочка на пилотке – значит, все в порядке, свои.

– Ну и что? – задорно спросил его Саргсян.

– Значит, свои. Меня зовут Николай Струтинский. Передайте вашему командиру, что я хочу к нему явиться. У меня тут небольшая группа есть, тоже партизаны.

Беседа приняла мирный характер. Тут же договорились, как встретиться в следующий раз, и Струтинский подарил Саргсяну в знак дружбы трофейный серебряный тесак, такие обычно носили немецкие коменданты районов.

По возвращении в лагерь Саргсян рассказал мне об этой встрече, но ничего не сказал о том, как он оставил оружие у товарищей и как потом бежал. Не сказал он и о подарке.

На второй день после этого разговора вышел очередной номер нашей газеты «Мы победим». В нем был помещен шарж: Саргсян, в перевернутой назад пилотке, идет важно, положив руки в карманы, а позади стоит удивленный партизан с автоматом.

Но Саргсяна в лагере уже не было, и объясниться с ним мне не удалось. По моему приказанию он отправился за Николаем Струтинским.

Вскоре они пришли.

- Привел? – спрашивала его.
- Да, товарищ командир.
- Эту картинку видел? – Я показал ему карикатуру.

Парень побледнел.

- Это правда?
- Правда.
- Как же ты позволил себе такое? Как ты мог отдать свое оружие другому?
- Виноват, товарищ командир,
- Чтобы это больше не повторялось! Пойдем.

И мы пошли к тем, кого привел Саргсян.

У крайней палатки лагеря стояло девять человек. Они были вооружены самозаряжающимися винтовками «СВ», немецкими карабинами и пистолетами. Из карманов торчали рукоятки немецких гранат, похожих на толкушки, которыми хозяйки минут вареную картошку. Тут же стоял принесенный ими пулемет.

- Кто старший? – спросил я, глядя на пожилого усатого человека, предполагая, что он и есть старший. Но я ошибся. От группы отделился совсем молодой парень.
- Николай Струтинский! – отрекомендовался он.
- Я вас слушаю.
- Мы хотим вступить в ваш отряд.
- Кто это «мы»?
- Да здесь почти все свои. Вот мой отец, – и Николай Струтинский указал на пожилого усатого человека. – Вот мои младшие братья – Жорж, Ростислав и Владимир. Эти двое – колхозники из нашей деревни, а эти убежали из ровенского лагеря. Вот и все.

Слушая, я внимательно разглядывал отца и братьев Струтинских. Передо мной стояла возрастная лесенка – отец и четыре сына. Между сыновьями разница в летах небольшая – год, полтора. Все они крепкие, здоровые, и все очень похожи друг на друга. У отца Струтинского правильные черты лица, голубые глаза, плотная, коренастая фигура. Этими чертами отличались и все его сыновья.

Николай Струтинский рассказал мне, что от их группы совсем недавно ушли к линии фронта одиннадцать человек – на соединение с Красной Армией.

Говорил он медленно, спокойно, обдумывая каждое слово. Отец в упор смотрел на него и беззвучным движением губ повторял его слова.

- Значит, у вас был целый партизанский отряд и вы – командир.
- Ну, какие мы партизаны! Это нас немцы так назвали.
- Ну, а все-таки, что же вы сделали?
- Да что мы могли сделать! Нас мало очень.
- А откуда вы узнали о нас?
- Ну как же! О вас здесь все говорят. Мы вас долго искали, были даже там, где сгорел ваш самолет.

И тут же он сказал, что у села Ленчин есть очень хороший, большой и ровный выгон для скота, на котором самолет свободно может приземлиться.

Я посоветовался с замполитом Стеховым и начальником разведки Лукиным, и мы решили всю группу Струтинских принять в свой отряд.

Через несколько дней я увидел у Саргсяна серебряный тесак.

- Откуда он у тебя?
- Товарищ командир, это подарок.
- От кого?
- Вот этот самый, Струтинский, подарили.

Стоп. Вызываю Николая Струтинского.

- Товарищ Струтинский, откуда у вас серебряный тесак?
- Да мы тут как-то отбивали арестованных колхозников, а с ними ехал сам шеф жандармерии района. У него я и взял этот тесак.
- Так это вы были? Ну, вот и разгадана загадка! И обоз вы забрали?
- Да, мы.

После этого мы уже подробно узнали замечательную историю семьи Струтинских – семьи советских партизан.

СЕМЬЯ ПАРТИЗАН

Владимир Степанович Струтинский почти всю свою жизнь проработал каменщиком в Людвипольском районе. Девять детей вырастили и воспитали они вместе с женой Марфой Ильиничной. Когда Западная Украина была воссоединена с Советской Украиной, семья Владимира Степановича зажила полнокровной жизнью. Владимир Степанович стал

помощником лесничего.

Перед самой войной старшие сыновья работали: Николай – шофером в Ровно, Жорж – учеником токаря на судостроительном заводе в Керчи, Ростислав и Владимир помогали отцу в хозяйстве. Остальные дети были еще маленькими.

Началась война, немцы захватили родной край. В первые же дни оккупации двух сыновей Владимира Степановича, Николая и Ростислава, немцы арестовали и хотели отправить в Германию, но они бежали из лагеря в леса. Скоро к ним присоединился и третий брат, Жорж, которому удалось пробраться в свои края.

С разбитого немецкого танка Жорж снял пулемет и приспособил его для стрельбы с руки. Вначале этот пулемет был единственным оружием трех братьев. Первым открыл боевой счет Николай: он убил немецкого жандарма. Оружие убитого врага стало оружием Николая.

Так начали партизанить три брата. Но скоро и отец, Владимир Степанович, пришел в отряд под команду своего сына.

Партизанская семья Струтинских увеличивалась. Поодиночке к ним присоединились местные жители – колхозники и встретившиеся в лесу бойцы, бежавшие из немецкого плена.

В селах начали поговаривать о братьях-партизанах. По указке предателя фашисты ворвались в дом Струтинских, где была с четырьмя младшими детьми Марфа Ильинична Струтинская. Палачи били ее ногами, прикладами, били на ее глазах детей, требуя сказать, где муж и сыновья. Но она ничего не сказала. Тогда ей скрутили руки: «Повесим, если не скажешь!»

Но не повесили. Решили оставить, чтобы выследить сыновей.

Ночью Владимир Степанович пробрался к своей хате и тихонько постучал в окошко. Марфа Ильинична открыла дверь: она уже ждала этого стука. Младший сынишка, Володя, успел обо всем сообщить отцу.

– Слушай, мать, – сказал Владимир Степанович. – Зараз собирайся, бери меньших хлопцев, бери дочку и пойдем. Я провожу тебя на хутор к верному человеку. Володю возьму с собой.

Володе было шестнадцать лет.

Марфа Ильинична накоротко собрала самые необходимые вещи, разбудила детишек, и вся семья вышла из хаты.

Под покровом короткой летней ночи Струтинские, никем не замеченные, покинули свой родной угол. Через день немцы сожгли их хату, а оставшийся скарб разграбили.

Для нас появление в отряде семьи Струтинских было большой находкой. Они хорошо знали свой край, имели во многих деревнях и городах родственников и знакомых, и главное – им был отлично знаком город Ровно, который нас особенно интересовал.

Николай Струтинский недаром был командиром своего маленьского отряда. В нем счастливо сочетались отвага, смелость и хладнокровие. В первые же дни партизаны прозвали его «Спокойный».

На Жоржа Струтинского, который был на год моложе Николая, мы сначала не обратили особого внимания. Коренастый голубоглазый блондин, как и старшие Струтинские, он отличался от них тем, что был пониже ростом и, пожалуй, был еще более спокоен и молчалив, чем Николай. Ходил Жорж медленно, вразвалку.

– Это увалень, – сказал как-то про него Лукин.

Так казалось и мне. Но вскоре мы изменили мнение о Жорже. После первых же боевых операций, в которых Жорж участвовал, о нем стали говорить, как о человеке, не знающем страха.

– Жорж действует своим пулеметом, как шахтер отбойным молотком, – сказал мне командир взвода Коля Фадеев.

Жорж стрелял очень метко, а к тому же у пулемета не было глушителя, поэтому стрельба его наводила страшную панику, потом оказалось, что Жорж владел всеми видами оружия, и как-то само собой получилось, что он начал обучать других прицельной стрельбе, учил, как надо разбирать и чистить автоматы, пулеметы и винтовки. Скоро Жорж стал непременным участником наиболее сложных боевых операций. Так же спокойно, как уходил, он возвращался после боя, сидел и молчал, слушая, как другие рассказывают.

Ругать Жоржа не приходилось – не за что, а хвалить старались сдержанно. За глаза бойцы говорили о нем восторженно, но если кто-нибудь скажет что-либо похвальное о Жорже в его присутствии, он не то что смущался, а просто страдал: густо краснел, ни одна черточка в лице не менялась, но краска ударяла в лицо и лишь постепенно сходила до бледности.

Девятнадцатилетний Ростислав Струтинский был старательным, дисциплинированным бойцом и во всем подражал старшим братьям.

Володе Струтинскому шел семнадцатый год. Мы сначала решили послать его в хозяйственный взвод, потому что он был сильно глуховат, но Володя запротестовал, сказав, что хочет воевать. Как ни уговаривали, ничего не вышло: пришлось дать ему оружие. В боевом взводе попытались было держать его в лагере – боялись, что в бою он не услышит команды. Но и это не удалось. Он так рвался на операции, что в конце концов участвовал почти во всех боях.

Володя любил оружие – все свободное время разбирал, чистил и снова собирая свой карабин. И еще любил он рассказы о боевых делах. От усилия слышать рассказчика у него буквально глаза на лоб вылезали.

Отцу семьи Струтинских, Владимиру Степановичу, было уже пятьдесят пять лет, но он был крепким и здоровым человеком. Значительная проседь была мало заметна в его светлых волосах. Мы назначили Владимира Степановича заместителем командира хозяйственной части отряда. Он был незаменимым заготовителем продовольствия. Зная украинский и польский языки, он умел договариваться с крестьянами. Где появлялся старик Струтинский, там охотно давали нам картофель, овощи, муку, крупу и другие продукты.

В наших «боевых» заготовках, то есть в тех случаях, когда мы нападали на немецкие склады, обозы, Владимир Степанович бывал не менее полезен отряду. Он хорошо стрелял из винтовки и никогда не терялся в бою.

Была одна беда у старика – непомерная доброта. Как «хозяйственник» он ведал у нас спиртом, который мы «брали» на одном немецком спирто-водочном заводе. Расходовался спирт в строгом и определенном порядке. Главным образом он шел на нужды госпиталя. Но вот является какой-нибудь любитель выпить к Струтинскому:

– Владимир Степанович! Что-то меня лихорадка трясет. Дайте-ка грамм пятьдесят.

Или:

– Ой, простыл я; наверно, грипп начался.

И старик не мог отказать – давал «лекарство».

Мы крепко ругали и даже наказывали тех, кто ходил и просил спирт, и Струтинскому говорили не раз, но он всегда сконфуженно оправдывался:

- Вы уж простите меня, товарищ командир. Да ведь жалко, больной человек приходит.
- Владимир Степанович! У нас есть врач, и больным следует у него лечиться.
- Да, это уж так, правильно, – покаянно говорил Струтинский.

Но проходил день, другой – и снова та же история. Пришлось все-таки Струтинского от спирта отстранить.

По просьбе Николая Струтинского наши разведчики зашли как-то на хутор, где была укрыта от немцев Марфа Ильинична с младшими детьми, и навестили ее.

Возвратившись, один из разведчиков обратился ко мне:

- Товарищ командир! Тут один хлопчик письмецо передал, велел обязательно вам в руки отдать.

И он подал мне клочок серой бумаги, на котором карандашом было написано:

«Командиру партизанского отряда от Струтинского Василия заявление очень прошу командаира могу ли я поступить в партизанский отряд когда я приду я очень поблагодарю командаира. До свиданья Василий Струтинский 26 октября 1942 г. Мои братья партизаны и я хочу».

Грамматические ошибки – дело плохое, но Васе было всего десять лет, и в школу он ходил только один год, когда еще не было немцев. Не успел я подумать, что ответить Васе, как пришел Николай Струтинский.

- Вот тут твой братишка заявление написал, – сказал я ему.

Николай улыбнулся.

- От него нам давно житья нет: все просится в партизаны. Но у меня к вам вот какая просьба, товарищ командир. Ребята рассказывают, что семье там жить опасно: немцы, кажется, о них пронюхали. Разрешите всю семью забрать в лагерь.

Я согласился, и через несколько дней в лагерь пришла Марфа Ильинична Струтинская с тремя детьми и племянницей Ядзей. Пришел и написавший заявление Вася.

И все они – старые и малые Струтинские – нашли свое место в отряде.

Марфа Ильинична, уже пожилая, пятидесяти с лишним лет женщина, ни минуты не хотела сидеть сложа руки. Сама она стеснялась ко мне обратиться и присыпала старика ходатайствовать, чтобы я ей поручил какое-нибудь дело. Но я не хотел ее загружать: и без того у нее много хлопот было с детьми. Тогда Марфа Ильинична стала обшивать и своих и чужих, стирала уйму партизанского белья. Целыми днями и ночами она трудилась без отдыха. Я решил, что, пожалуй, ей легче быть поварихой во взводе. Она с радостью взялась за это дело, но штопать и стирать партизанское белье продолжала.

Васю, несмотря на его боевой пыл, мы все же определили в хозяйственную часть – смотреть за лошадьми. Сначала он надулся, обиделся, но потом ему так понравился мой жеребец по кличке Диверсант и другие лошади, что он смирился со своей должностью. Кроме того – внештатно, так сказать, – он состоял адъютантом у своего отца: бегал по лагерю с разными поручениями.

Одиннадцатилетний сын Слава тоже помогал отцу, а племянница Ядзя работала поварихой в одном из подразделений отряда.

Дочь Струтинского, пятнадцатилетнюю Катю, мы устроили в санитарной части. Там она сразу понравилась больным и раненым. В противоположность своим братьям, Катя была необычайно подвижной и быстрой. Сидеть на месте она совершенно не могла. Каждую минуту подскакивала к больным:

– Что тебе надо? А тебе что?

И неслась выполнять просьбы вихрем, так что русые косы ее разевались во все стороны.

Однажды она пришла ко мне. Нельзя сказать «пришла» – влетела в шалаш. Запыхавшись от бега и волнения, сверкая лукавыми голубыми глазами, она быстро засточила:

– Товарищ командир, раненые недовольны питанием. И хоть они при штабе пытаются – все равно. Там очень невкусно готовят, и всегда одно и то же. А у них разные болезни, им чего-нибудь особенного хочется. Вот… для них надо отдельную кухню.

– Отдельную кухню? – улыбаясь, говорю я. – А где же достать «особенного» повара? Кто будет им готовить?

– Хотя бы я. А что ж!

– Ну хорошо!

Мы выделили кухню для санчасти, и Катю назначили главным поваром. Дали ей двух помощников; это были солидные, бородатые партизаны. Ну, разве девчонка могла командовать такими дядями! Поэтому она все делала сама. Бывало тянет огромную ногу кабана, тут же рубит ее топором, варит и успевает к больному подойти. И наши раненые с аппетитом уплетали украинские борщи, свиные отбивные, вареники, похваливая Катю Струтинскую.

КОЛЯ МАЛЕНЬКИЙ

Наш боец Казаков отился от своей группы, которая ходила на разведку к станции Клесово. По неопытности и неумению ориентироваться он целые сутки бродил по лесу, не находя дороги к лагерю. Куда ни пойдет, через час-два приходит на старое место.

Ночь он провел в лесу один, даже костер не мог разложить. Плутал и весь следующий день. Под вечер услышал мычание коров. Осторожно, избегая наступать на валежник, чтобы не производить шума, Казаков направился в ту сторону.

Вскоре он вышел на лесную полянку, где паслись коровы и волы. На пеньке сидел мальчуган-пастух. Он усердно выстругивал ножиком палочку.

Озираясь по сторонам, Казаков подошел к мальчику:

– Здравствуй, хлопчик!

Белобрысый худенький пастушонок от испуга вскочил и, выпучив глаза, уставился на Казакова.

– Чего испугался? Ты здешний?

— Здешний, — ответил мальчик. И, увидев за плечами Казакова винтовку, а на поясе — пистолет и гранаты, бойко спросил: — А ты, дяденька, партизан?

— Ишь ты какой хитрый!

— Партизан, сам вижу, — уверенно сказал маленький пастух.

— А ты видел партизан?

— Не видел. Но люди говорят, что возле Рудни-Бобровской их богато.

— А в какой стороне Рудня-Бобровская? Мне туда как раз и надо.

— Я туда дорогу знаю. Хочешь, провожу?

— Хочу. Как тебя звать-то?

— Коля.

Коля тут же все рассказал о себе. Сам он из Клесова. Отца фашисты замучили. Мать и старшего брата угнали в Германию. Раньше Коля учился в школе, теперь школа закрыта, и он пошел в пастухи, чтобы как-нибудь прокормиться.

— Вот что, Коля, — перебил его Казаков. — Я почти двое суток не ел. Ты гони скот в деревню и принеси мне чего-нибудь поесть.

Коля защелкал кнутом, засвистел и погнал свой «товар», как он называл стадо. Вернулся он к Казакову вечером; принес крынку молока, лепешки и сало.

— Вот, дяденька, кушайте. Это мне на ужин хозяйка дала.

Казаков с жадностью набросился на еду, а Коля сразу же к нему с вопросом:

— Дяденька, можно я с тобой к партизанам пойду?

— Командир заругает, Коля! Ты ведь маленький.

— Мне уже двенадцать.

— Мал, мал, хлопец!

— Тогда давай, дяденька, сами отряд соберем. В лесу богато народу, от немцев убежали.

Казаков улыбнулся:

— А если нас немцы поймают и убьют, что тогда?

— А мы сховаемся!

Когда совсем стемнело, Коля привел Казакова в какой-то двор, и там на сеновале партизан, не спавший две ночи перед тем, заснул богатырским сном. Коля похаживал неподалеку от сарая, охранял его, а на рассвете разбудил и пошел провожать.

Утром крестьяне вывели из дворов свой скот, но пастушонок не явился. Его долго искали, окликали по дворам. Коли нигде не было.

— Да куда же вин сховався? — удивлялись жители.

А Коля и Казаков были уже далеко от хутора. Они шли к Рудне-Бобровской.

– Не хочешь, дяденька, взять с собой, а? Ну, тогда я все равно от тебя не отстану... Пойду за тобой, и все.

Недалеко от деревни Карпиловки они остановились. Казаков укрылся за кустом, а Коля пошел один в деревню достать чего-либо съестного.

Через час он вернулся, принес хлеба, сала и стал рассказывать Казакову новости:

– Люди говорят, что в Карпиловском лесничестве богато полицейских. По ночам они крепко дрыхнут, и на карауле никого нет. Давай, дяденька, нападем на них, а?

Трудно представить, как они там договаривались, но факт факт: Казаков поддался на Колины речи. «Здорово будет, если я в отряд принесу трофеи и приведу пленных!» – решил он.

Казаков вооружил мальчика гранатой и пистолетом. Ночью они подкрались к лесничеству. Около дома увидели подводу. Лошадь, оставленная в запряжке, лениво жевала корм. Казаков и Коля вошли в хату, где, развалившись на полу и на столах, хрюкали полицейские.

– Руки в гору! – крикнул Коля и поднял гранату.

А Казаков наготове держал свою винтовку.

Полицейские вскочили и, ничего со сна не понимая, покорно подняли руки вверх.

– Выходить на улицу! Оружие складывать на подводу! – приказал Казаков.

Те молча стали обуваться и послушно выносить из хаты винтовки.

Казаков остался в дверях, а Коля с гранатой и пистолетом пошел к подводе.

Смешно и странно, но было действительно так: один партизан и мальчик разоружили большую группу полицейских. Только закончилась вся история все-таки смешно.

Погрузив оружие на подводу, Казаков и мальчуган приказали полицейским выстроиться и повели их из деревни по направлению к лагерю. До нашей стоянки было оттуда не меньше сорока километров, и вечером им пришлось расположиться в хуторе на отдых. Ночью полицейские сбежали, забрав с подводы все свое оружие. Удивительно, как они еще не расправились с нашими «героями»!

Коля так и не отстал от Казакова и вместе с ним пришел в лагерь. Партизаны встретили его так ласково, что не оставить его в отряде было попросту невозможно.

Я с Колей встретился на второй день после его прихода. Вижу – сидит с партизанами белобрысый маленький, щуплый мальчик.

– Как тебя зовут?

– Коля. – И, поднявшись, он стал навытяжку, как и остальные.

– Хочешь с нами жить?

– Хочу.

– А что же ты тут будешь делать?

– А что прикажете.

– Ну что ж, – серьезно сказал я ему, – будешь у нас пастухом.

– Ни… Пастухом я вже був. Хочу нимаков бить.

– Ну ладно, оставайся… Только вот беда: уж очень много собралось у нас Николаев. Николай Приходько, Николай Струтинский, Николай Гнедюк, Кузнецов Николай Иванович. Все Николаи. Придется тебя назвать Колей Маленьким. Не возражаешь?

Сначала Коля был у нас в хозяйственном взводе – помогал ухаживать за лошадьми, чистил на кухне картошку, таскал дрова. Все делал он охотно и быстро. Но то и дело интересовался: «А когда мне винтовку дадут?»

Вместе с другими новичками Коля пошел в учебную команду и на «отлично» сдал экзамен по строевой подготовке. Всегда аккуратный, подтянутый (мы его, конечно, приодели), Коля обычно при разговоре с командиром отвечал точно, коротко, как полагается в армии. Хотелось иногда с ним попросту поболтать, приласкать, – ведь мальчишка еще, – не тут-то было: отвечает по-военному.

Присмотревшись к хлопцу, мы решили готовить из него разведчика и связного, и Александр Александрович Лукин стал с ним заниматься отдельно.

ПРАЗДНИК

Вечером 6 ноября сорок второго года партизаны собирались в центре лагеря вокруг повозки, на которой был установлен специально добытый к этому дню репродуктор.

Лида Шерстнева суетилась вокруг приемника и все волновалась, что антенна коротка.

Ваня Строков, который был назначен ответственным за организацию радиослушания, волновался не меньше Лиды, но успокаивал ее:

– Да что вы, Лида! Антенна чуть не в километр!

Антenna эта была уже несколько дней предметом всеобщего интереса.

Но вот репродуктор захрипел, послышались какие-то трудно различимые звуки. Ваня Строков что-то еще подкрутит, и мы облегченно вздохнули. Из Москвы передавали концерт. Впервые за пять месяцев мы услышали московскую радиопередачу. До этого у нас была только служебная радиосвязь.

Радисты Лида Шерстнева и Ваня Строков сияли.

Но не концерт хотели мы слушать. Все ждали, все надеялись услышать передачу торжественного заседания, посвященного Октябрьской годовщине.

У повозки за самодельным столиком сидели четыре партизана с заготовленной бумагой и тщательно очищенными карандашами. Писать будут сразу все: если один пропустит хоть слово, другие восполнят.

Около шести часов вечера диктор объявил то, чего ждала вся страна, чего с нетерпением ждали и мы, партизаны, окружившие радиоприемник под моросящим дождем в глухом Сарненском лесу: из Москвы будет транслироваться торжественное заседание, проводимое в связи с двадцать пятой годовщиной Великого Октября.

В лесу воцарилась тишина. Каждый старалсятише дышать.

Мы, находившиеся за тысячу километров от столицы, узнали обо всем, что делается в стране, узнали о положении на фронтах Отечественной войны.

Гитлеровцы, отогнанные от Москвы, собрали в летний период все свои резервы, прорвали фронт в юго-западном направлении и вышли в районы Воронежа, Сталинграда, Новороссийска, Пятигорска, Моздока.

Но мы, как и весь народ, не сомневались в том, что наша армия разобьет врага в открытом бою и погонит его назад.

У советских людей есть традиция – отмечать праздники трудовыми и боевыми подвигами,

День 7 ноября мы решили отметить по-своему, по-партизански, отметить так, чтобы гитлеровцы его запомнили.

Задолго до праздника мы готовили две диверсии по взрыву вражеских эшелонов. В ночь на 7 ноября, сейчас же после того, как был прослушан доклад, две наши партизанские группы – одна под командой Шашкова, другая под командой Маликова – отправились на выполнение задания.

В полдень 7 ноября Шашков вернулся и отрапортовал:

– Товарищ командир! Боевое задание в честь двадцать пятой годовщины Великой Октябрьской революции выполнено. На железной дороге подорван следовавший на восток вражеский эшелон с военными грузами и войсками.

А к вечеру вернулся и Маликов. Он также, сообщил, что в подарок к годовщине Великого Октября взорван вражеский эшелон с техникой противника, следовавший в сторону фронта.

В день праздника в лесу была проведена спартакиада. На лесной поляне, в километре от лагеря, пять взводов соревновались между собой на лучшую боевую подготовку. Они состязались в метании гранаты на дальность и в цель, в лазаний на деревья, в беге с препятствиями.

Спартакиада проходила шумно. Больше всего переживали «болельщики». Они уже несколько дней спорили, кто окажется победителем. Самыми горячими болельщиками оказались старик Струтинский, Лукин и Кочетков.

Владимир Степанович Струтинский то подскакивал на месте, то выкрикивал: «Ах, чтоб тебя!», «Вот дурья голова, промахнулся!» Лукин перебегал с места на место, подзадоривая отстающих. А Кочетков так громко хохотал, что стоять близ него было небезопасно: могли пострадать барабанные перепонки.

Самый большой шум поднялся, когда началось состязание по перетягиванию каната. Кто, какая группа перетянет?

– А ну, поднатужьтесь!

– Слабо вам!

Вот одна группа, обессилев, ослабила канат. Победители, перетянув конец, упали навзничь. Взрыв смеха снова огласил лес.

Праздник закончился концертом партизанской самодеятельности. Началось с хорового пения. «Прощай, любимый город» – эту песню знали все. Запевали несколько голосов – весь наш

ансамбль подхватывал. Потом затянули «Катюшу». Владимир Степанович Струтинский вдруг поднялся и, дирижируя обеими руками, затянул «Реве та стогне Дніпр широкий». Одобрительно улыбаясь, все подхватили эту песню,

Вышли в круг плясуны: нашлись мастера и гопака, и комаринской, и лезгинки, и чечетки. Смена «номеров» шла непрерывная. Вот к костру подошел двадцатилетний Мачерет, – до войны он учился на литературном факультете.

– Я прочитаю вам стихи Николая Тихонова «Двадцать восемь гвардейцев».

Уже под конец вечера поднялся Николай Иванович Кузнецов. Он был в приподнятом настроении. Не сказав, что будет читать, он сразу начал:

– "Высоко в горы вполз Уж и лег там в сыром ущелье, свернувшись в узел и глядя в море..."

Вдруг в то ущелье, где Уж свернулся, пал с неба Сокол с разбитой грудью, в крови на перьях..."

Читал Кузнецов просто и тихо. Но каждое его слово, казалось, доходило до самого сердца. Чувствовалось, что человек читает самое любимое и близкое душе произведение.

Я посмотрел на бойцов. Они сидели серьезные, торжественные и какими-то новыми глазами смотрели на Кузнецова.

Так же не повышая голоса, но еще больше отчеканивая каждое слово, он заканчивал:

– "Пускай ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!"

Безумству храбрых поем мы песню!.."

Сильное впечатление произвело на нас чтение Николаем Ивановичем Кузнецовым «Песни о Соколе» Горького.

Вскоре после праздника, 11 ноября, нам удалось принять самолет из Москвы. Площадка около деревни Ленчин, указанная Колей Струтинским, была действительно хорошая. К тому же мы буквально прощупали каждую травинку, сравняли все бугорки. Пришлось даже спилить тригонометрическую вышку, что стояла километрах в четырех от площадки. Правда, крестьяне были довольны: вышка подгнила, и они боялись несчастного случая.

Накануне той ночи, когда мы собирались принимать самолет, в село Михалино, километрах в девяти от нашей площадки, прибыла на автомашинах большая группа гитлеровцев. Мы выслали на дорогу засаду с твердым наказом: немцев в нашу сторону не пропустить!

Согласно условиям Москвы, мы должны были каждые полчаса выпускать красные и зеленые ракеты, чтобы самолет за сорок-пятьдесят километров мог видеть место посадки. Это еще больше усиливало опасность нападения немцев. Но все прошло благополучно.

В час ночи мы услышали гул моторов. В костры подлили скипидару, и они загорелись ярким пламенем.

Посадка прошла превосходно. Радовались удаче не только партизаны. Не было конца восторгам и жителей села, когда самолет пронесся над крышами их домов и плавно сел на площадку, ярко освещая все вокруг светом своих фар.

Самолет пробыл у нас всего сорок минут. Оставил нам письма и подарки. Мы погрузили раненых, документы и письма родным. На этом самолете улетали в Москву Флорежакс и

Пастаногов – им надо было еще долго лечиться – и мальчик Пиня, которого нашли мы с Кузнецовым. Погрузилась в самолет команда потерпевшего аварию самолета. В Москву были отправлены и ценности, отбитые нами у врага. Мы вносили их на постройку самолета взамен разбившегося.

Самолет зашел на старт, плавно поднялся в воздух, сделал два круга над поляной и, дружески покачав крыльями, улетел.

ЛУЧШЕ НАСТОЯЩИХ

В самом центре Западной Украины, утопая в зелени, широко раскинулся город Ровно. Ничем особым этот город не примечателен; дома в нем маленькие, одноэтажные, и лишь на центральной улице стоят двухи редко трехэтажные. Тем не менее именно этот город немцы сделали центром оккупированной части Украины.

Город Ровно нас очень интересовал. В нем находился тогда рейхскомиссариат для Украины, во главе которого был наместник Гитлера гауляйтер Восточной Пруссии Эрих Кох. Там же располагались гестапо, штаб фельджандармерии и штаб генерала фон-Ильгена, командующего особыми (карательными) войсками на Украине. И хотя в руках гитлеровцев в ту пору был Киев, центром оставался Ровно. Немцы, вероятно, рассуждали так: подальше от фронта спокойнее.

Город буквально кишел немецкими офицерами, чиновниками и их родственниками, которые приехали сюда за легкой наживой.

Понятно, что в Ровно можно было добить очень полезные сведения для командования Советской Армии: о перебросках и перегруппировках немецко-фашистских войск на фронте, о строительстве новых линий обороны, о мероприятиях хозяйственного характера и о том, что творится в самой Германии. И мы решили к этому городу подобраться всерьез, не спеша, осторожно, продумывая каждый свой шаг.

В первую очередь было решено направить в Ровно тех, кто знал этот город, имел там родственников и знакомых. Выбор пал прежде других на Колю Приходько. Приходько родился в Здолбуново, Ровенской области. Перед войной работал в Ровно заведующим складом на железнодорожной станции. Эвакуировался он из города в последнюю очередь, когда погрузил на грузовую машину все ценности со склада и когда на улицах уже шла стрельба и гремели взрывы.

Коле Приходько шел двадцать второй год. Он был огромного роста – как говорят, косая сажень в плечах, – ладно сложен, с хорошим лицом и добрыми карими глазами. Такими мне представлялись всегда былинные богатыри. Приходько и в самом деле обладал богатырской силой и выносливостью. Ничто не страшило его; он рвался туда, где опаснее.

Когда наш отряд был еще на пути в Сарненские леса, с Колей Приходько произошел такой случай. Опередив группу разведчиков, он зашел в одно село. Посреди улицы стояла большая толпа; крестьянки плакали, причитали. Приходько подошел к женщинам и спросил:

- Что тут происходит?
- Да вот забирают наших хлопцов и девчонок до ниметчины.

В кругу стояли молодые девушки и парни с котомками за плечами. Их охраняло шестеро полицейских.

Расталкивая собравшихся, Приходько подошел к полицейским:

- Вы кто такие?
- Полицаи, – ответил один, не подозревая, конечно, с кем разговаривает: на Приходько была полуштатская одежда.
- А зачем молодежь забираете? – крикнул он.
- Приказано – и забираем. Да ты кто такой? – озлившись, сказал старший.
- Сейчас представлюсь!

С этими словами Приходько схватил за шиворот сразу двух полицейских и изо всей силы стукнул их лбами. Как мячики, отлетели они друг от друга и растянулись на земле.

- Бросай оружие! – скомандовал Приходько остальным, направив на них автомат.

Когда, соблюдая предосторожность, наши разведчики вошли в село, им представилась такая картина: Коля Приходько ведет задушевные разговоры с крестьянами, у его ног лежат шесть винтовок, а чуть поодаль на земле сидят обезоруженные и связанные полицейские.

Если разведчикам приходилось ходить втрое больше остальных, то Приходько ходил больше любого разведчика. Получалось так потому, что он всегда оказывался под руками, когда нужно было выполнить какое-нибудь срочное задание.

Один раз – это тоже было на марше – к нам издалека донеслись выстрелы. Я послал Приходько узнать, в чем дело.

Только он ушел, явился Цессарский:

- Дмитрий Николаевич! Приходько нельзя посыпать: у него так натерты ноги, что он не может сапог надеть.
- Да что вы говорите! Он подошел ко мне в сапогах, и я ничего не заметил.

Когда Приходько вернулся, я спросил его:

- Что у тебя с ногами?
- Да ничего, пустячный мозоль!

Но он меня обманул. Оказывается, он с трудом надел сапоги, чтобы явиться ко мне по вызову, а на разведку шел босиком.

Итак, решено было первым послать в Ровно Николая Приходько. На вопрос, готов ли он отправиться туда, ответ был категорический:

- Конечно, о чем тут разговаривать! На меня вы можете положиться.

В этом мы не сомневались.

Но как одеть Приходько? Его одежда, которую он носил и в которой спал у костров, страшно обтрепалась. Для Ровно надо было одеть его по-городскому, чтобы он не привлекал излишнего внимания.

Из трофейных вещей у нас ничего не было. Мы стали смотреть, на ком из партизан сохранилась подходящая для Коли одежда. Нашли четырех бойцов.

И вот представьте такую картину: четыре человека сидят у костра в одном белье и не понимают, зачем у них попросили одежду (отправку Приходько в Ровно мы держали в строгом секрете). А в палатке идет примерка костюмов на Колю. Ни один ему не годится.

– Не люди, а какие-то лилипуты! – ворчит он.

Из рукавов пиджака, начиная от локтя, демонстративно торчат его ручищи с огромными кулаками. Брюки – как с младшего братишки, по колено. И пока он примеряет, костюмы трещат по швам.

К костру выносят костюмы и с благодарностью возвращают их владельцам.

С большим трудом мы кое-как одели Колю. Найденные штатский пиджак и брюки были все-таки маловаты. Но ботинок на его ногу (сорок четвертый размер!) мы так и не могли найти. Пришлось отправить его в сапогах, брюки навыпуск.

Приходько пошел в Ровно с документом, удостоверяющим, что «податель сего Гриценко является жителем села Ленчин».

Лагерь наш был в ста двадцати километрах от Ровно. Туда и обратно – двести сорок километров. Приходько отправился пешком, и мы рассчитали, что он должен вернуться обратно в лагерь через шесть-семь дней.

Приходько не задержался: вернулся вовремя.

С каким облегчением я вздохнул, когда увидел его! Первая вылазка в Ровно прошла успешно. Это было уже целое событие.

Приходько зашел сначала к своей тетке, которая жила в деревне под Ровно. Та ему сказала, что один из его братьев живет сейчас в Ровно. Коля попросил ее сходить за братом. Это заняло всего несколько часов. И уже вместе с братом Приходько пошел в город.

В Ровно многое удивило Колю. На углах домов появились новые наименования улиц, написанные на немецком языке: «Немецкая улица», «Фридрихштрассе». На зданиях, где раньше были клубы, кинотеатры, столовые, появились надписи: «Только для немцев». Все лучшие дома заняты немецкими учреждениями и квартирами немцев. На улицах слышна немецкая речь.

Приходько навестил семью своего друга. С этими верными людьми Коля договорился о том, что их квартирой будут пользоваться партизаны. Так была устроена наша первая явочная квартира в Ровно.

Успел Коля съездить и на станцию Здолбуново, что в тридцати километрах от Ровно. Там он тоже нашел друзей и договорился о следующей встрече.

Когда Приходько кончил рассказывать, я его спросил:

– Ну, а документ у тебя где-нибудь проверяли?

– Проверяли раза три. Все в порядке.

Это тоже было нашей победой, но в чем она заключалась, я пока Приходько не сказал.

После этого мы послали в Ровно и других товарищей. Задача ставилась простая: подыскать явочные квартиры и установить, где и какие немецкие учреждения находятся в городе.

Снарядили Поликарпа Вознюка. Вознюк присоединился к нам уже в Сарненских лесах, где он

партизанил с небольшой группой колхозников. Следом за Вознюком мы отправили в Ровно Бондарчука, тоже местного жителя, который был в отряде Струтинского.

Не дожидаясь возвращения посланных в Ровно, мы направили туда же Колю Струтинского. Снабжен он был документом, выданным будто бы Кастопольской городской управой и удостоверяющим, что он учитель и командируется в Ровно за учебниками. Колю мы одели в хороший штатский костюм, и он выглядел в нем так привлекательно, что мы все любовались.

Стехов, Лукин и я провожали Колю далеко за лагерь. На опушке леса мы остановились, выбрали одно дерево и условились, что в случае перехода лагеря на новое место в дупле этого дерева будет оставлена записка для Коли. Потом мы попрощались, расцеловались, и он ушел.

Мне невольно вспомнился кадр из фильма «Детство Горького», когда мальчик уходит «в люди». Коля Струтинский шел лугом, кругом была высокая трава, а мы стояли и смотрели, пока он не скрылся из глаз.

Через два дня после ухода Струтинского из Ровно вернулся Вознюк. Он рассказал об одном произшествии. Нашелся у него знакомый парень, который работал в немецком комиссионном магазине. Парень сообщил Вознюку, что в магазин каждый день приходит агент гестапо. Вознюк подкараулил этого агента, двумя выстрелами уложил около магазина и бросился бежать. Перебегая улицу, он натолкнулся на легковую машину, в которой ехали два немецких офицера, бросил в них гранаты, забежал во двор, перепрыгнул через забор на другую улицу и скрылся.

Рассказав все это, Вознюк улыбнулся, ожидая похвалы. Но Лукин укоризненно посмотрел на Вознюка и внушительно, отделяя слово от слова, сказал ему:

– Кто же это надоумил вас на такое дело? Вас послали, чтобы вы тихо, осторожно прошлись по улицам города, посмотрели, где гестапо, где рейхскомиссариат, и так же тихо вернулись. А вы нашумели! – уже повышая голос, продолжал он. – Ведь там теперь начнутся облавы, к каждому будут придираться. Ради чего вы это сделали? Из-за паршивого агента могут погибнуть наши люди. Герой тоже нашелся!

Вознюка отстранили от заданий по разведке, а ребята, прослушав про его «геройство», в насмешку спрашивали: «Значит, шумим, браток?» И прозвали его с того дня «Шумный».

Бондарчук вернулся через несколько дней. Он договорился об одной явочной квартире, но ему самому пришлось там туговато. В Ровно он работал до войны и встретил на улицах города многих знакомых, которые интересовались тем, что он сейчас делает.

Наконец возвратился и Коля Струтинский. Он обстоятельно рассказал все, что узнал: какие немецкие учреждения в городе, где они помещаются, где работают его знакомые, где живут родственники, у кого можно устроить явочные квартиры. Он принес несколько образцов документов, которые выдавались гитлеровцами.

– Ну, а как твой документ, в порядке? – спросил я.

– Все, в порядке. Немцы проверяли. Да что там, он ведь лучше настоящего!

Теперь я расскажу об этих документах.

Как-то Коля Струтинский сказал нам, что в детстве он занимался резьбой ножом по дереву. Я ему предложил попробовать скопировать немецкий штамп. Коля достал циркуль, наточил перочинный нож, оторвал от каблука сапога резину и сделал такой штамп, что нельзя было отличить от настоящего. Тогда мы дали ему скопировать другие немецкие штампы и печати.

Вначале Коля работал медленно: за два-три дня делал только одну печать или один штамп. Дни стояли осенние, пасмурные, а работа была тонкая и требовала сильного света. Но потом он так набил руку, что за час-два мастерил любую ажурную печать, и все теми же инструментами – циркулем и перочинным ножом. Только резину мы ему стали доставать на стороне, так как он ободрал свои сапоги, сапоги Жоржа и Ростика и добирался уже до штабных работников.

На одном фольварке нам попались пишущие машинки с украинским и немецким шрифтами. На этих машинках Цессарский печатал по образцам любой документ. А Лукин умел мастерски подделывать подпись любого начальника.

Цессарский печатал бумагу, Лукин подписывал, а потом прикладывалась печать, сделанная Струтинским, и получался документ, выданный немцами!

Так были изготовлены документы для Приходько, Струтинского и многих других разведчиков. Мы выдавали документы от городских и районных управ, от частных фирм и даже от гестапо.

И действительно, получались они лучше настоящих.

Однажды произошел интересный казус. Соседний партизанский отряд попросил выдать им какой-либо документ, по которому их разведчик мог бы сходить в Луцк. Мы им дали «командировочное удостоверение», но не сказали, откуда его достали. С этим удостоверением их разведчик ходил в Луцк и благополучно вернулся. Они послали другого, тот тоже вернулся. Надо было еще раз послать, но указанный в «командировке» срок истек. Тогда они уже сами сделали на этом документе продление и подделали подпись. Обо всем этом мне и Лукину рассказал сам командир отряда, когда приехал к нам в лагерь.

– Такой у меня парень нашелся – подделал подпись, не отключишь от настоящей!

Лукин сстроил гневную гримасу, вскочил и закричал:

– Это ж уголовщина! Как вы смеете подделывать документы? Я буду привлекать вас к судебной ответственности! Вы подделали... мою подпись!

Командир сначала опешил, растерялся, а потом наша землянка огласилась дружным, долгим хохотом.

Мы столько мастерили документов, что гитлеровцы в конце концов стали догадываться и часто меняли образцы своих бумаг. Но у нас хорошо действовала разведка, и недели за две до введения новых документов мы имели их образцы у себя в лагере. Образцы эти доставляли нам подпольщики прямо из типографии, и мы выдавали новые документы одновременно с немцами.

СВОИХ НЕ УЗНАЛИ

Николай Иванович Кузнецов обстоятельно и подолгу разговаривал со всеми, кто возвращался из Ровно. Он задавал Приходько, Струтинскому, Бондарчуку и Вознюку сотни вопросов.

Но я все еще боялся пускать Кузнецова в Ровно.

– Не стану ж я там шум поднимать, я ведь не Шумный! – уговаривал он меня. – Пройдусь по городу, посмотрю и вернусь. А там уж рассудим, как действовать дальше.

Наконец мы решили его отправить, но не одного, а со стариком Струтинским, который должен был познакомить Кузнецова со своими родственниками.

Готовили мы Николая Ивановича очень тщательно. Вместе со Стеховым и Лукиным обсуждали каждую мелочь его костюма. Мы подобрали ему по ноге хорошие сапоги; по его фигуре был подправлен трофейный немецкий мундир, на который мы прикладывали и перекалывали немецкие нашивки и ордена. Все это делалось втайне от всего отряда. Ведь и у нас мог быть подосланный врагами агент. Поэтому, как ни тяжело было соблюдать конспирацию в условиях лагеря, мы завели такой порядок: никто из партизан не должен знать того, что его лично не касается.

В лагере Кузнецов носил обычную свою одежду. Если он уходил на операцию в немецкой форме, то об этом знали только участники операции.

Подготовка длилась трое суток. Неизвестно, когда Николай Иванович и Владимир Степанович спали. Днем они заняты были приготовлениями, а вечерами и даже ночами сосредоточенно беседовали, прохаживаясь в стороне от товарищей или сидя где-нибудь на пеньке.

В Ровно Струтинский и Кузнецов поехали на фурманке, Струтинский в качестве возчика, а Кузнецов – как тыловой немецкий офицер, ведающий продовольственными вопросами в районе. Так, по крайней мере, были оформлены их документы.

Километрах в восемнадцати от Ровно они остановились на одном хуторе, у родственника Струтинского, Вацлава Жигадло. Узнав, в чем дело, Жигадло сказал:

– Пожалуйста, мой дом в вашем распоряжении. Когда нужно, останавливайтесь, но делайте все осторожно, а то и себя и меня с семьей погубите.

У Жигадло было десять детей. С приходом немцев его семья лишилась большой помощи, которую получала от советской власти по многодетности.

Около самого города Струтинский остановился еще у одного родственника. Здесь Владимир Степанович оставил фурманку, а сам с Кузнецовым пошел в город.

По городу они ходили так: Кузнецов по одной стороне улицы, Владимир Степанович – по другой.

Владимир Степанович потом рассказывал:

– Я иду, ноги у меня трясутся, руки трясутся, вот, думаю, сейчас схватят. Как увижу немца или, особенно, предателя-полицейского, отворачиваюсь. Мне казалось, что все на меня подозрительно смотрят, – ведь, думаю, в Ровно многие меня знают. А Николай-то Иванович, гляжу, идет на другой стороне, как орел, как хозяин. Почитывает себе вывески на учреждениях, останавливается у витрин магазинов и хоть бы что. Встретится ему немец, он поднимает руку и громко говорит: «Хайль Гитлер!» Часа четыре водил меня по городу. Я уже ему делаю знаки, утираю нос платком, как условились: дескать, пора, а он себе ходит и ходит. Отчаянный человек!

Так впервые побывал Николай Иванович в Ровно. Конечно, никому из встречных не могло прийти в голову, что этот «немецкий офицер» на самом деле русский партизан и что через некоторое время за ним будут гоняться ищечки из гестапо.

В самом Ровно Струтинский познакомил Кузнецова еще с одним родственником, Казимиром Домбровским, который имел небольшую шорную мастерскую: чинил седла и упряжь. Казимир Домбровский согласился помочь партизанам и дал в этом Кузнецову и Струтинскому

торжественную клятву. Надо сказать, что клятву эту он сдержал и оказывал нам большую помощь.

Позже шести часов ходить по улицам Ровно было запрещено. Кузнецов и Струтинский заблаговременно вышли из города, уселись в фурманку и направились в лагерь.

Первой вылазкой Кузнецов был очень доволен. Его появление в Ровно не вызвало никаких подозрений – значит, он по-настоящему натренировал себя.

Но Николай Иванович сказал, что с костюмом у него не все ладно. На нем был летний мундир, а немецкие офицеры ходили уже в шинелях и осенних плащах. Он был в пилотке, а их носили только фронтовики; большинство офицеров в Ровно были в фуражках.

Когда Кузнецов во второй раз пошел в Ровно, на нем было новое обмундирование. Но теперь мундир сшил для него известный варшавский портной Шнейдер.

Кого-кого не было у нас в лагере! И сапожники (какие теперь лапти!), и пекари, и колбасники, и вот этот портной Шнейдер, еврей по национальности. Шнейдер жил до войны в Варшаве. Когда немцы захватили Варшаву, всех евреев согнали в гетто. А этого портного взял к себе на квартиру немец, генерал. Он поместил Шнейдера в маленькой каморке, под чердаком своего особняка, и заставил его шить обмундирование не только на себя, но и на других офицеров. Плату за работу немец брал себе. Но однажды пришел и этому конец: немец объявил портному, что отправляет его в гетто. Оттуда путь был один – под расстрел. Ночью портному удалось бежать, и после долгих мытарств он попал к нам в отряд. Первый раз в жизни он с любовью шил немецкий мундир, догадываясь, для чего он нужен Кузнецову.

Теперь Николай Иванович стал частенько бывать в Ровно. Ездил он туда обычно с Колей Струтинским или с Колей Приходько. Ночевать останавливался либо у Казимира Домбровского, либо у брата Приходько.

Николай Иванович стал знакомиться с немцами – в столовой, в магазинах. Мимоходом, а иногда и подолгу он беседовал с ними. В ту пору все разговоры вертелись вокруг Сталинграда. Немцы были обеспокоены сталинградскими событиями. Легендарный город, который столько раз объявлялся немцами уже взятым, героически сражался, и уже тогда среди немцев носились тревожные слухи, что их армии попадают под Сталинградом в окружение.

Одновременно с Кузнецовым в Ровно направлялись и другие наши товарищи, но они, как правило, не знали, кого и когда мы посыпаем. Тех, кто ехал в Ровно, мы предупреждали: если увидите своих, не удивляйтесь и не здоровайтесь, проходите мимо.

Однажды мы отправили Николая Ивановича в Ровно с комфортом. Достали прекрасную пару племенных лошадей – серых в яблоках – и шикарную бричку. Я приказал Владимиру Степановичу Струтинскому дать этих лошадей Кузнецову. Чем богаче он будет обставлен, тем безопаснее: никто его не остановит. Но так как на этот раз Кузнецов должен был на несколько дней задержаться в Ровно, я велел ему, как только въедет в город, где-нибудь оставить лошадей.

Владимир Степанович взмолился:

– Да таких-то лошадей бросать!.. Давайте я вон тех, рыженьких, запрягу.

Просил, уговаривал, чуть не плакал, но ничего не вышло. Кузнецов отправился на племенных рысаках. Возницей поехал с ним партизан Гнедюк, которому также приказано было задержаться в Ровно с заданиями по разведке.

Через три дня в лагерь вдруг приезжают на этих рысаках, в той же бричке, наши городские разведчики Мажура и Бушнин; они почти все время проживали в Ровно и в лагерь являлись только по вызову или если возникала срочная необходимость.

Я не на шутку взъярился. Мажура и Бушнин вообще не знали Кузнецова и тем более не знали, что кто-то от нас бывает в Ровно в немецкой форме. Как же они могли встретиться? Кто передал им лошадей и фурманку? Неужели провал? Неужели Николая Ивановича арестовали?

Я бегом пустился к приехавшим, а там Владимир Степанович уже с радостью похлопывает лошадок.

– Что случилось? – взволнованно спрашиваю Мажуру. – Откуда у тебя эти лошади?

– Да целая история, – улыбаясь, говорит он. – У немцев сперли.

– Как так?

Мажура, не торопясь, отошел со мной в сторону и с той же улыбкой, которая меня в тот момент страшно раздражала, начал рассказывать:

– Мы были на своей явочной квартире. Собирались уже в лагерь. Вдруг видим в окно: подъехал на этих лошадках какой-то немецкий офицер. Офицер слез с брички и ушел куда-то. Извозчик снял уздечки, надел на головы лошадей мешки с кормом, посмотрел по сторонам и тоже ушел. Ну, мы с ребятами и решили: чего ж нам пешком идти в лагерь! Взяли этих лошадей – и айда! А на том хуторе, около Ровно, где всегда останавливаемся, дали лошадям ночью отдохнуть и вот прикатили в лагерь... Правда, хороши лошадки, товарищ командир?

– Да, лошадки замечательные, особенные лошадки! – сказал я ему, облегченно вздохнув.

БЫСТРАЯ РАСПЛАТА

На хуторе, где жил родственник старика Струтинского – Жигадло, мы организовали «маяк». Это была удобная база, расположенная на полпути между лагерем и Ровно. От Ровно до лагеря было около ста двадцати километров. Один курьер мог проделать этот путь лишь за двое суток. Теперь, когда мы организовали «маяк», курьер из Ровно шел только до него, а там уже другой человек на сътых и отдохнувших лошадях вез сведения в лагерь.

В конце декабря сорок второго года нам понадобилось вызвать из Ровно и с «маяка» Жигадло всех разведчиков. В Ровно и на «маяке» находились в то время Кузнецов, Николай и Жорж Струтинские, Приходько, Гнедюк, Шевчук – в общем, человек двадцать. На «маяке» был и Коля Маленький, который не раз уже ходил в разведку вместе с бойцами.

По моим расчетам, люди должны были прибыть в лагерь на рассвете. Но прошло утро, прошел день, а разведчики не являлись. В штабе волновались. Что могло случиться с ними? Напоролись на карателей, попали в засаду?

Предположения одно мрачнее другого возникали у нас.

– Подождем до утра, – сказал я, – и если не явятся, пошлем по их маршруту большую группу партизан.

В три часа ночи ко мне вдруг подошел дежурный по лагерю:

– Товарищ командир! Разрешите доложить: прибыл Кузнецов.

– А где же остальные? – вырвалось у меня.

Вопрос был бесцельный. Дежурный, как и все партизаны отряда, не знал, кого и откуда мы вызывали. Он даже не понял моего вопроса и был крайне удивлен, что все сидевшие со мной у костра поднялись с места. Дежурный не успел ответить, как к костру подошел Николай Иванович.

– Разрешите доложить, товарищ командир? Разведчики прибыли.

– А где же они?

– Там, за постом, охраняют пленных.

– Каких пленных?

– Мы разгромили отряд карателей.

Я отдал дежурному распоряжение принять пленных и, успокоившись, сказал Кузнецову:

– Ну, рассказывайте, Николай Иванович!

– Да уж не знаю, с чего начинать-то, Дмитрий Николаевич… Странная история! – заговорил Кузнецов. – По вашему распоряжению, все разведчики собрались на «маяке» у Жигадло и направлялись в лагерь. Но в Ровно в последнюю минуту мне сообщили, что людвинпольский гебитскомиссар собирается в отпуск. Через несколько часов на фурманках в сопровождении жандармов повезут из Людвиполя награбленное добро, а сам гебитскомиссар выедет двумя часами позже на машине и в Кастополь с «трофеями» сядет в поезд.

Ну, вы знаете, что людвинпольский гебитскомиссар был у нас на очереди. Мне не хотелось пропустить такой случаи. Сообщать вам и просить разрешения было уже поздно: никакой курьер не смог бы обернуться. Я посоветовался с ребятами. Сами понимаете, как встретили это дело Приходько и Струтинский! Коля Маленький – и тот сказал, что надо спешить.

Устроили мы засаду на шоссе Людвиполь – Кастополь. Место для засады неудобное: кое-где торчат голые кустики и ничего больше. Залегли мы у кусточеков, притаились. На шоссе Гросс заложил мину, шнур засыпал землей и протянул его к кусту, где сидел Приходько.

Ждем час, другой, третий – нет ни фурманок, ни гебитскомиссара. А холод пробирает. Мы уже хотели податься домой.

Вдруг километра за три от себя мы увидели клубы черного дыма. Потом кое-где показались языки пламени, послышались пулеметные и автоматные очереди. Через час со стороны горящего села показался обоз, и к нашей засаде стали приближаться десятка два фурманок.

Представьте себе такую картину. На передней фурманке, запряженной парой лошадей, сидят четыре гестаповца – даже издали их можно было различить: черные шинели и фашистские эмблемы на фуражках и рукавах. На остальных фурманках – жандармы. Замыкает колонну сброд из гайдамаковцев. Значит, думаю, они деревню жгли.

Надо было нападать: иного решения не придумаешь. К тому же маскировка наша ненадежная, и медлить – значит дать им карты в руки.

Я жестом подал команду Приходько. Как только первые фурманки приблизились к мине,

Приходько дернул за шнур. От взрыва гестаповцы вместе с обломками фурманок попадали на землю. Мы из автоматов и пулеметов резанули по колонне и бросились на карателей.

Несколько удалось убежать. Тогда Коля Приходько и Шевчук схватили брошенные карателями винтовки и пустили их в дело. И уж кто отличился, так это Жорж. Он из своего пулемета просто косил полицейских. Много жандармов полегло. Двенадцать человек мы взяли живьем. Убитых обыскали, забрали документы. Потом ребята собрали трофеи – винтовки, автоматы, гранаты, и вот мы пришли.

Но погодите, послушайте дальше, история на том не кончилась.

По дороге я допросил пленных и вот что узнал. Каким-то образом гебитскомиссару стало известно, что на него готовят нападение. Он отложил поездку и выслал карателей. Те устроили свою засаду около села Озерцы. А мы сами сидели в засаде, в трех километрах от них. Они ждали нас, а мы – гебитскомиссара. Когда холод стал пробирать карателей, они разложили костры.

Крестьяне села Озерцы почуяли что-то недобroе и окольными путями стали пробираться в лес.

Старший гестаповец решил, что крестьяне идут в лес, чтобы предупредить партизан. Была дана команда, и каратели стали ловить перепуганных жителей, принялись жечь дома.

Ни мольбы взрослых, ни слезы детей не помогали. В течение какого-нибудь часа разъяренные палачи хватали подряд жителей, убивали, бросали в горящие хаты... Сами пленные во всем признались. Можете их послушать.

Когда все было кончено, каратели спокойно отправились в Людвиполь на доклад к гебитскомиссару, ну и нарвались на нашу засаду.

Николай Иванович закончил свой рассказ. Наступила тишина. Все молчали. Молчал и я. Признаться, я хотел сначала пробрать и Кузнецова, и Приходько, и Струтинского за самовольные действия, но теперь не поворачивался язык.

– Да, быстрая расплата! – сказал кто-то.

И Николай Иванович понял, что совершенный им разгром карателей одобрен.

Подавая мне какую-то вещичку, он сказал:

– Дмитрий Николаевич, посмотрите эту штучку: мой личный трофеи.

Я взял и принялся рассматривать небольшой жетон из белого металла на прочной цепочке. На одной стороне по-немецки было написано: «Государственная политическая полиция», и ниже: «э 4885». На обороте был тиснут фашистский орел со свастикой.

– Эта бляха, – пояснил Кузнецов, – была у старшего гестаповца, который сейчас валяется на шоссе. Мне, пожалуй, эта штучка пригодится. У них здесь положено безоговорочно подчиняться тому, кто предъявляет такой гестаповский жетон.

Через несколько дней мы узнали, что из трехсот тридцати хат села Озерцы каратели сожгли триста двенадцать. Четыреста человек они расстреляли. Вернее, расстреливали только взрослых, а детей убивали прикладами и бросали в огонь.

Надо сказать, что партизаны в этой деревне никогда не бывали и жители ее вообще с партизанами связаны не были.

Так немцы расправились с мирными жителями села Озерцы.

ГИРЛЯНДА

При очередной встрече с Довгером и Фидаровым Виктор Васильевич Кочетков узнал, что в городе Сарны немцы освободили большой дом и спешно приступили к его оборудованию.

Комендант города, городская управа и полицейские беспрерывно сновали по городу в поисках мебели: зеркальных шкафов, никелированных кроватей, мягких кресел. Все, что им нравилось, они забирали и свозили в этот дом. «Здесь будут отдыхать наши сталинградские герои», – говорили они любопытным.

Фидаров заинтересовался этим делом и узнал, что действительно немцы оборудуют дом отдыха для старшего и среднего офицерского состава действующей армии и что в ближайшие дни в Сарны ожидается прибытие первого эшелона.

Надо было устроить достойную встречу «героям».

Большая группа партизан – сорок два человека – во главе с моим заместителем по политчасти Стеховым заняла позиции у полотна железной дороги еще с вечера.

С неба хлопьями падал снег и тут же таял. В полночь подул сильный, пронизывающий ветер. Всю ночь, дрожа от сырости и холода, пролежали партизаны. Один раз мимо них по полотну прошли немецкие солдаты-путеобходчики с фонарями в руках, но нашей мины они не заметили.

Ночь была уже на исходе, а состав не появлялся.

Обидно было уходить, не выполнив порученного дела, а уходить с рассветом надо было обязательно. Гитлеровцы на триста метров по обе стороны дороги вырубили деревья и кустарники, и днем эта операция могла стоить нам многих жертв.

Но вот сигнальщики, выставленные по сторонам от засады, дали знать, что с востока идет поезд. Уже по стику вагонов было ясно, что идет порожняк. Через полчаса прошел второй состав, и тоже порожняком. Только перед паровозом было прицеплено несколько платформ, груженных балластом. Стехов понял: если два состава пустили порожняком, значит, скоро пойдет тот самый состав, который ждали.

Наконец услышали, что идет поезд. Наблюдатели просигнализировали. За паровозом уже видны были пассажирские вагоны, из окон которых бледно мерцал синий маскировочный свет.

Стехов дал команду приготовиться. Подрывник Маликов натянул шнуры от мины. Когда паровоз прошел всю линию нашей засады и дошел до Маликова, он дернул шнур; мина взорвалась, паровоз задрожал, вмиг остановился, и на глазах партизан вагоны стали громоздиться друг на друга. Потом наступила тишина, и лишь минуты через две-три из дверей вагонов стали высекивать фашисты. Вероятно, они думали, что произошел взрыв и теперь им ничто не угрожает. Но вдруг последовал второй взрыв – взорвалась мина в хвосте поезда. За ней – еще две, в середине эшелона. Тут начался обстрел.

Первым заговорил наш крупнокалиберный пулемет, снятый с разбившегося самолета и установленный на специально сделанной двухколке. Сперва обстреляли паровоз и пулями изрешетили котел. Затем дуло пулемета ровной линией прошло по вагонам. Пулеметную

стрельбу дополнил огонь из автоматов.

Минут сорок продолжался обстрел эшелона. Партизаны видели, как один офицер с искаженным от ужаса лицом выскочил из вагона и начал громко смеяться. Помешался от страха!

Было уже совсем светло, когда наши отошли в лес. Через два дня Кочетков доложил о результатах диверсии:

– Эшелон был тот самый. Шел из-под Сталинграда и вез в Сарны на отдых офицеров: летчиков и танкистов. Через час после отхода партизан на место диверсии прибыли немцы. Они оцепили весь район. Убитых и раненых отвезли на автомашинах и автодрезинах в Сарны, Клесово и Ракитное. Сколько убитых, точно неизвестно. Но только в Сарны привезли сорок семь трупов. Из Клесова и Ракитного нескольких убитых отправили в Германию. Видимо, важные персоны.

Произошло это 26 ноября 1942 года.

Из сводок Совинформбюро нам было известно, что 23 ноября советские войска прорвали оборону гитлеровцев под Сталинградом и окружили шестую и четвертую немецкие армии. Поэтому мы были счастливы тем, что внесли хоть крохотный вклад в дело великой битвы. Вырвавшиеся из сталинградского пекла немецкие офицеры попали в партизанскую засаду.

У нас при этой операции совсем не было потерь. Только у бойца Ермолина пуля пробила каблук, но это с Ермолиным было уж неизбежно. Удивительно, до чего пули любили его! В любой стычке, будь хоть один выстрел, пуля обязательно попадает в него, вернее – не в него, а в его одежду: то в шинель, то в фуражку, то, вот как теперь, в каблук. После каждого боя Ермолину обязательно приходилось сидеть и чинить свое обмундирование. Только один раз за все время пуля его ранила, да и то шутя – попала в палец.

Удача этой операции была не случайной. Ею руководил Сергей Трофимович Стехов, мой заместитель по политической части. Стехов любил боевые операции и тщательно к ним готовился, продумывая каждую мелочь. Наши партизаны считали за счастье идти на операцию со Стеховым.

Заслужить общую любовь партизан-дело не такое легкое, а Стехова все любили и уважали. В нем сочетались замечательные качества бесстрашного командира-большевика и хорошего товарища. Маленького роста, стремительный, всегда опрятно одетый, перетянутый ремнями, с автоматом-маузером и полевой сумкой, он, в прошлом штатский человек, выглядел как на параде. В наших условиях жизни такая подтянутость была необходимым примером для партизан.

Сергей Трофимович всегда был среди бойцов; его обычно видели в подразделениях. Сидит, попыхивает трубочкой, которая служила ему, некурящему, защитой от мошки, и о чем-то разговаривает, кого-то выслушивает, кому-то дает совет.

Приближался праздник рождества. Подготовку к празднику гитлеровцы начали с обычного грабежа населения. Валя Довгер приспала нам сообщение, что в село Виры нагрянули враги, забирают последние продукты; на мельнице вытащили всю муку.

Мы решили взять крестьян под защиту. На дороге, неподалеку от села Виры, нам довелось увидеть «предпраздничную» картину.

Впереди группы немецких солдат шествует немецкий офицер в эсэсовской форме, в белых перчатках. Он не просто идет – он торжественно шагает. Солдаты держат ружья наготове (все-таки о партизанах они не забывают!). Позади идут четыре пары волов, запряженных в

телеги. На телегах визжат кабаны, кудахчут куры и гуси. Такова «заготовка» к праздничному столу.

Когда гитлеровцы подошли, Стехов первым дал очередь из автомата. Офицер вскинул руки и упал. За Стеховым мгновенно открыли огонь остальные бойцы, и в течение нескольких минут враги были перебиты. Только двое залегли в кювет и открыли огонь.

Пока возились с ними, из Клесова на машинах к гитлеровцам подъехало подкрепление. Послышалась команда, немцы рассыпались и с ходу начали наступать на партизан. Но это Стехов предусмотрел. Метрах в трехстах от места засады в сторону Клесова он выдвинул несколько бойцов специально на тот случай, если из Клесова придет подкрепление. Поэтому не успели гитлеровцы сделать и нескольких шагов, как эта группа открыла по ним огонь. Бой длился всего минут двадцать. Награбленное фашистами было возвращено крестьянам.

Местные власти были бессильны в борьбе с нами. Немецкий офицер, комендант местечка Моквин, писал в Берлин:

"Дорогая жена Гертруда! Положение стало очень серьезным.

Кругом партизаны. Мы не показываем носа из своего дома.

Никогда в жизни у меня не было таких рождественских праздников. Сижу и дрожу за свою жизнь, каждую ночь жду прихода партизан. Прислали мне жандармов – да разве десяток жандармов справится с партизанами, которым помогает все население.

Послал тебе посыпочку; не знаю, дошла или нет. Посылаю двести марок и не уверен, что они дойдут до тебя. Получишь – немедленно сообщи".

Комендант сомневался не напрасно.

И посыпочку, и двести марок, и это недописанное письмо перехватили партизаны. Попал к нам под самый Новый год и муж Гертруды.

Новый 1943-й год мы отметили партизанской елкой. Во имя того, чтобы в каждой советской семье новогодние елки были всегда счастливые и радостные, наша партизанская должна была быть боевой, беспощадной к врагу. В новогоднем номере газеты было помещено объявление:

«От желающих участвовать в новогодней елке требуются елочные украшения. Мы принимаем: 1. Сияющие гирлянды из горящих фрицевских поездов. 2. Трофейные автоматы для звукового оформления. 3. Фрицев любого размера. 4. Каждый может проявить свою инициативу. Подарки сдавать до 31 декабря».

Гирлянду из горящего поезда преподнесла на «новогоднюю елку» группа подрывников во главе о Маликовым.

Сарненскими лесами, где мы находились, враги сильно интересовались. Чтобы отвлечь их внимание, мы решили взорвать поезд с западной стороны города Ровно, на железной дороге Ковель – Ровно.

Маликов, инженер по специальности, с двенадцатью бойцами взяли крупные мины и отправились к намеченному месту. Они расположились поблизости от полотна железной дороги и с наступлением темноты подползли к будке стрелочника.

Старик-стрелочник охотно рассказал, что поезда здесь ходят часто и сильно груженные, в сторону фронта – с войсками и вооружением, на запад – с ранеными, обмороженными и награбленным имуществом. Поняв, что наши хотят сделать, старик сказал:

— Мне уж ладно, только вот как быть с народом? Ведь их постреляют!

Оказалось, что для охраны железной дороги немцы мобилизовали крестьян из ближайших деревень и предупредили, что, если будет совершена диверсия, их расстреляют. Сторожевые посты из крестьян стояли метрах в пятидесяти друг от друга.

— Мы сами с ними посоветуемся, — сказал Маликов.

Разговор с крестьянами сразу пошел по душам. Крестьяне и не подумали отговаривать наших, нет, обсуждали только, как произвести взрыв и уберечь их от беды. Одна пожилая крестьянка предложила:

— А вы нас, ребятки, вяжите и делайте свое дело. Рты, что ли, заткните, ударьте, что ли, чтоб синячок позаметней был.

— Ну, уж бить-то вас нам не хочется!

— Тогда мы сами малость поколотим друг друга, — ответила та же крестьянка.

И смех и горе! Пока наши закладывали мины, «сторожа» тузили друг друга. Потом партизаны их связали и положили около костра. Скоро появился поезд. Взрыв состава, груженного оружием, боеприпасами и другими военными материалами, был произведен блестяще. Паровоз стал «на-попа». Шестьдесят вагонов разбились и сгорели.

Это был наш елочный подарок стране!

НАША «СТОЛИЦА»

В январе ударили двадцатиградусные морозы. Наши чумы — так мы называли свои лесные шалаша — оказались совсем неприспособленными для зимы. Часто меняя место лагеря, мы не могли устраивать теплые землянки, а ограничивались постройкой чумов из тонких жердей, обложенных еловыми ветками и засыпанных землей. Вместо дверей навешивали плащ-палатки. В середине крыши чума оставляли большую дыру для выхода дыма. Костер горел в самом чуме, а вокруг него веером укладывались спать партизаны: ноги к костру, головы — под своды чума. От костра ногам жарко, а там, где голова — мороз. Бывало так: проснется человек, хочет встать, а головы поднять не может — волосы примерзли. Ночью то один, то другой вскочит от холода, потопчется у костра, чтобы согреться, и, съежившись, снова ложится. А тут еще другая беда навалилась. По законам физики, дым из чума должен был выходить в верхнюю дыру, но у нас дым вверх не выходил, а стлался по чуму, выедая глаза. Вероятно, мы все-таки неправильно строили свои шалаша.

Словом, бед было много, и мы приняли решение на время крепких морозов расквартироваться в селе Рудня-Бобровская. Село было надежное. Там уже давно стоял наш «маяк», который из местной молодежи организовал оборону от немцев и полицейских.

19 января отряд снялся с места и направился в Рудню-Бобровскую.

Приняли нас, как желанных гостей. Большая толпа крестьян встретила отряд около села и вместе с нашей колонной направилась к центру. Ребятишки забегали вперед и с палками вместо винтовок шагали около меня и Стхова.

На площади нас ожидали жители села. На здании сельсовета были вывешены портреты руководителей партии и правительства. Народ ждал и верил в приход Советской Армии и

сберег эти портреты.

Около стола, покрытого красной материей, с подносом в руках стоял пожилой крестьянин. На подносе были хлеб-соль.

Когда колонна подошла и остановилась, крестьянин вышел нам навстречу.

— Хлеб да соль вам, дорогие гости! — сказал он. — Милости просим, располагайтесь у нас, как у себя дома. Мы вас накормим и обогреем. Ваш отряд мы хорошо знаем и уважаем. Вы нас не обижаете и в обиду немцам и бандитам не даете. Ну, а ежели теперь придется драться с заклятыми врагами, будем драться вместе.

Крестьянин кончил говорить и передал хлеб-соль Стхову. Стхов взял поднос в руки и сказал ответную речь, простую и короткую.

Я дал команду — строй разошелся. Партизаны вмиг смешались с крестьянами. И такие задушевные начались разговоры, будто встретились старые, давние друзья!

Село Рудню-Бобровскую мы в шутку называли своей «столицей». Здесь был центр нашего отряда, а вокруг нас по крупным селам Сарненского, Ракитянского, Березнянского и Людвигпольского районов стояли наши «маяки». По сути дела, мы были во всей этой округе представителями советской власти.

Под контроль отряда были взяты все молочарни, работавшие на гитлеровцев, и они оттуда ничего уже не могли взять. «Оседлали» Михалинский лесопильный завод, посадили там своего коменданта и лесоматериалы выдавали только нуждающимся крестьянам. Мы громили немецкие фольварки уже на западном берегу рек Случь и Горынь. На нашей стороне они были разгромлены. Многие районы стали полностью нашими, партизанскими.

Из Ровно, из районных центров, с железнодорожных станций — отовсюду к нам, в «столицу», стекались важные сведения и тут же передавались в Москву.

В пятидесяти километрах на юг от Рудни-Бобровской организовали «оперативный маяк» во главе с Фроловым. Там продолжалось формирование местных вооруженных отрядов, которые вместе с нашими группами выполняли боевые задания.

Наша «столица» хорошо охранялась. Вокруг села были расставлены посты. Вместе с нашими бойцами на постах стояли местные жители из молодежи. Они ходили и с патрулями по селу. Это было очень надежно: местные люди сразу же распознавали чужаков.

Прямо у села мы наладили прием самолетов.

Почти каждую ночь Москва, как заботливая мать, сбрасывала нам подарки. В воздухе раскрывались огромные парашюты, и у самых костров падали тюки в мягкой упаковке — с обмундированием, теплой одеждой, питанием, папиросами.

С нашим приходом население воспрянуло. От нас крестьяне узнавали о положении на фронтах.

В Сталинграде в эти дни немецко-фашистские армии были окружены железным кольцом наших войск. Окончательное уничтожение трехсоттысячной армии немцев было только вопросом времени. В январе войска Ленинградского фронта прорвали блокаду Ленинграда. На Северном Кавказе также шло стремительное наступление Советской Армии.

Отношения у партизан с местным населением установились хорошие. Каждый боец в свободное время помогал хозяевам дома, где он жил.

В нашем отряде было твердое правило: не только не доставать самим спиртных напитков, но и не выпивать, если кто-нибудь станет угождать. Бывало так. Придет партизан с задания, хозяйка поставит на стол еду, раздобудет самогон и угождает:

- Закуси и выпей. Прозяб небось?
- Покушать можно, спасибо, а пить – не пью.
- Что же так? С дороги полезно.
- Нет, пить не буду, не полагается.

Только один партизан нарушил это правило, и последствия были очень тяжелые.

На «маяке» Жигадло часто и подолгу бывал боец Косульников. В наш отряд он вступил с группой, бежавшей из плена. Маликов, который возглавлял «маяк», сообщил, что Косульников систематически нарушает партизанские законы: ежедневно достает самогон и напивается допьяна. Больше того, стал воровать у товарищей продукты и вещи для обмена на самогон. Наконец стало известно, что Косульников связался с подозрительной семьей и выболтал, что он партизан.

Было ясно, что этот негодяй подвергает смертельной опасности не только партизан, которые бывали на хуторе у Жигадло, но и семью самого Жигадло. Штаб принял решение немедленно вызвать с «маяка» и из Ровно всех наших людей, а Косульникова арестовать.

На той самой площади, где нас с хлебом-солью встречали жители, снова построился весь отряд. Вокруг от мала до велика стояли жители Рудни-Бобровской. Когда Косульникова привели на площадь, я обратился с краткой речью к партизанам.

– Однажды, – сказал я, – он уже изменил своей Родине. Нарушая присягу, он сдался в плен врагу. Теперь, когда ему была предоставлена возможность искупить вину, он нарушил наши порядки, опозорил звание советского партизана и дошел до предательства. Он совершил поступок во вред нашей борьбе, на пользу гитлеровцам. Командование отряда приняло решение расстрелять Косульникова.

И Косульников был расстрелян.

К началу 1943 года в наших районах сосредоточилось большое количество партизан. Из партизанского соединения Героя Советского Союза генерала Сабурова прибыли два батальона. Недалеко, в Вороновке, стоял отряд подполковника Прокопюка; здесь же действовало еще несколько разведывательно-диверсионных групп.

Такое скопление партизан беспокоило немцев. Находившийся в Ровно Николай Иванович Кузнецов сообщил, что Эрих Кох, гитлеровский наместник на Украине, приказал «очистить» Сарненские леса от партизан. Выполняя приказ Коха, шеф ровенской полиции Питц наскреб в Ровно две тысячи эсэсовцев, прибавил к ним бандитов-националистов и расставил свои гарнизоны по районным центрам вокруг нас.

Мы приняли контрмеры. Через местных жителей распространили слух, что сами собираемся напасть на районные центры. Слухи дошли до гитлеровцев, и, вместо того чтобы наступать, они стали готовиться к обороне. В помещениях, где они располагались, двери были оббиты толстым железом. На окнах из такого же железа были сделаны ставни с амбразурами для пулеметов. Дома окружили проволочными заграждениями, вырыли траншеи, ходы сообщения. А мы, сковав их хитростью, вели пока свою работу.

В конце января Кузнецов вновь сообщил из Ровно, что гитлеровцы готовят крупную карательную экспедицию. Вызваны войсковые части из Житомира и Киева. Наступление

готовится с нескольких сторон.

Тогда с помощью населения мы устроили лесные завалы на всех дорогах вокруг сел, где находились наши «маяки», и вокруг Рудни-Бобровской.

Каратели двинулись к Рудни-Бобровской с четырех сторон, но ждать их мы не стали. Конечно, мы могли нанести им большой ущерб, но нельзя было рисковать людьми и подвергать опасности жителей села.

Из Рудни-Бобровской мы ушли. Ушла вместе с нами и большая часть жителей. Они перенесли свои пожитки в лес, пригнали скот и устроили свой «гражданский» лагерь.

Кольцо вокруг Рудни-Бобровской сжималось, и скоро каратели сомкнули его. Но нас там уже не было. Каратели пошли по нашим следам, пытались окружить нас в других селах и хуторах, но мы ускользнули из этих ловушек. Так началась наша игра с немцами в «кошки-мышки». Каратели натыкались на лесные завалы, обстреливали их ураганным огнем, думали, что мы сидим за этими завалами, врывались в них и натыкались на партизанские мины. По этой стрельбе и взрывам мы точно знали, где немцы, а они шли, как с завязанными глазами.

На север, в большие лесные массивы, ушли два батальона сабуровского соединения и отряд Прокопюка, а мы кружили по хуторам, продолжая «игру», не шутки ради, конечно: нас держала здесь работа. В этих районах всюду были наши люди, в селах – «маяки». Из Ровно от Кузнецова то и дело шли связные. Бросать налаженную работу мы, конечно, не могли.

Время от времени наши связные и разведчики сталкивались с карателями и после небольших перестрелок уходили. Но одна крупная стычка все же произошла.

Как-то три дня не было связных от «оперативного маяка» Фролова. Предполагая, что Фролову грозит опасность, я направил ему в помощь шестьдесят пять бойцов. По дороге они неожиданно наткнулись на карателей и открыли огонь. Но в самом начале боя гитлеровцы неожиданно прекратили огонь и поспешно отступили. Наши удивились, но преследовать не стали. Лишь на следующий день мы узнали, почему так произошло. То была не простая колонна карателей. Из Вороновки в Рудню-Бобровскую ехал командир карательной экспедиции, немецкий генерал, в сопровождении сотни телохранителей. Чуть ли не первыми пулями генерал и его адъютант были убиты. Обескураженные таким оборотом дела, немцы прекратили бой и поспешили увезти останки своего командира.

Вдоволь повоевав с лесными завалами, карательная экспедиция ушла по направлению к Житомиру. А в начале февраля мы снова обосновались в лесу, в одном из своих старых лагерей, недалеко от той же Рудни-Бобровской. И в это время по радио мы приняли необычайное сообщение: отборные немецкие армии в Сталинграде полностью разгромлены!

Скоро до нас дошел слух, что немцы объявили траур. По приказу оккупантов, в течение трех дней запрещались всякие зрелища. Немцы должны были на левом рукаве одежды носить черные повязки, а немки – надевать темную одежду. Темную одежду было приказано также носить и населению. Но немцы не оповестили население, по какому поводу объявлен траур. Начали распространяться слухи, что умер Гитлер.

– Слава тебе, господи, что убрал ирода! – говорили крестьяне.

Не знали и мы, по какому поводу объявлен траур, пока не возвратился из Ровно Кузнецов. Оказывается, траур был по случаю разгрома под Сталинградом гитлеровской трехсоттысячной армии.

Николай Иванович рассказал нам много интересного. За последнее время через Ровно и Здолбуново необычайно усилились транспортные перевозки. Железные и шоссейные дороги

забиты войсками. Рейхскомиссар Украины Эрих Кох издал приказ о «чрезвычайных мерах» в отношении районов, не платящих натуральный и денежный налоги. Приказано было также «решительно» расправиться с партизанами.

ПОДВИГ

Наши разведчики не появлялись больше на «маяке» Вацлава Жигадло. Мы опасались, что болтливость Косульникова могла навести гитлеровцев на наш след. Самого Жигадло предупредили, что временно к нему никто явиться не будет.

Но «маяк» между Ровно и лагерем был необходим, поэтому решено было организовать новый секретный «маяк» на другом хуторе, вблизи лесного массива, чтобы в случае опасности легко было укрыться.

Новый «маяк» находился в тридцати километрах от Ровно. На «маяке» было двадцать пять отборных бойцов и с ними несколько пар хороших лошадей с упряжками. Специально для Кузнецова имелись ковровые сани, на которых он отправлялся в Ровно.

Когда Кузнецов находился в Ровно, связь между ним и «маяком» поддерживал Коля Приходько. На фурманке, велосипеде или пешком он доставлял пакеты от Кузнецова на «маяк», и пока другой курьер добирался до лагеря и обратно, Приходько отдыхал, а потом уже с пакетом от меня он вновь отправлялся к Кузнецову. Порой ему приходилось совершать эти рейсы по два раза в день, и все сходило благополучно. Появление его в Ровно ни у кого не вызывало подозрений. Несколько раз вражеские посты проверяли у него документы и оставались ими вполне удовлетворены.

Но мы знали характер Коли Приходько. Он не мог спокойно пройти мимо гитлеровца или полицейского, и, хоть обычно он скрывал свои приключения, кое-что становилось известным.

Однажды Приходько ехал из Ровно на фурманке. При выезде из города он заметил, что позади фурманки идут двое полицейских и, как ему показалось, следят за ним. Вместо того чтобы погнать лошадей и уехать подобру-поздорову, Приходько нарочно поехал шагом. Полицейские шли следом.

Впереди показался мост через реку Горынь. За полкилометра от моста Приходько остановился и стал подтягивать подпругу, хотя упряжь была в полном порядке.

Когда полицейские подошли к повозке, Приходько сказал им:

– Садитесь, подвезу.

Те залезли на повозку, винтовки положили рядом.

– Что, хлопцы, в полициях служите? – спросил он.

– Служим.

– Куда едете?

– Народ собираем в Германию. Тут вот с одного хутора брать будем. Доброму не хотят, – объяснил полицай.

– Несознательный народ! – посочувствовал ему Приходько,

В это время повозка уже въехала на мост.

– И правда бестолковый народ. Вот погляжу я на тебя, – обращаясь к Приходько, продолжал полицейский: – хлопец ты здоровый, сильный. Ну, чего тебе тут делать? Иди добровольно. Там, брат, разживешься, барином домой вернешься. Ты женат?

Фурманка в этот момент доехала до середины моста.

Ответа на свой вопрос полицейский не дождался.

– Руки в гору, гады! – крикнул Приходько и наставил пистолеты на своих пассажиров.

От испуга они покорно подняли руки.

– Геть с повозки, продажные твари! – скомандовал Приходько.

Но когда полицейские, пятясь с поднятыми руками, сошли с фурманки, последовал новый приказ;

– В воду, гады!

Дело это, надо сказать, происходило глубокой осенью. Река вздулась, вода шла под самым настилом моста.

– Прыгай, говорю вам, иначе постреляю! – не отставал Приходько.

Пришлось обоим полицейским под револьверным дулом прыгнуть вниз.

Уже в воде, желая спастись, они хватались друг за друга, топили один другого, пока оба не пошли ко дну.

Винтовки полицейских остались на фурманке. Ну, а по нашим правилам, трофеи скрыть никак нельзя было, и пришлось Приходько самому рассказать эту историю.

Долго объясняли мы ему в штабе, что так нельзя. Не имеет он права рисковать порученным делом. Сведения, которые он доставляет из Ровно и которые мы передаем в Москву, дороже полицейских.

– Все понимаю, товарищ командир, но вот подвернется подходящий случай – не могу сдержаться, – оправдывался Коля и все же дал честное слово больше так не поступать: – Умру, но не подведу.

– Умирать незачем. Лучше будь поосторожней.

И надо сказать, слово свое Коля Приходько сдержал. Много раз потом он ездил с «маяка» в Ровно и обратно и всегда своевременно доставлял сведения. Связь действовала безотказно.

21 февраля я передал курьеру с «маяка» пакет для Кузнецова.

– Вы повезете важный пакет. Если он попадет к врагу, мы потеряем лучших наших товарищей. И Приходько это передайте.

Утром 22 февраля этот пакет был вручен Приходько, и он направился с ним в Ровно.

Кузнецов ждал весь день, но Приходько не было. Не явился он и утром следующего дня. А к двенадцати часам дня по городу пошли слухи. Одни говорили, что у села Великий Житень какой-то украинец перебил «богато нимаков» и сам был убит. Другие рассказывали, что какой-то партизан из леса всю ночь держал бой с карательями и перебил их видимо-невидимо.

И все утверждали, что бой вел один человек.

Кузнецов сразу понял, что молва идет о Приходько. Именно в это время и в этом месте он должен был проехать. Да и кто же, как не наш богатырь Приходько, мог в одиночку сразиться с целой сворой немцев!

Николай Иванович хорошо знал Приходько. Они подружились еще в Москве. Вместе прилетели в отряд, вместе участвовали в боевых операциях. Кузнецов ни на минуту не сомневался, что, если Приходько и попадет в руки врагов, он ни под какими пытками не выдаст товарищей. Но вот вопрос: если он погиб, успел ли он перед смертью уничтожить пакет, которого Кузнецов так ждал?

Приняв все меры предосторожности, Николай Иванович послал в село Великий Житень Казимира Домбровского, у которого там были родственники.

Со слов очевидцев Домбровский рассказал нам подробности гибели Николая Приходько.

Как обычно, Николай ехал на фурманке. У села Великий Житень его остановил пикет – около двадцати жандармов и полицейских.

Приходько остановился и предъявил документ, по которому значилось, что он местный житель. Этот документ не раз проверялся и теперь как будто не вызывал сомнений. Но гитлеровцы решили обыскать фурманку.

Этого Приходько не мог допустить. На фурманке под сеном, как всегда, были запрятаны автомат и несколько противотанковых гранат.

– Да чего тут смотреть-то? – пробовал возразить Николай.

– Не твое дело. Надо.

Тогда Приходько выхватил из фурманки автомат и дал большую очередь по жандармам. Нескольких уложил на месте, остальные отбежали за угол дома и открыли стрельбу.

Отстреливаясь, он вскочил на фурманку и погнал лошадей. Тут его настигла пуля. Тяжело раненный в грудь, он продолжал путь в сторону Ровно.

Но уже на окраине села он неожиданно наткнулся на грузовую машину с гитлеровцами. Те, видимо, что-то поняли и открыли автоматный и пулеметный огонь. Раненный второй раз, Приходько и не думал сдаваться. Соскочив с фурманки в придорожную канаву, он продолжал стрелять.

Неравный бой длился долго.

Приходько еще раз был ранен. Уже истекая кровью, чувствуя, что силы его оставляют, он привязал секретный пакет к гранате и слабеющей рукой метнул ее во врагов.

Когда оставшиеся в живых гитлеровцы окружили Николая, он был уже мертв. Но умер он не от немецкой пули. Выстрел себе в висок был последним выстрелом нашего партизана-богатыря.

Излишне говорить, как встретили у нас весть о гибели Коли Приходько. Ведь еще при жизни он был окружен у нас нежной, братской любовью, и о храбости его партизаны рассказывали легенды.

Советское правительство высоко оценило патриотический подвиг нашего товарища. Ему посмертно присвоено высокое звание Героя Советского Союза, а подразделение разведки,

бойцом которого он был, стало носить имя Героя Советского Союза Николая Тарасовича Приходько.

НА СТАНЦИИ ЗДОЛБУНОВО

Весть о гибели Николая Приходько глубоко взволновала не только партизан нашего отряда. В диверсионной группе на станции Здолбуново были товарищи, знавшие Приходько с детства. Ведь он родился и до войны жил на этой станции.

Смерть его для здолбуновцев также была тяжелой утратой.

Еще в первое свое посещение Ровно Приходько побывал на станции Здолбуново, встретил старых знакомых – Дмитрия Михайловича Красноголовца и двух братьев Шмерег. Поговорив с Николаем, они охотно согласились помочь нам. Приходько познакомил Красноголовца с Кузнецовым и Струтинским. Позже наши разведчики Шевчук и Гнедюк стали частенько посещать станцию.

Еще до гибели Приходько, примерно в конце декабря 1942 года, в Здолбуново была сколочена разведывательно-диверсионная организация. Возглавлял ее Дмитрий Михайлович Красноголовец.

Станция Здолбуново – крупный железнодорожный узел. Она связывала Германию с Восточным фронтом.

Через Здолбуново шли военные составы из Чехословакии, Германии и Польши и обратно с фронта. По двум колеям железной дороги за день проходило огромное количество эшелонов.

Можно себе представить, насколько важна была разведывательная и диверсионная работа на этой станции, и мы принимали все меры к тому, чтобы диверсионная группа Красноголовца была как можно тщательнее законспирирована. К марта-апрелю 1943 года она насчитывала уже до двадцати членов и охватывала важнейшие участки работы железнодорожного узла.

В здолбуновской группе были рабочие станции и депо, стрелочники, кондукторы, машинисты, диспетчеры.

Для связи с нашим отрядом здолбуновцы выделили специальных курьеров. Один из них, бывший учитель Иванов, при немцах стал чернорабочим на станции. Пользуясь своим удостоверением и так называемой «провизионкой», которая давала ему право свободно ездить по железной дороге, Иванов регулярно приезжал к нам в лагерь.

Свою незаметную, но очень важную для нас работу учитель Иванов выполнял с необычайной стойкостью. Расскажу один случай. Как-то в холодный зимний день я заметил, что Иванов, только что прибывший в лагерь, все жмется к костру, дрожа от холода. Я подошел к нему и увидел, что пиджак его был надет на голое тело. Тихий, скромный человек, он не щадил своего здоровья ради выполнения задания. После этого случая мы, конечно, побеспокоились об одежде для нашего здолбуновского связного.

Сведения, которые присыпала нам здолбуновская организация, были чрезвычайно важными. Они полностью отражали работу узла: откуда и куда проходили поезда и с каким грузом. Если ехали войска, то сообщалось их количество, род, иногда и наименование части; если техника, то какая и в каком количестве.

По данным здолбуновской группы мы своевременно узнали, что немецкое командование, обеспокоенное положением на фронте, стало организовывать оборону в районах Белой Церкви и Винницы, где была ставка Гитлера. Именно в эти районы из-под Ленинграда начали прибывать немецкие войсковые части.

Через Здолбуново в район Белой Церкви ежедневно поступало по пятнадцати вагонов цемента, готовые железобетонные колпаки с амбразурами для пулеметов, вооружение.

Все эти сведения регулярно, каждые пять дней, передавались по радио в Москву.

Помимо разведки, здолбуновская организация занималась и диверсиями. Началось с небольшого: подпольщики развинчивали рельсы, срезали шланги тормозов у вагонов и паровозов. Позже из тола, который мы им посыпали, здолбуновцы наловчились делать мины. Возьмут кусок тола и заложат туда взрыватель. Комок тола покроют kleem или дегтем и обваляют в угольной пыли. Получался кусок угля. Этот «уголек» они забрасывали в паровозный тендер с углем. Где-то в пути «уголек» попадал в топку и взрывался, разнося в клочья паровозный котел.

Через Иванова мы переслали в Здолбуново пятьдесят магнитных мин замедленного действия. Эти портативные мины, которые свободно можно было переносить, прилипают к любой железной вещи. В мины вставлялся взрыватель с часовым механизмом, рассчитанный на три, шесть, двенадцать и более часов.

Магнитные мины использовались с большим эффектом. Установят мину, к примеру, под котлом паровоза и пустят механизм. Поезд отправляется, а в пути, где-то за триста-четыреста километров восточное Здолбуново, паровоз взрывается. Ищи виновного!

Потом додумались ставить магнитные мины под цистернами с горючим. От взрыва сгорали целые составы.

Огромный ущерб причиняла немцам здолбуновская группа. Учесть убытки гитлеровцев попросту невозможно было. Не просить же немцев вести счет всем крупным и мелким авариям на железнодорожном узле, которые были делом рук наших храбрых подпольщиков-патриотов!

В паровозном депо на станции Здолбуново подпольщики сумели в течение трех месяцев под разными предлогами задержать и не выпустить на линию семьдесят паровозов: одно ремонтировали, другое портили. Это само по себе являлось крупнейшей диверсией. Но самым интересным делом здолбуновской подпольной группы был взрыв большого двухколейного железнодорожного моста через реку Горынь, на дороге Здолбуново-Киев. По этому мосту каждые десять-пятнадцать минут проходили эшелоны к линии фронта и обратно. Если к станции Здолбуново поезда подходили с четырех сторон, то из Здолбуново на восток они шли только по этому двухколейному мосту. Охрана моста была исключительно сильной. На подходах с обеих сторон стояли часовые; по углам моста были установлены пулеметные гнезда. Все пространство вокруг просматривалось. Около моста стояли бараки охранников.

Мы знали, что некоторые партизанские группы пытались взорвать этот мост, но дело кончалось провалом и жертвами. Все же штаб нашего отряда решил провести эту диверсию.

С некоторых пор наш разведчик Коля Гнедюк плотно засел в Здолбуново. Он-то и разработал план взрыва моста через Горынь.

После долгих поисков был найден поездной кондуктор, поляк по национальности, который ездил на воинских эшелонах у тормозов. Когда поезд шел с горы, он тормозил, когда поднимался в гору – тормоза отпускал. Его обязанностью было давать сигналы машинисту в случае опасности. Кондуктор пользовался полным доверием немцев. Он был оформлен по

документам как «фольксдейч», то есть человек немецкого происхождения.

Для взрыва моста была подготовлена большая чемоданная мина со взрывателем гранаты «Ф-1».

В очередную поездку кондуктор сел на свое место у тормозов с нашим чемоданом. Когда состав въехал на мост, он выдернул чеку из мины и на самой середине моста столкнул чемодан именно на ту колею, по которой шли поезда в сторону фронта. Через несколько секунд раздался взрыв; средняя ферма моста рухнула. В образовавшийся провал полетели вагоны.

Взрыв моста наблюдали наши разведчики из засады, устроенной за километр от моста.

Недели три после этого немцы восстанавливали горынский мост.

Операция была проделана удачно и умело; ни один из подпольщиков-здолбуновцев немцами разоблачен не был.

Надо сказать, что по мере развертывания нашей деятельности у радиостов прибавилось работы. Раньше с Москвой связывался только один радиост и только раз в день. Теперь же у нас было столько сообщений из Ровно, Сарн, Здолбуново и других мест, что приходилось работать с Москвой одновременно двум и трем радиостам.

Из лагеря могла действовать одна радиостанция. Другим радиостам, чтобы не мешать, приходилось уходить на расстояние не менее пяти километров.

Наши радиосты составляли небольшой, но крепко спаянный, дружный коллектив. У них были свои законы: постоянно держать аппаратуру в порядке; быть готовыми в любую минуту свернуть радио, взять ее на плечи и уйти; свято хранить секретные шифры; повседневно тренироваться в работе на ключе, в приеме на слух.

Случилось так, что в самые напряженные дни, когда радиосты передавали сведения здолбуновской группы, Николай Иванович прислал из Ровно тревожное сообщение: гестаповцы направили в район Сарненских лесов три автомашины с пеленгационными установками, а в Березно, Сарны и Ракитное посланы карательные экспедиции.

Путем пеленгации немцы могли точно установить местонахождение наших радиостанций и, следовательно, отряда. Цель посыпки пеленгаторов и карательных экспедиций в наши районы была ясна: засечь радиостанции, окружить отряд и ликвидировать его.

Сведения Николая Ивановича подтвердились. На следующий день после получения его письма разведчики сообщили, что в село Михалин прибыла какая-то машина под большой охраной немцев. С рассветом машина выезжала за село, и на расстоянии двух километров к ней никого не подпускали. Кроме того, немцы группами ходили по лесным дорогам с аппаратами и наушниками.

Как быть? Связь с Москвой прекращать нельзя, а продолжать работу – значит, выдать место лагеря. Выход нашли сами радиосты.

– Товарищ командир! – сказала мне Лиза Шерстнева. – Мы с ребятами подумали и решили вот что. Сегодня же ночью мы можем уйти от лагеря километров за двадцать – двадцать пять, и все в разных направлениях. Поработаем, свернем радио – и обратно в лагерь. Назавтра пойдем работать на новые места. Пусть гитлеровцы нас засекают!

Так и сделали.

Несколько суток подряд радиосты, сопровождаемые группами бойцов, уходили в разные

стороны, кочевали с места на место и не только продолжали работу с Москвой по расписанию, но и назначали новые дни и часы для радиосвязи.

«Кочующие» рации выручили нас. Немецкие пеленгаторы сбились с ног. Они засекали работу партизанских радиостанций то в одном, то в другом, прямо противоположном направлении. Каратели окружали и обстреливали уже опустевшие места.

Конец этой хитрости был положен нами самими. Мы устроили засаду на фашистских пеленгаторов. Правда, захватить пеленгационные установки не удалось, но, напуганные партизанами, фашисты прекратили свои облавы на радиостанции.

МАРФА ИЛЬИНИЧНА

Марфа Ильинична Струтинская пришла в штабной чум. Я очень удивился. Что заставило ее преодолеть свою застенчивость и явиться ко мне? До сих пор все ее просьбы передавал Владимир Степанович.

В чуме горел костер; вокруг него лежали бревна – они служили нам сиденьем. Я указал на бревно:

– Садитесь, Марфа Ильинична!

Она степенно уселась и объяснила:

– Я к вам ненадолго, по делу. Хочу просить вас, чтобы меня послали в Луцк.

В это время мы готовили большую группу партизан для посыпки в район Луцка. Надо было выяснить обстановку в городе, узнать, какие там немецкие учреждения, какой гарнизон, какие штабы и на случай перехода отряда разведать леса в этом районе.

Задача была сложной. Мы стояли от Луцка в двухстах километрах, и путь только в один конец должен был занять не меньше пяти дней. Но дело не только во времени и расстоянии. На каждом шагу можно было нарваться на немцев.

Людей в эту группу мы подбирали очень тщательно. Предпочтение отдавали тем, кто хорошо знал город. Одними из первых вызвались Ядзя, племянница Струтинских, и Ростислав Струтинский. От них-то, видимо, Марфа Ильинична обо всем и узнала.

– Марфа Ильинична, – ответил я, – вам идти в Луцк не следует: сил не хватит. Вы и здесь приносите большую пользу.

– Ну, какая польза от моей работы! Варить и стирать всякий может. А насчет сил моих, пожалуйста, не беспокойтесь: я крепкая и пользу принесу больше молодого. В Луцке у меня есть родственники, знакомые; через них все, что надо, узнаю, с кем хотите договорюсь.

– Ну, а как же маленькие? – Я имел в виду младших детей Марфы Ильиничны – Васю и Славу.

– За ними Катя присмотрит.

– Ведь опасное это дело.

– Бог милостив. Ну кто подумает, что я партизанка!

С чувством большого уважения посмотрел я на Марфу Ильиничну, на ее хорошее, доброе лицо и невольно подумал: «Сколько силы и благородства в этой советской женщине!»

— Хорошо, — ответил я, — посоветуюсь с товарищами.

Боясь, что будет отказ, она прислала ко мне мужа — Владимира Степановича. Но я все же не решался.

Через несколько дней Цессарский сказал мне, что Марфа Ильинична простудилась и ей сильно незддоровится. Я решил воспользоваться этим и поручил Фролову, который был назначен командиром группы, передать Марфе Ильиничне, что в Луцк ее не пошлем.

Не успел Фролов возвратиться, как со слезами на глазах прибежала сама Марфа Ильинична:

— Да я только малость простыла. Все завтра пройдет!

И она принялась так упрашивать, что я в конце концов согласился.

В середине февраля шестьдесят пять наших партизан ушли по направлению к Луцку.

Владимир Степанович вместе с младшими детьми провожал жену далеко за лагерь.

Прошло две недели. За это время мы получили сведения, что группа благополучно прошла в район Луцка и удачно ведет там работу. Расположились они в лесу, в двадцати пяти километрах от Луцка, а разведчиков посыпают в самый город.

В те дни гестапо начало большой поход против партизан. Во всех районах появились карательные экспедиции, усиленно вооружались полицейские.

Я забеспокоился и, опасаясь, что все дороги будут перекрыты, передал Фролову приказ: вместе со всеми людьми немедленно возвращаться в лагерь. Фролов вернулся, но вести принес неутешительные.

Неподалеку от переправы через реку Случь, на опушке леса, они натолкнулись на засаду. Лишь несколько минут длился бой. Гитлеровцы, не ожидавшие отпора, как-то сразу рассеялись, оставив в лесу убитых и раненых. Но и в группе Фролова было убито шесть человек.

Расстроил меня Фролов и другим сообщением: оказывается, Марфа Ильинична, Ядзя, Ростислав и еще пять бойцов остались под Луцком.

Марфа Ильинична с Ядзей два раза ходили в город, связались с полезными для нас людьми и познакомили их с Фроловым. Один из них, инженер со станции Луцк, сообщил ценные сведения, в частности о том, что немцы разгрузили на станции несколько вагонов химических снарядов и авиационных бомб и намерены опробовать их на партизанах и мирных жителях. Этот инженер обещал достать подробный план города с указанием всех немецких объектов: штабов, учреждений, складов боеприпасов и химических снарядов. Марфа Ильинична через несколько дней должна была снова пойти в Луцк за этим планом. Но тут как раз был получен мой приказ о возвращении.

Марфа Ильинична ни за что не хотела уходить без этого документа:

— Да как же я брошу такое дело! Небось этот план в Москву отошлют... Вы оставьте мне Ядзю и Ростику, с ними я и вернусь...

Она вновь настояла на своем. Пришлось Фролову оставить ее, Ядзю и еще шестерых бойцов, в том числе и Ростику Струтинского, для охраны на обратном пути.

Как только Фролов закончил свой рассказ, я пошел к старику Струтинскому. Он уже все знал и сидел в землянке расстроенный, хмурый.

– Ну, как дела, Владимир Степанович? – спросил я.

– Ничего дела, – сдавленным голосом ответил он. Потом, помолчав, добавил: – Да чего там, скучаю по своей старухе!

Я попытался его успокоить:

– Владимир Степанович, вернется Марфа Ильинична. Там же остался Ростислав, он не даст мать в обиду.

– Он-то в обиду не даст, но может так получиться, что и его обидят… Ну, ничего не поделаешь, война.

Через несколько дней пришли в лагерь Ядзя, Ростик и два партизана.

Старик перехватил их раньше всех. Он молча выслушал Ядзю и Ростика и, не проронив ни слова, скрылся в своем шалаше.

Ядзя тут же пришла ко мне. Она вытащила из потайного кармана пакет:

– Вот, тетя Марфа велела передать. – И, заливаясь слезами, рассказала мне все, как было.

Они с Марфой Ильиничной пошли в Луцк на условленную встречу, получили от инженера пакет и вернулись в лес, где их ждали партизаны. Документ Марфа Ильинична вшила в воротник своего пальто. Всей группой отправились домой, к своему отряду.

Днем отдыхали в хуторах и селах, ночью шли. В хуторе Вырок хату, где они отдыхали, окружили полицейские – не меньше сорока человек.

Ростик и его товарищи предложили матери и Ядзе бежать через двор в лес, а сами выскочили из хаты.

Марфа Ильинична быстро распорола воротник своего пальто и достала пакет:

– Возьми, Ядзя. Ты убежишь… молодая. Передашь командиру…

Схватка шла около хаты. Шесть партизан не могли устоять против сорока полицейских. Троє наших были убиты, а Ростик с двумя бойцами, уверенный, что мать и Ядзя уже скрылись, стал отходить к лесу.

– Ростик не видел, как в хату ворвались полицейские, – рыдая, рассказывала Ядзя. – Тетю ранили, а меня схватили за руки… Я уже больше ничего не видела… вырвалась, схватила пистолет, стреляла, выпрыгнула в окно, убежала. Только на другой день я встретилась в лесу с Ростиком и двумя нашими ребятами. Ростик не знал, что мать у немцев осталась.

– Ну, а дальше что было?

– Дальше вот что. Мы ходили все в этом лесу, недалеко от Вырока. Вечером, смотрим, идет какая-то женщина. Мы ее дождались и спросили. Она сказала, что тетю ужасно били, но она ничего не выдала. Потом гестаповцы ее увезли и за деревней расстреляли. Ночью крестьянки подобрали ее тело и похоронили в лесу. Эта женщина и повела нас на свежую могилу. Она, оказывается, тоже хоронила тетю и теперь шла в лес, думая кого-нибудь из нас встретить. «Я, говорит, так и знала, что вы где-нибудь тут ходите».

Мы жили на войне. Мы не раз видели смерть, не раз хоронили наших товарищей. Мы

беспощадно мстили за них. Казалось, мы уже привыкли к жестокостям борьбы. Но смерть Марфы Ильиничны потрясла нас всех до глубины души. Весть о ее гибели разнеслась по лагерю мгновенно, и как-то необычно тихо было у нас в лесу, когда я шел в чум Владимира Степановича.

С ним говорить было нельзя: спазмы душили старика. Я скоро ушел от него, чувствуя, что в чем-то перед ним виноват.

Сейчас, вспоминая гибель Марфы Ильиничны, я нашел один из номеров нашей партизанской газеты и в нем некролог, написанный партизанами, хорошо знавшими нашу мать-партизанку. Вот этот некролог:

"Печальную весть принесли наши товарищи, возвратившиеся из последней операции: от руки фашистских извергов погибла

Марфа Ильинична Струтинская.

Мы хорошо узнали ее за месяцы, что пробыли вместе в отряде. Мать партизанской семьи, семьи героев, она и сама была героиней – мужественной патриоткой.

В отряде она была матерью для всех. Неутомимая, умелая, она работала день и ночь. Марфа Ильинична добровольно отправилась на выполнение серьезного оперативного задания.

На обратном пути пуля фашистского палача оборвала ее жизнь.

Перестало биться сердце замечательной женщины. Но смерть ее будет отомщена.

За нее есть кому отомстить. Поплатятся фашисты своей черной кровью за дорогую для нас жизнь Марфы Ильиничны

Струтинской.

Родина ее не забудет!"

Николая и Жоржа Струтинских не было в лагере, когда мы узнали о гибели их матери. Они находились в Ровно. Тем тяжелее было Владимиру Степановичу. Чтобы как-то рассеять его горе, мы специально придумали для него командировку. Он поехал, вернулся, пришел ко мне и доложил, что задание выполнено. Я поразился, до чего же старик изменился: за несколько дней постарел, осунулся.

– Садитесь, Владимир Степанович.

Он тяжело опустился на пень. Я налил ему чарку вина. Но он отодвинул ее:

– Не могу.

Молчание казалось бесконечным, и я не смог нарушить эту безмолвную исповедь: стариk не нуждался в том, чтобы его утешали. Наконец он заговорил – вернее, поделился своей давно выношенной мучительной мыслью:

– Вот если бы с ней был Николай… или Жорж – этот тоже крепкий. Ну, да что уж теперь, не вернешь. Война…

Теперь Владимир Степанович частоправлялся о сыновьях, когда они были в отлучках:

– Что с Жоржем? Когда вернется Николай?

После смерти Марфы Ильиничны наши девушки-партизанки ухаживали за Васей и Славой, но заменить мать они не могли. Да и опасно было у нас, поэтому в апреле мы отправили Васю и Славу на самолете в Москву. С ними улетела и Катя. Отец строго наказал ей заботиться о братьях.

8 марта, в Международный женский день, я послал около сотни партизан под командованием опытного командира Базанова к селу Богуши. Мы узнали, что там обосновался целый вражеский батальон, часть которого и напала на Фролова.

Около этой деревни, вдоль западного берега реки Случь, когда-то проходила старая линия обороны, построенная еще при панской Польше. Там сохранились траншеи и укрепления – доты. Река в это время разлилась, и все доты были залиты водой.

Базанов умело разведал местность и хорошо рассчитал силы. На рассвете он напал на Богуши. Как перепуганные звери, заспанные гитлеровцы носились по селу, и везде их настигал партизанский огонь. Многие бросались к траншеям и дотам. Но это им не помогло. Преследуемые пулями, онитонули в залитых водой траншеях и в реке.

Базанов вернулся в лагерь с большими трофеями – оружием и боеприпасами.

Это было нашей местью за гибель товарищней, за смерть Марфы Ильиничны Струтинской.

ДВЕ ОПЕРАЦИИ

Все переправы через реки по дороге из нашего лагеря в Ровно немцы перекрыли. Теперь для того, чтобы связаться с Ровно, требовались не один-два курьера, а целая группа бойцов в двадцать-тридцать человек. Вооруженные стычки стали обычным явлением. Немцы и бандиты-предатели в этих стычках несли большие потери, но и с нашей стороны увеличивались жертвы.

Чтобы спокойно продолжать работу в Ровно, я решил с частью отряда перейти в Цуманские леса, расположенные с западной стороны города. Эти леса и были разведаны нашими товарищами, которые ходили к Луцку во главе с Фроловым.

Я отобрал с собой сто пятнадцать человек. В старом лагере командиром остался Сергей Трофимович Стехов.

Помимо разведчиков, которые уже работали в Ровно, я взял с собой всех партизан, знающих город. Пошел со мной и Александр Александрович Лукин. Незадолго до этого он возвратился из Москвы, куда улетал для доклада о положении в тылу противника. Лукин спустился с самолета на парашюте. С этого же самолета нам сбросили много гостинцев: письма от родных и знакомых, журналы и газеты, автоматы, патроны, продукты.

На созванном мною совещании работников штаба Лукин передал последние указания командования о направлении работы отряда и о важнейших задачах, которые на нас возлагались.

Вместе с Лукиным прилетели в отряд четыре новичка. Один из них, Гриша Шмуйловский, оказался старым товарищем Цессарского и Мачерета. Шмуйловский учился в Московском литературном институте и долгое время добивался, чтобы его послали в наш отряд.

– Ну, а как институт? – спросил я его.

– Институт? После победы закончу...

Прилетел с Лукиным и Макс Селескириди, студент театрального училища при театре имени Вахтангова. Там он готовился к амплуа комика, а у нас хотел стать подрывником. Меня не раз удивляло: какой же комик из Макса? Ни разу я не видел улыбки на его лице.

Из двух радиосток, прилетевших с Лукиным, особое внимание наше привлекла Марина Ких. Родом она была из села Новоселки-Кардинайские Львовской области.

В 1932 году Марина вступила в подпольную организацию Коммунистического союза молодежи Западной Украины, а через три года – в Коммунистическую партию Западной Украины. Дважды, в 1936 и 1937 годах, Марина была арестована польскими жандармами за активную революционную деятельность. После освобождения Западной Украины Марина была избрана представителем в Народное собрание Западной Украины. С делегацией Народного собрания она ездила в Москву на Чрезвычайную сессию Верховного Совета, а затем в Киев, чтобы передать Советскому правительству просьбу населения о присоединении Львовской области к Украинской Советской Социалистической Республике и о приеме ее жителей в советское гражданство.

Когда началась война, Марина окончила курсы радистов и была направлена в наш отряд.

Всеми новичками я был доволен и, готовясь к переходу в Цуманские леса, включил их в свою группу.

Переход этот был для нас сложной боевой операцией. Первый бой мы провели с гитлеровцами у села Карабун, неподалеку от переезда через железную дорогу Ровно – Сарны. Немцы, видимо, узнали о нашем продвижении и устроили здесь засаду. После короткой перестрелки я решил отойти в лесок, чтобы выяснить, с какими силами врага мы имеем дело. Только мы отошли к месту засады, подошел поезд с карателями. Возможно, это подкрепление было вызвано по телефону.

Надо было во что бы то ни стало перейти через железную дорогу. Я решил нападать первым.

Едва каратели выгрузились и поезд отошел, раздалось наше партизанское «ура». Такого быстрого натиска немцы не ожидали. В военном деле стремительный и неожиданный натиск всегда дает преимущество. Мы уничтожили человек двадцать гитлеровцев и пятерых взяли в плен.

Пленные, допрошенные Кузнецовым, показали, что из Ровно и Кастополя в район Рудни-Бобровской отправлено большое количество эсэсовцев. Эти же сведения подтверждали и местные жители.

– Не менее двухсот грузовиков с немцами прошло в ту сторону, – говорили крестьяне. – И пушки на прицепе!

Я попытался по радио предупредить Стехова, но радиосвязь не удалась. Тогда я отправил ему радиограмму через Москву, хотя понимал, что это предупреждение уже опаздывает.

В бою при переезде был убит один партизан и двое ранено. Раненым оказался наш инженер-подрывник Маликов: разрывная пуля раздробила ему два пальца на правой руке. Цессарский тут же на месте ампутировал перебитые пальцы и обработал рану.

Вторым раненым был испанец Гросс, наш талантливый минер, большой выдумщик по части партизанских хитростей. Это он подсказал, как одной миною уничтожить железнодорожный мост и целый состав. Так же как в боях у себя на родине, он отличался храбростью и у нас в

отряде. Редкая операция на железных дорогах проходила без его участия.

Ранение у Гросса оказалось серьезным. Разрывная пуля попала в лопатку и частично раздробила ее.

– Не скоро он в строй вернется, – доложил мне Цессарский. – Рана хотя и не опасна, но заживать будет долго.

К вечеру следующего дня – новый бой. Наше передовое охранение, передвигаясь по ровному, как стрела, большаку в направлении села Берестяны, неожиданно было встречено пулеметным и ружейным огнем. Враги стояли лагерем в лесу, метрах в ста от дороги, а у дороги была их засада.

На этот раз бандиты упорно сопротивлялись. Бой длился часа два с половиной. С трудом удалось пробить себе дорогу. Правда, «трезуба» мы все же дождались: кто навсегда остался на дороге, кто сдался в плен.

Помимо трофейного оружия, мы отобрали у бандитов штук двадцать кабанов. Это было кстати. Пять суток наша группа была в пути и не видела горячей пищи. К общему удовольствию, в числе трофеев оказалась и походная армейская кухня. Наконец-то у нас был приготовлен вкусный, жирный обед!

В этом бою у нас был ранен Коля Фадеев, командир взвода. Пуля раздробила ему кость ниже колена.

По приходе на место обнаружилось, что у Коли Фадеева началась газовая гангрена.

– Необходима операция, – доложил мне доктор Цессарский, – иначе погибнет Фадеев.

Что же делать?

Наше новое местожительство опять было в лесу. Густой лес, и пока никакого жилья, а ведь всякая операция требует чистого, закрытого помещения, света, настоящих хирургических инструментов. Ничего этого у нас пока не было. Хирургические инструменты, какие были, Цессарский оставил в старом лагере и взял с собой медикаменты и инструменты, необходимые лишь для оказания первой помощи.

– Как же быть? – спрашиваю я Цессарского.

– Если разрешите, я ампутирую Фадееву ногу обычной поперечной пилой.

– Что вы, Альберт Вениаминович! Да разве это возможно?

– Риск, конечно, большой, но я приму все меры предосторожности. Без ампутации он умрет.

Пришлось дать согласие.

Предстояла на этот раз не боевая, а медицинская операция, и совсем необычная.

«Эх, – думалось мне, – недаром Цессарский так приставал к Кузнецовой и другим разведчикам, ходившим в Ровно, чтобы они достали ему медицинские инструменты и лекарства!»

Многое я передумал, много нервничал, пока готовилась эта операция. Дело шло о жизни молодого нашего товарища: Коле Фадееву только что минул двадцать один год.

Между тем наш хирург, внешне по крайней мере, казался совсем спокойным. Он позвал к себе моего ездового Петра Петровича. Держа в руках простую поперечную пилу, Цессарский

сказал ему:

– Вот, Петр Петрович, эти зубцы сточи начисто. Вместо них нарежь новые, маленькие.

И подробно стал объяснять, какие нужны зубцы и какого размера.

Через два часа пила с маленькими зубцами была готова, и Цессарский стал дезинфицировать ее – протирать спиртом, прожигать и снова протирать. Тем временем по его указанию в санчасти готовили все остальное: построили нечто вроде палатки, вернее просторную четырехстороннюю загородку из еловых ветвей с открытым верхом, чтобы было много света, кипятили инструменты, готовили бинты.

Минут за двадцать до операции Коля Фадеев позвал меня к себе. Я пришел. Еще недавно сильный и веселый, он лежал сейчас на траве похудевший, с бледно-землистым лицом.

– Товарищ командир, если все сойдет благополучно, прошу вас дать мне рекомендацию для вступления в кандидаты партии.

До слез тронул он меня своей просьбой.

– Конечно, дам. Ты же молод, Коля. А за операцию не беспокойся. Ведь у нашего доктора все выходит хорошо.

О том, какой пилой ему собираются отнимать ногу, и о всех наших волнениях Фадеев, конечно, не знал. Но он понимал, что операция в таких условиях – дело рискованное.

Кроме Цессарского и его помощника, все мы, в том числе и я, отошли от «операционной».

Через несколько минут мы услышали... громкие ругательства. В нашем отряде ругаться запрещалось строго-настрого. Сами бойцы считали, что сквернословие недостойно советского партизана. Но под наркозом Коля разошелся.

– Вот человек и душу отведет и наказания ему никакого не будет! – сказал стоявший рядом со мной Лукин, желая шуткой скрыть свое волнение.

Операция продолжалась больше часа.

Хорошо, что у Цессарского было много хлороформа: на открытом воздухе хлороформ быстро улетучивается.

Цессарский пришел ко мне после операции бледный, измученный, на лице – капельки пота.

– Есть, конечно, большая опасность, но надежды на спасение не теряю.

И он не ошибся. На другой же день температура у Фадеева снизилась, и все пошло, как в первоклассном госпитале. Он стал быстро поправляться.

А через несколько дней Коля опять попросил меня зайти.

– Товарищ командир! Неужели правда, что я ругался во время операции? Или, может, ребята наврали?

Я улыбнулся.

– Значит, правда? Вы уж меня извините.

– Ничего, Коля, ничего. На этот раз придется извинить.

– Спасибо, товарищ командир... У меня к вам еще один вопрос: что же я теперь без ноги буду делать? Я не хочу отправляться в тыл.

– Погоди, придумаем. Ты еще полезнее других будешь.

– Вот и за это большое спасибо!

По выздоровлении мы назначили Фадеева начальником учебной группы по подготовке подрывников. Ему были доверены охрана и учет всего подрывного имущества. Он очень хорошо выполнял свои обязанности. И рекомендацию в партию я, конечно, ему дал.

Случай с Колей Фадеевым – не единичный. Самые чистые, лучшие свои чувства партизаны связывали с большевистской партией. Трудно переоценить значение и роль нашей партизанской коммунистической организации. Из Москвы в числе бойцов и командиров прилетело только пятнадцать членов партии. Среди вновь вступивших в отряд членов партии было тоже немного. Но и небольшая количественно партийная организация имела в отряде громадный авторитет. Объясняется это тем, что члены партии и в боях и в быту вели себя безукоризненно. «Достойный большевик», – говорили о коммунистах партизаны.

Жизнь в боях и походах, жизнь в тревогах, постоянные трудности были наилучшей проверкой большевистских качеств человека. Неудивительно поэтому, что почти с самого начала нашего пребывания в тылу врага от многих партизан стали поступать заявления о приеме их в партию. Мы не могли в наших условиях оформлять прием в партию так, как это положено по уставу. Анкет у нас не было, не писали мы и рекомендаций. Все делалось устно, сначала на заседании партийного бюро, потом на партийном собрании. Только секретарь делал у себя необходимые записи, чтобы потом, по возвращении в Москву, оформить вступивших товарищем и установить стаж со дня их утверждения на нашем партийном собрании.

Принимали в кандидаты партии и переводили в члены партии только тех, кто зарекомендовал себя настоящим большевиком. Помню, одними из первых были принятые в партию доктор Цессарский, секретарь комсомольской организации Валя Семенов и Дарбек Абраимов. И наша партизанская партийная организация день ото дня росла за счет лучших из лучших товарищем.

ПОМОЩНИКИ

Переход на новую базу в Цуманские леса на некоторое время отвлек наше внимание от Ровно. Теперь мы решили наверстать потерянное. Разведчики выбрали кратчайшие и наиболее спокойные дороги к городу, и в первых числах апреля в Ровно ушли не только те, кто уже раньше там работал, но и еще человек десять, знавших этот город. Николай Струтинский не пошел в Ровно. Его, Жоржа и Ядзю мы отправили в Луцк с заданием организовать там группу разведчиков из людей, с которыми связала нас Марфа Ильинична.

Место нашего нового лагеря оказалось значительно удобнее прежнего. Расстояние до Ровно сократилось почти вполовину, и путь к нему был лучше. Раньше разведчикам приходилось по пути к Ровно переходить две реки, а здесь была лишь одна узкая речушка – приток Горыни. Речушку эту переходили по небольшим кладкам.

На полпути к Ровно мы вновь организовали «маяк». В отличие от прежних, он находился не на хуторе, а прямо в лесу, в полукилометре от дороги Ровно – Луцк. Поэтому и назвали его «зеленый маяк».

Апрель в Западной Украине – хороший месяц. Снега уже нет и в помине. Кое-где зеленеет трава; почки на деревьях набухли и готовы вот-вот распуститься. Но ночи были еще холодные и сырье, особенно в лесу, поэтому на «зеленом маяке» апрель был неласковым. Разведчики по ночам мерзли – им приходилось спать на сырой земле; согреться негде: костры разводить они не могли, чтобы не обнаружить себя.

Помимо «зеленого маяка», каждому разведчику, уходившему в Ровно, указывалось отдельное место для «зеленой почты». В разных сторонах неподалеку от «маяка» подыскивались подходящие места в лесу – либо дерево с дуплом, либо пень или большой булыжник. В этих местах разведчик прятал свое донесение и тут же находил для себя почту из лагеря.

Места «зеленых почт» сохранялись в тайне – это были наши центральные узлы связи. Хождение на «маяк», дежурство там, сбор писем и разноска их по «зеленым почтам» поручались самым опытным и осторожным разведчикам. Их возглавлял Валя Семенов.

В это время наравне со взрослыми стал работать Коля Маленький. Мы его назначили курьером связи при Николае Ивановиче Кузнецова.

Когда к нам прилетела Марина Ких, Коля как-то сразу привязался к ней. Марина, видно, тоже полюбила мальчика и взяла над ним шефство: стирала и штопала его одежду, подолгу бывала с ним, рассказывала ему о Москве, о метро, о школе.

Когда Колю Маленького назначили курьером, Марина сшила для него специальные костюмы. Один крестьянский: рубашка и длинные штанишки из домотканного крестьянского полотна; к этому костюму наш мастер по лаптям Королев сплел маленькие лапотки. Другой костюм для Коли Марина сшила городской: рубашка с отложным воротничком, короткие штанишки и к ним ботинки.

В лесу около Ровно Коля переодевался. Если идет в Ровно, надевает свой городской костюм, а деревенский прячет в облюбованном месте. Если идет на «зеленый маяк», надевает лапотки и длинные штанишки.

Валя Семенов с нетерпением ждал Колю, когда тот впервые отправился с «маяка» в Ровно. Коля благополучно вернулся и принес пакет от Кузнецова.

– Ну, рассказывай, как сходил? Останавливали где-нибудь?

– Останавливали. Так я же им говорил, как учили: отца, мать убили, сам собираю милостыню. Только в один приличный день...

– Это когда было? – улыбаясь, спрашивает Семенов.

Коля очень любил говорить «приличный день». Рассказывая о чем-либо, случись оно давно или только вчера, Коля всегда говорил, как сейчас: «в один приличный день».

– Вчера утром, когда я от вас ушел. Остановили меня в деревне три полицая и спрашивали: «Куда идешь?» Я сразу стал плакать: «Дяденьки, миленькие, к мамке иду, она в госпитале». Ну, ничего, отпустили. Я хоть и заплакал, только по правде ничуть не испугался.

И еще один помощник появился у Кузнецова в Ровно. Это была Валя Довгер.

В начале марта мы потеряли отца Вали, Константина Ефимовича Довгера. По нашему заданию он вместе с другим местным жителем Петровским, шел на станцию Сарны. В дороге их схватили бандиты и жестоко избили, требуя сведений о партизанах.

Ничего не добившись, предатели скрутили нашим товарищам руки колючей проволокой и

повели к реке. Река в те дни еще была покрыта толстым слоем льда. Довгера и Петровского подвели к проруби и живыми стали топить. «Лучше умереть от пули!» крикнул Петровский и бросился бежать. Бандиты стреляли, но ночь была темная, и ему удалось добраться до лагеря.

От него мы и узнали, как погиб Константин Ефимович.

С трудом разыскали мы тело замученного товарища и похоронили его с партизанскими почестями.

После похорон отца Валя пришла к нам в отряд.

— Мы с мамой заменим папу, — сказала она.

Я познакомил Валю с Кузнецовым. После первого же разговора с ней Николай Иванович сказал мне, что Валя во многом может помочь ему, если будет жить в Ровно. Так мы и поступили. Валя отправилась в Ровно и стала подыскивать для себя квартиру. В апреле она там устроилась и сумела даже оформить прописку, что по тем временам было делом нелегким. Разрешение на постоянное жительство в Ровно давало только гестапо. Через свою подругу Валя познакомилась с сотрудником гестапо Лео Метко, который работал личным переводчиком полицеистера Украины. Лео Метко не только поверил Вале, что отец ее работал с немцами и за это был убит советскими партизанами, но и помог ей достать бумажку, удостоверяющую правдоподобность ее рассказа. С его помощью Валя получила и прописку и работу — продавщицей в магазине.

Теперь у Вали была удобная комната с отдельным ходом, и она смогла взять к себе и мать, и младших сестер.

Когда все было устроено, она познакомила Метко со своим «женихом» — немецким офицером Паулем Зибертом. Так под видом немецкого офицера Николай Иванович стал входить в круг новых знакомств. С помощью Метко он познакомился еще с несколькими сотрудниками рейхскомиссариата и гестапо.

Обер-лейтенант Зиберт всем очень нравился. Веселый, остроумный, щедрый, он не жалел немецких марок на угощение друзей; этих марок у нас было много, целыми транспортами забирали их у немцев. Друзья уже знали, что Пауль — сын помещика из Восточной Пруссии, и после войны собирались посетить его большое и богатое имение.

Кузнецову удалось познакомиться с местным жителем, поляком по национальности, Яном Каминским. Каминский был членом польской подпольной организации и рвался к активному делу. Он охотно согласился работать с Кузнецовым и скрепил свое слово письменной клятвой.

Изо дня в день мы стали получать от Кузнецова сообщения одно интереснее другого. Мы узнавали о различных мероприятиях гитлеровцев на Украине и о планах немецкого командования. Николай Иванович сообщил нам фамилии и адреса советских людей, готовых бороться с гитлеровцами. Ему удалось выяснить фамилии и приметы тайных агентов, которых гестапо забрасывало в советский тыл с заданиями диверсионного и террористического порядка.

Однажды в ресторане Пауль Зиберт познакомился с обер-ефрейтором немецкой армии Шмидтом, который занимался дрессировкой собак для личной охраны рейхскомиссара Коха. Ярко-рыжий, веснушчатый Шмидт был весьма польщен знакомством с блестящим офицером Зибертом.

— Очень, очень приятно! — говорил он, крепко пожимая руку Кузнецову.

— Я тоже рад с вами познакомиться. Я очень люблю собак и интересуюсь их дрессировкой. В имении моего отца целая пса́рня... Будет время, заходите в гости, господин Шмидт.

И Кузнецов дал ему адрес своей «официальной» квартиры.

Шмидт не заставил себя ждать. В назначенное время он пришел к обер-лейтенанту Паулю Зиберту с немецкой овчаркой, которую дрессировал для Коха.

— Это восьмая. Я уже сдал господину гауляйтеру семь овчарок. Но эта лучшая из всех. Она сразу чувствует не арийца; партизана узнает за километр. Я ее отобрал из пса́рни СС.

— Что вы говорите! Какая умница! — восхищался Кузнецов, бросая собаке кусок колбасы.

— Феноменальная собака! — восхищенно болтал Шмидт, с любовью глядя на свою воспитанницу, которая облизывалась, дружески виляла хвостом и с благодарностью смотрела на Кузнецова.

За короткое время ефрейтор Шмидт оказался полностью под влиянием Кузнецова.

Зиберт дал Шмидту «взаймы» денег, Зиберт угождал в ресторане, Зиберт охотно выслушивал жалобы Шмидта и сочувствовал ему.

— Другие наживут за войну столько, что будут всю жизнь жить припеваючи, — скулил Шмидт. — А я как ничего не имел, так пустым и вернусь домой после войны.

— Дорогой мой, — утешал его лейтенант, — после войны я вас устрою управляющим в имении отца. Вы будете прекрасно жить. Я теперь же напишу домой о вас.

Со своей стороны и Зиберт оказывал полное доверие Шмидту. Он познакомил его со своей «невестой» — Валей Довгер.

— Хорошая девушка, — сказал доверительно Зиберт, — но ей не везет в жизни. Отца убили русские партизаны, и документы о ее немецком происхождении попали в руки бандитов. Теперь она никак не может оформиться.

— Ну, боже мой, что вы говорите!.. У меня есть знакомые, через которых я помогу фрейлейн Валентине оформиться.

— Буду вам очень-очень признателен, Шмидт, — с искренней радостью говорил ему Кузнецов. — Если потребуются расходы, не скупитесь. Пожалуйста! — И он вручил Шмидту пятьсот марок.

Через несколько дней Валя получила документ о принадлежности ее к «фольксдейств» и карточки на соответствующий паек.

Кажется, все было устроено, но вдруг Валю вызвали в полицию и объявили, что она должна ехать в Германию. Конечно, мы не допустили бы ее отъезда, в любую минуту взяли бы ее в отряд, но это расстраивало наши планы. Надо было добиться законного права проживания ее в городе. За это дело опять взялся Шмидт.

— Столь сложный вопрос может разрешить только сам рейхскомиссар господин Кох, — объяснил Шмидт. — Сейчас он находится в Берлине, но в начале мая прибудет в Ровно. Вы, фрейлейн Валентина, напишите заявление, а я передам бумагу адъютанту рейхскомиссара капитану Бабаху. Он доложит гауляйтеру.

Заявление было написано, и Шмидт взял его с собой, получив при этом от Кузнецова тысячу марок «на расходы».

– До разрешения этого вопроса вас никто не тронет, фрейлейн, – обещал Шмидт взволнованной Вале.

Когда он ушел, Николай Иванович облегченно вздохнул:

- Ну, это дело устроится, А другое требует спешного разрешения. Коля Маленький пришел?
- Да, наверное, уже сидит во дворе.
- Зови его.

Коля уже был около дома и пережидал Шмидта.

- Ну как, все благополучно? – спросил Кузнецов, обняв Колю.
- Прошел хорошо, – солидно ответил Коля.
- Что ж, отдохни, покушай, и опять придется бежать на «маяк».

Хотя Коля был выносливым и подвижным, хождение на «маяк» его утомляло. От Ровно до «маяка» было двадцать пять километров. Туда и обратно в один день – пятьдесят. Такие концы не шутка.

Пока Коля отдыхал, Кузнецов написал донесение в лагерь. Через час Валя разбудила Колю. Усталость валила его с ног, но, чувствуя ответственность, Коля сразу встал, поправил костюм.

- Будь осторожен. Доверяю тебе важный пакет. Скажешь на «маяке», чтобы срочно отправили командиру. Сам дождешься ответа и быстро доставишь мне.

Коля взял пакет, спрятал его в потайной карман, простился и ушел.

- Господи, – сказала Валя, глядя ему вслед, – ведь совсем ребенок еще! Ему бы дома с мамкой жить.
- Да, Коля маленький, а ведь какие большие дела делает, – задумчиво ответил Николай Иванович.

На этот раз путь мальчика на «маяк» прошел не гладко. Километрах в пяти от Ровно он вдруг услышал окрик «Хальт!» и, оглянувшись, увидел позади себя двух гитлеровцев. По дороге он их не видел; очевидно, они сидели где-то в засаде, в стороне. Коля мгновенно сообразил, что делать. Он бросился к лесу. Немцы открыли стрельбу, пули засвистели, но мальчик продолжал бежать, пока не скрылся в спасительном лесу.

Пакет от Николая Ивановича был доставлен на «маяк» и оттуда мне.

ХОЗЯЕВА МНИМЫЕ И ХОЗЯЕВА НАСТОЯЩИЕ

Донесение, которое нес Коля Маленький, было весьма интересным. Кузнецов сообщал, что в Ровно идет подготовка к празднованию дня рождения Гитлера. 20 апреля в честь фюрера гитлеровцы устраивают парад.

«Прошу разрешить „командование“ этим парадом», – писал Кузнецов.

Несколько позже такие же донесения я получил и от других ровенских разведчиков.

«Разрешите на площади совершить акт возмездия над главарями оккупантов», – запрашивал меня Шевчук.

Всем был дан одинаковый ответ:

«Категорически запрещаю. Этим мы можем сорвать всю работу по разведке. Придет время, и мы рассчитаемся с палачами. Разрешаю быть на параде в толпе. В случае, если кто-либо, помимо вас, будет действовать, поддержите оружием».

Подготовка к гитлеровскому празднику проводилась очень своеобразно. Эсэсовцы и фельджандармы разъезжали по селам и отбирали у крестьян продукты и вещи.

Награбленное добро сдавалось в специальные конторы фирмы «Пакетаукцион». Всей этой «заготовкой» ведал заместитель Коха – генерал Кнут.

В конторах «Пакетаукциона» из награбленных вещей и продуктов делались «подарки от фюрера», по десять-пятнадцать килограммов каждый. Подарки эти, прочно и красиво упакованные, раздавались немцам в самом Ровно, посыпались на фронт и в Германию.

Наши партизаны и в особенности местные жители Ровенской области знали цену этим «подаркам от фюрера». Они знали, как добывались эти «подарки», знали, сколько слез и крови стоили они нашим людям.

В середине апреля прибыл вызванный мною Стехов с сотней партизан и рассказал, как в Сарненском районе немцы делали заготовки для «подарков».

Наши сведения о карателях, которые мы получили когда-то в пути, были верны. 30 марта каратели, как саранча, налетели на деревни и хутора нашего партизанского края и в первую очередь на Рудню-Бобровскую. Партизан каратели, конечно, не нашли. Стехов успел увести отряд. Больше половины жителей тоже скрылись в лесах. Но всех, кто остался в деревнях, постигла тяжелая участь. Гитлеровцы заходили в села, забирали скот и всякое добро, а потом поджигали дома. Стариков, детей и больных расстреливали, а молодых гнали на сборные пункты для отправки в Германию.

В районах, где мы теперь находились, проделывалось то же самое. По всем дорогам «победители» конвоировали угнанных в рабство жителей, обозы с награбленным крестьянским добром и продуктами.

20 апреля, как и было назначено, состоялся парад. Центральная площадь в Ровно была оцеплена. На ней выстроились все части немецкого гарнизона: каратели, войска, несшие охрану штабов, подразделения эсэсовцев и фельджандармов, отряды полиции.

У трибуны на специально отведенных местах расположились «почетные гости»: чиновники рейхскомиссариата, военная и гражданская знать. Среди гостей под руку с молоденькой девушкой стоял лейтенант Пауль Зиберт.

Над трибуной огромный портрет Гитлера. Рачьи глаза, фатовские усы и чуб, спускающийся на низкий лоб, не вяжутся с его наполеоновской позой.

В назначенный час к площади на комфортабельных машинах подъехали высшие представители власти и командования. На трибуну поднялся первый заместитель Эриха Коха – правительственный президент Пауль Даргель. Высокий, худой, он шел, не глядя по сторонам, полный собственного величия. Следом за ним появился второй заместитель Коха, глава «Пакетаукциона» – Кнут. Он с трудом нес свой огромный живот. Шеи на его фигуре совсем не было: между головой и туловищем все заплыло жиром. Пыхтя и сопя, Кнут

взобрался на трибуну. Потом поднялись главный судья на Украине доктор Функ, командующий особыми, то есть карательными, войсками генерал фон-Ильген и еще несколько высокопоставленных персон.

Несмотря на оцепление и строжайшую охрану, некоторым нашим боевикам, в том числе Гнедюку и Шевчуку, удалось пробраться на площадь. Каждый из них имел при себе по паре пистолетов и по две-три противотанковые гранаты.

С речью выступал Даргель. Он говорил о «заслугах Гитлера», о «непобедимой немецкой армии», о том, что «немецкие власти обязаны здесь, в тылу, организовать все, в чем нуждается армия».

На площади украинского города Даргель нагло заявил:

– Пусть побежденные мрут с голода. Германскую нацию это нисколько не беспокоит. У Германии свои великие идеи и цели. И мы их добьемся любой ценой. Прочь жалость! Жалость – это позор для сильных! Я призываю к беспощадности!

Наши партизаны молча слушали бредовую речь правительенного президента. Хотелось в один миг покончить с фашистской гадиной, но приказ был приказом, и они дали возможность гитлеровцам до конца довести свой парад.

Уходя с площади, Кузнецов громко на немецком языке говорил своей девушке:

– У вас очаровательные маленькие ножки. Немецкий офицер умеет ценить красоту. Разрешите, я вас провожу домой.

Девушка восхищенными глазами смотрела на бравого офицера немецкой армии.

Но когда они выбрались из толпы, Валя тихо сказала Кузнецovу:

– Напрасно командир запретил. До чего ж тошно было все это видеть и слышать!
– Ты, Валя, неправа. Нельзя рисковать всей работой. Не горой! Живыми отсюда они не уйдут. Не они здесь хозяева! – И, мельком посмотрев на другую сторону улицы, Николай Иванович сказал: – Обрати внимание на человека в потертом пиджаке и кепке, который идет по левой стороне. Это один из настоящих хозяев города.

Мы уже давно догадывались, что в Ровно есть своя подпольная организация. Нетрудно было понять, что пожары на предприятиях, убийства немецких офицеров – дело рук подпольщиков. Но найти организацию мы долго не могли. Наконец, по тоненькой ниточке сведений и намеков, наша разведка дошла до директора войлочной фабрики большевика Терентия Федоровича Новака. Он и оказался руководителем подпольной организации в Ровно.

Вскоре после парада Новак побывал в нашем лагере, и мы установили с ним полный контакт в работе.

Эта организация провела в Ровно очень большую работу, но я расскажу, да и то вкратце, лишь о том, что сделано нашим отрядом совместно с подпольщиками Новака.

Мы начали с того, что регулярно снабжали городскую подпольную организацию сводками Совинформбюро. Там их размножали и распространяли среди населения. Время от времени мы пересыпали Терентию Федоровичу Новаку «Правду», «Красную звезду» и другие газеты, которые нам сбрасывались с самолетов.

Кузнецов, Шевчук, Гнедюк и Николай Струтинский, так же как и другие наши разведчики, не могли в городе вести агитацию или распространять листовки. Зато организация Новака,

пользуясь передаваемым нами материалом, широко развернула политическую работу среди населения.

Диверсионные ячейки организации Новака вместе с нами совершили два крупных подрывных акта.

В Ровно на полную мощность работал завод чурок, владельцем которого был приехавший из Германии немец Тангольц. Чурки из дерева шли для газогенераторных автомашин немецкой армии. Завод этот был единственным на всей оккупированной Украине. По совместно разработанному плану, завод чурок был сожжен дотла.

Второй диверсией был взрыв на перроне ровенского вокзала. Гитлеровцы разгрузили там несколько вагонов двухведерных бутылей с азотной кислотой. Подпольщики Новака заложили среди бутылей полученные из отряда две мины замедленного действия. После первого взрыва кислота из разбитых бутылей потекла по деревянному настилу перрона, и он загорелся. Загорелись также плетеные корзины, в которых стояли бутыли. Немцы бросились тушить пожар, но в это время взорвалась вторая мина и одна за другой начали рваться бутыли. Брызги кислоты и летевшие во все стороны осколки не давали возможности приблизиться к месту пожара. Спустя несколько минут пламя охватило весь перрон. Ликвидировать огонь уже нельзя было, и в течение нескольких часов немецкие полицейские и вызванные воинские части были безучастными зрителями пожара.

Наш отряд получал от организации Новака большую помощь. Особенно благодарны мы были за медикаменты, перевязочные материалы и хирургические инструменты. Во всех медицинских и санитарных учреждениях Ровно работали русские врачи – военнопленные или не успевшие эвакуироваться. Люди из подпольной организации связывались с ними, доставляли нам медикаменты и медицинское оборудование по спискам Цессарского.

Узнав о нашем партизанском отряде, врачи просили и их взять в лагерь. В то время мы остро нуждались в медицинском персонале. Схватки с немцами и бандитами-предателями участились; количество раненых увеличилось. Подпольщики стали договариваться с врачами и фельдшерами и посыпать их к нам. Приезжали они обычно в лес не с пустыми руками, а с ценнейшим грузом: вывозили из больниц и госпиталей целые подводы с медицинским оборудованием.

Скоро в нашем лагере собралось тринадцать врачей по различным специальностям и до двадцати фельдшеров. Прибыл к нам и зубной врач, притащив с собой целый зубоврачебный кабинет, вплоть до бормашины, которая приводилась в движение ногами.

Так во главе с нашим молодым партизанским врачом Цессарским образовался у нас солидный госпиталь. В нем были хирургическое и терапевтическое отделения и зубоврачебный кабинет.

НА ПРИЕМЕ У КОХА

Майским утром обер-ефрейтор Шмидт зашел к Вале и торжественно сообщил: в четыре часа дня ее вызывает рейхскомиссар Украины Эрих Кох.

– Адъютант Бабах передал, чтобы вместе с вами явился и обер-лейтенант Зиберт. Возможно, господин гауляйтер захочет лично убедиться, что за вас ходатайствует немецкий офицер.

Откланявшись, Шмидт ушел. Валя тут же побежала к Николаю Ивановичу.

- Что же теперь делать? А вдруг ловушка?
- Отступать поздно. Я, конечно, поеду... Я никак не предполагал, что вызовут и меня, иначе я бы запросил командира.
- А без его разрешения нельзя? – И Валя многозначительно посмотрела на Кузнецова.
- Решу все на месте, – ответил ей Николай Иванович.

Около четырех часов дня по центральной улице Ровно, названной немцами Фридрихштрассе, ехали в экипаже Валя Довгер, Пауль Зиберт и Шмидт. У ног Шмидта мирно сидела овчарка, та самая овчарка, которая «чуяла партизан за километр».

Николай Иванович был одет в блестящий парадный мундир. На кителе были наколоты и нашиты все заслуги и отличия: значок члена гитлеровской партии, ленты, которые указывали, что Зиберт дважды ранен в боях, и два ордена железного креста. Парадные сапоги начищены до блеска. На новеньком поясе, с левой стороны, пистолет в кобуре. В кармане – второй пистолет на боевом взводе. Валя была в темном платье с краповой нашивкой на рукаве – знак траура по убитому отце. Еще раньше мы снабдили ее справкой от имени фельджандармерии, что «ее отец погиб от рук партизан».

На козлах, натягивая вожжи, сидел кучер. Это был Гнедюк. В кармане у кучера – пистолет, под сиденьем – несколько противотанковых гранат.

Дома вдоль улицы, по которой ехал экипаж, были сплошь заняты немецкими учреждениями и заселены немецкими чиновниками. В конце ее помещался рейхскомиссариат – управление наместника. Рядом с рейхскомиссариатом, в тупике за высоким забором с колючей проволокой, находился особняк – дворец Коха.

Экипаж остановился у дворца.

Вдоль забора прохаживались автоматчики-эсэсовцы.

Шмидт, торопясь, вышел из экипажа и подошел к караульному помещению.

- Пропуска для господина обер-лейтенанта Пауля Зибера и фрейлейн Валентины Довгер готовы? – спросил он через окошко у дежурного по охране.
- Так точно, – ответили ему.

Зная лично Шмидта, дежурный подал Кузнецова и Вале пропуска, даже не спросив документов.

Эсэсовец откозырял и пропустил всех троих за ворота.

Дворец Коха находился в огромном саду. Залитые солнцем дубы, липы, клены бросали тень на асфальтированную дорожку. Кусты сирени наполняли ароматом воздух. Садовники возились над цветочными клумбами и у плодовых деревьев.

Помимо большого особняка, на территории дворца было выстроено еще несколько домиков – здесь размещалась охрана и прислуга Коха. Все это и много других мелочей успел заметить опытный глаз Кузнецова.

- Прошу вас пройти прямо к адъютанту, а я пойду сдавать собаку, – сказал Шмидт, указав Зибера на парадное крыльцо.
- Ты будешь стрелять? – задыхаясь от волнения, спросила Валя.

– Если буду уверен, что убью, – ответил Кузнецов.

Адъютант Бабах любезно встретил посетителей и проводил их на второй этаж, в приемную Коха.

– Садитесь, пожалуйста. Гауляйтер сегодня в хорошем расположении духа, – улыбаясь, предупредил он. – Сейчас доложу о вашем приходе.

И Бабах скрылся за тяжелой дверью.

В приемной в ожидании вызова молча сидели несколько офицеров. Среди них два генерала в полной форме. Не успели Валя и Кузнецов осмотреться, как адъютант вернулся.

– Прошу в кабинет рейхскомиссара, – обратился он к Вале. – А вас, герр обер-лейтенант, попрошу подождать.

У Вали кругом пошла голова. Не выдаст ли она себя? Позовут ли потом Кузнецова? Будет ли он стрелять в Коха? У двери она обернулась и посмотрела на Николая Ивановича. Тот, сидя в мягким кресле, как ни в чем не бывало вполголоса о чем-то говорил с соседом – капитаном.

Адъютант открыл дверь кабинета, пропустил Валю, закрыл дверь и сам остался в приемной.

Валя сделала лишь шаг вперед, как к ней в два прыжка подскочила огромная овчарка. Валя вздрогнула от испуга.

– На место! – раздался громкий окрик на немецком языке.

Собака отошла прочь. Тот же голос предложил Вале:

– Прошу садиться.

Испуганными глазами посмотрела Валя на говорившего. За столом она увидела большого, полного человека с усиками «под Гитлера», с длинными рыжими ресницами и догадалась, что это и есть Кох.

Стол Коха был поставлен в кабинете углом, вплотную к нему примыкал перпендикулярно другой, длинный стол. За этот стол и пригласили ее сесть. Между ней и Кохом с двух сторон сидели охранники, у окна поодаль – еще один. У ног Коха лежала овчарка.

«Боже, какая охрана!» – успела подумать Валя, но тут же услышала вопрос.

– Почему вы не хотите поехать в Германию? – спрашивал Кох, глядя не на Валю, а на лежавшее перед ним заявление. – Вы девушка немецкой крови и были бы очень полезны в фатерланд. Чтобы победить большевиков, надо работать всем.

При последних словах Кох вскинул глаза на девушку и во время всего дальнейшего разговора уже смотрел на нее в упор.

– Моя мама серьезно больна, а сестры малы, – пересиливая волнение, стала объяснять Валя. – После гибели моего любимого отца я должна зарабатывать для всей семьи. Прошу вас разрешить мне остаться в Ровно. Я знаю немецкий язык, русский, украинский, могу и здесь принести пользу Германии.

– А где вы познакомились с господином Зибертом?

– Познакомились случайно, в поезде. Потом он часто заезжал к нам по дороге с фронта. Мы с ним помолвлены, – добавила Валя смущенно.

Кох несколько минут беседовал с Валей. Он поинтересовался, с кем еще из немецких офицеров она знакома. Когда Валя назвала в числе своих знакомых не только сотрудников рейхскомиссариата, но и гестапо, Кох, видимо, был удовлетворен.

– Хорошо, идите, – сказал Кох и, обратившись к охраннику, резким голосом приказал позвать обер-лейтенанта Зиберта.

Ни одним словом Валя не могла перемолвиться с Кузнецовым. Они только посмотрели друг на друга: Валя – испуганно и вопросительно, Кузнецов – ободряюще.

– Хайль Гитлер! – переступив порог кабинета и выбрасывая руку вперед, провозгласил Пауль Зиберт.

– Хайль! – ответили за столом.

Овчарка зарычала, но Зиберт и бровью не повел.

Кох жестом показал вошедшему кресло, где перед этим сидела Валя.

– Где вас наградили крестами? – спросил Кох.

– Первым – во Франции, вторым – на ост-фронт, герр гауляйтер, – ответил Кузнецов.

– Что вы делаете сейчас?

– После ранения работаю по снабжению своего участка фронта.

– Какого?

– Курского.

Зиберт полез в нагрудный карман за документом, хотел показать его Коху. Но при этом,казалось бы безобидном, движении гестаповцы насторожились. Собака оказалась у ног Кузнецова.

– Не беспокойтесь. Вы ведь показывали документы моему адъютанту?

– Да, конечно.

– Откуда вы родом?

– Из Восточной Пруссии. В сорока километрах от Кенигсберга у моего отца имение.

– Значит, вы мой земляк.

– Так точно, герр гауляйтер.

– Каково настроение в армии?

– О, все полны решимости!

– Скажите, многих испугали последние события?

– Вы имеете в виду Сталинград? Он укрепил наш дух.

– Да, да. Возвращайтесь к себе в часть. Имейте в виду: фюрер именно на вашем курском участке готовит хороший сюрприз русским, – многозначительно сказал Кох.

– Я не сомневаюсь, герр гауляйтер.

После минутного молчания Кох сказал;

– Я удивлен, что вы, заслуженный офицер германской армии, человек арийской крови, да еще родом из Пруссии, ходатайствуете за какую-то польку.

Все это Кох проговорил с брезгливой миной.

– Гэрр гауляйтэр! Фрейлейн немецкой крови. Я сам видел документы ее отца, которого зверски убили бандиты, – оправдывался Зиберт.

– Если каждый германский офицер будет ходатайствовать за женщин из покоренных нами народов, то некому будет работать в нашей промышленности. Ведь вам известно, что мы все бросили на фронт и что у нас не хватает рабочих рук. Вы член национал-социалистской партии и не должны связывать себя с фольксдемократами. Эти люди нужны нам только для того, чтобы временно было на кого опираться в завоеванных государствах.

Будучи убежденным в «чистокровности» Пауля Зибера и преданности его «фюреру», Кох уже без остановки начал его поучать:

– Ни русские, ни украинцы, ни поляки, по сути дела, нам не нужны. Нам нужны плодородные земли. Здесь отныне и навсегда будут немцы. – Голос его брал все более и более высокие ноты. – Местное население мы должны обезвредить...

В продолжение всей беседы, длившейся около сорока минут, Кузнецов чувствовал в правом кармане брюк взвешенный «валтер». Каждую секунду он готов был выхватить револьвер и всадить всю обойму в ненавистную морду своего «земляка», который, захлебываясь от собственного красноречия, решал сейчас сложную проблему: как добиться уничтожения польского и украинского народов.

Но охранники не сводили с Кузнецова глаз, настораживаясь при малейшем его движении. Уперлась в него глазами и овчарка. Видимо, она прошла специальную дрессировку для наблюдения за посетителями.

«И руки не дадут поднять, – думал Кузнецов. – Не допустят выстрела...»

Удовлетворенный своей программной речью, Кох вновь обратился к Кузнецову с вопросом:

– Что вы думаете делать после войны?

– Я хочу остаться в России.

– Вам нравится эта страна?

– Мой долг работать в этой стране так, чтоб она нравилась фюреру.

– Ответ, достойный немецкого офицера. Хорошо, я разрешу оставить здесь вашу возлюбленную. Надо иногда и побежденным оказывать милость. Но вы и не думайте вступать с нею в брак, – закончил Кох и сделал надпись на заявлении Вали.

А Валя в это время, казавшееся ей бесконечным, сидела в приемной, настороженно всматриваясь в тяжелую дверь. «Вот сейчас раздастся выстрел... Вот сейчас...» – думала она. Но говорить приходилось о другом. Рядом сидевший немецкий офицер приставал с игристыми разговорами.

– Да, конечно, есть и подруги хорошенъкие, – как в бреду, отвечала Валя. – Могу познакомить...

Но вот из кабинета Коха, улыбаясь, спокойно вышел Кузнецов. В руках он держал заявление Вали.

— Что вам написал герр гауляйттер? — громко спросил Бабах и, взяв у Кузнецова заявление, прочитал вслух: — «Оставить в Ровно. Предоставить работу в рейхскомиссариате». О, поздравляю вас, фрейлейн, поздравляю вас, герр обер-лейтенант!

Все сидевшие в приемной стали поздравлять Зиберта и Валю и пожимать им руки, а Бабах, в знак особенного расположения, предложил Кузнецову несколько пачек отличных сигарет.

Валя взяла Зибера под руку. Они вышли.

На квартире она спросила Кузнецова:

— Не решился?

— Это было бы безумием. Три охранника да еще за драпировкой — ты, вероятно, не заметила — стоял кто-то. Проклятая собака у ног. Да если бы я только шевельнулся, меня бы схватили... Лишь бы Кох не уехал из Ровно! Его участь решена, он будет уничтожен, но уничтожен без риска для отряда, для тебя, для меня самого. Я теперь «проверенный». Ведь подумать только: уроженец Восточной Пруссии, рейхскомиссар Украины Кох не догадался, что разговаривает с советским партизаном, который и в Германии-то никогда не был! Но все же наша встреча прошла не без пользы. Ведь Кох прямо сказал, что Гитлер готовит наступление на курском участке, а Кох только что из Берлина. Значит, сведения самые свежие. Надо скорее сообщить об этом!

«АГЕНТЫ» И «СПЕКУЛЯНТЫ»

Агент уголовной полиции, по фамилии Марчук, приметил в комиссии одного спекулянта, который часто там появлялся и скупал всякие вещи. Как-то Марчук подглядел, что спекулянт купил разрозненные хирургические инструменты и хороший костюм, но явно не своего размера. Он даже и не пробовал примерять его. Марчук рассказал о спекулянте своему дружку из уголовной полиции, и они решили поживиться: задержать подозрительного спекулянта, содрать с него взятку, а будет упрямиться, забрать в полицию.

Агенты выждали в магазине спекулянта и как будто невзначай заговорили с ним. Тот немного растерялся, но разговор был затеян безобидный, и спекулянт в конце концов охотно разговорился.

Их беседа закончилась в ресторанчике, куда Марчук предложил зайти и выпить для знакомства.

В ресторане агенты заказали дорогое вино и обильную закуску с явным намеком, что спекулянт расплатится. Тот не возражал.

В разгар пиршества агент уголовной полиции Марчук заявил спекулянту:

— Так что спекулировать надо умеючи, а ты, дружок, и не заметил, как влип к нам в руки.

И он предъявил своему новому знакомому документ уголовной полиции, намекнув при этом, что, если тот поделится прибылью, они, пожалуй, его отпустят. Но пойманый спекулянт продолжал есть, никак не реагируя на угрозы. Наконец, закончив еду, он спокойно встал к тоном начальника сказал агентам:

– Расплатитесь!

– Как так? Ты кто такой?

Тогда спекулянт молча достал из кармана книжечку и предъявил ее оторопевшим агентам. В документе значилось, что «предъявитель сего» Владислав Антонович Янкевич является сотрудником ровенского гестапо.

С этой минуты за ресторанным столом все изменилось. Агенты не только расплатились по счету, но и стали угодливо извиняться: агенты уголовной полиции страшно боялись сотрудников гестапо.

Выйдя из ресторана, они усадили Янкевича в экипаж и вежливо доставили его на квартиру.

Янкевич оказался не злопамятным человеком: он даже пообещал Марчуку побывать у него в гостях.

Эту историю рассказал мне наш партизан Михаил Макарович Шевчук, когда «по служебным делам» отлучился из Ровно и прибыл в лагерь. Он-то и являлся сотрудником гестапо Янкевичем.

Уроженец Западной Украины, Михаил Макарович был старым подпольщиком. В панской Польше он просидел пять лет в тюрьме за революционную работу. Освободила его Красная Армия в 1939 году. Шевчуку было уже больше сорока лет, когда он вступил в партизанский отряд.

В Ровно Шевчук быстро применился к обстановке. Как многие немцы, он носил темные очки, ходил по улицам с букетом цветов и занимался мелкой спекуляцией. Спекуляция эта была только для видимости. Большую часть купленных вещей Шевчук направлял в отряд. Удостоверение о том, что он сотрудник гестапо, смастерили мы сами.

После истории в ресторане пополз слух, что Янкевич – сотрудник гестапо. Управдом того дома, где он жил, стал сообщать ему о всех «подозрительных», а Шевчуку тем временем удалось обзавестись не одной, а несколькими надежными квартирами, хозяева которых, наши люди, выполняли поручения по разведке.

Был у нас в Ровно и другой «спекулянт» – красивый, стройный, как его звали украинки: «гарны очи», Коля Гнедюк. В Ровно он жил по документам на имя поляка Бачинского.

Для отвода глаз Гнедюк тоже занимался спекуляцией: покупал дешево, продавал дороже, а иногда и дешевле. К нему, так же как и к Шевчуку, приставали агенты уголовной полиции, но он быстро за взятки поладил с ними.

Коля Гнедюк тоже организовал подпольную группу и имел несколько явочных квартир.

С некоторых пор в Ровно возвратился и Николай Струтинский. В Луцке, куда мы его направляли, он создал несколько разведывательных групп, наладил работу. Николай Струтинский предусмотрительно запасся там документом, удостоверяющим, что он является корреспондентом луцкой газеты «Украинский голос», издававшейся немцами.

Под свое наблюдение Николай взял ровенское гестапо и гебитскомиссариат. Он обзавелся помощниками из служащих этих учреждений. Вместе с ним работал и брат Жорж, который проживал в Ровно под именем Грегора Василевича.

Так, шаг за шагом, мы опутывали своей разведывательной сетью гитлеровские учреждения в Ровно.

Все наши разведчики почти безвыездно проживали в Ровно. В целях большей конспирации они действовали порознь. Каждый имел своего связного, через которого отправлял на «маяк» и в лагерь добытые сведения: Кузнецов – через Колю Маленьского, Гнедюк – через связных здолбуновской группы, Шевчук – через Мажуру, Струтинский – через Жоржа и Ядзю.

Разобщенность разведчиков диктовалась условиями конспирации, но время от времени наши люди связывались между собой, когда кому-нибудь требовалась помощь или нужно было согласовать действия.

Часто наши разведчики не знали, кто из отряда находится в Ровно. «Новички» не знали «стариков», «старики» не знали «новичков». Поэтому возникало много курьезов. Расскажу такой случай.

Николай Гнедюк бывал на квартире подпольщицы Лидии, которая активно нам помогала. Как-то случайно известный уже нам Лео Метко познакомил с ней обер-лейтенанта Зиберта. Зиберт стал захаживать к Лидии, надеясь на то, что она сможет стать его помощницей.

Случалось, что Зиберт появлялся на квартире Лидии, когда у нее был Николай Гнедюк, и ей приходилось укрывать партизана от «немецкого офицера».

- Слушайте, – сказала она как-то Гнедюку, – надо убрать этого проклятого Пауля. Чего он сюда ходит? Вообще ненавижу его! Охорашивается постоянно, как индюк. По-русски ни слова не говорит, а по-польски так коверкает слова – слушать тошно!
- Стоит ли, – ответил Гнедюк, не зная, о ком идет речь.
- Стоит. Видный фашист.

Когда опять пришел Зиберт, Лидия предложила Гнедюку посмотреть на Пауля. Из соседней комнаты через замочную скважину Гнедюк увидел... Кузнецова. Пришло раскрыть секрет. «Немецкий офицер», «проклятый Пауль» стал лучшим другом Лидии.

Или вот другой случай.

Однажды из Ровно пришли два наших разведчика. Они сообщили добытые сведения и рассказали, что нащупали одного украинца, сотрудника гестапо, который мешает им работать.

- Чем он вам мешает? – спросил Лукин.
- Он ходит к Ганне, у которой наша явочная квартира.
- Ну, а каков из себя? Что вы вообще о нем знаете?
- Да старый черт! Ходит в очках, появляется на нашей квартире... Да что там говорить, даже управдом знает, что он из гестапо. Пора расправиться с ним.
- Погодите, погодите! – заволновался Лукин. – А спекуляцией он занимается?
- А как же! Конечно.

Словом, выяснилось, что речь идет о Михаиле Макаровиче Шевчуке.

Через некоторое время Шевчук устроил «свадьбу» – «женился» на Ганне. На этой «свадьбе» было много приглашенных. Был и агент уголовной полиции Марчук. Теперь Шевчук стал постоянным жителем Ровно, семейным человеком.

Но не все в нашей работе проходило гладко.

Несколько раз по нашим заданиям ходил в Ровно разведчик Карапетян. В городе он обычно останавливался на явочной квартире, где жила жена лейтенанта Красной Армии с двумя детьми.

Однажды Карапетян пришел на эту квартиру пьяный. Там оказались двое незнакомых людей. Пьяному, как говорят, море по колено. Карапетян начал хвастать:

– Вы знаете, кто я? Небось, и не догадываетесь. Я опасный для немцев человек!

Хозяйка, став за спинами двух новых людей, стала делать Карапетяну предупредительные знаки: молчи, мол. Куда там!

– Я знаю, ты помалкивай! Вот… меня, брат, голыми руками не возьмешь. Вот, видали! – И он стал показывать револьвер и гранаты. – Что, испугались? Я вас не трону. А кого надо…

Незнакомцы послушали, послушали и, поспешно попрощавшись, ушли.

История эта имела печальные последствия.

Возвратившись в лагерь, Карапетян ничего не сказал о случившемся. Но Николай Струтинский, который пользовался этой же явочной квартирой, сообщил, что и хозяйку и ее детей гестапо арестовало.

Карапетян был допрошен в штабе отряда и во всем признался. Преступление это нельзя было простить. По решению командования отряда Карапетян был расстрелян.

А через несколько дней гестапо арестовало Жоржа Струтинского. Его выследили, когда он шел на явочную квартиру, проваленную Карапетяном.

Схватили Жоржа по дороге на «зеленый маяк». Ему удалось было вырваться. Отстреливаясь, он побежал, но был ранен и все-таки захвачен.

Мы не сомневались в стойкости Жоржа: он не выдаст. Но опасались, что гестапо выследило других наших людей.

Поэтому было решено на некоторое время отозвать разведчиков из Ровно. Кузнецов, Шевчук, Гнедюк и Николай Струтинский покинули город и пережидали на станции Здолбуново.

Как выяснилось потом, предосторожность эта была излишней: гестаповцы ничего не узнали о нашей работе в Ровно.

ВСТРЕЧИ С КОВПАКОМ

Еще в феврале 1943 года, когда наш отряд в полном составе находился в Сарненских лесах, мы часто получали сообщения от наших разведчиков из Ровно, Сарн, Клесова и Ракитного, а также от местных жителей, что где-то на севере от нас действует крупное партизанское соединение.

– Ковпак ведет тысяч сто партизан, – говорили местные люди.

«Фельджандармерия и каратели сильно обеспокоены каким-то крупным партизанским отрядом под командованием Ковпака. Немцы и немки с ужасом рассказывают, что Ковпак везде появляется неожиданно, истребляет немецкие гарнизоны, взрывает мосты и эшелоны. Боятся, чтобы он не пришел в Ровно», – писал мне из Ровно Кузнецов.

Что это за соединение и кто такой Ковпак, мы тогда еще не знали.

Вскоре разведчик Валя Семенов доложил мне, что в Князь-Село прибыли партизаны Ковпака и расквартировываются по соседним селам.

– Ты их видел?

– Самого Ковпака еще не видел, но к нам едут его представители.

И правда, через час я уже познакомился с представителем Ковпака. Я увидел человека среднего роста, коренастого, с большой бородой. Он слез с седла и представился;

– Вершигора, начальник разведки отряда Ковпака.

На петлицах его гимнастерки – три прямоугольника, означавших, что он подполковник. На левой стороне груди – новенький орден Красного Знамени.

Вершигора скромно отвечал на наши расспросы, зато очень подробно интересовался обстановкой: как расположены немецкие гарнизоны, много ли войск в Ровно и области, какие села контролируются партизанами.

– Сидор Артемович Ковпак и Семен Васильевич Руднев решили отпраздновать годовщину Красной Армии. Они просили меня передать вам приглашение прибыть к нам в Князь-Село на праздник, – сказал Петр Петрович Вершигора.

На рассвете 23 февраля я в сопровождении Пашуна и небольшой группы партизан выехал в Князь-Село.

Много раз за время партизанской жизни мне приходилось встречаться во вражеском тылу с партизанскими отрядами, разведчиками, с отдельными партизанами, и всегда эти встречи как-то особенно волновали. «Мы не одни здесь. Нас много. Мы везде», – думалось мне. Но встреча с Ковпаком и его людьми запала мне в душу на всю жизнь.

Когда мы проезжали через села Ленчин и Рудню-Ленчинскую, где расположились подразделения Ковпака, я забыл, что нахожусь во вражеском тылу. По улицам ходили бойцы, вооруженные автоматами и ручными пулеметами. На шапках ярко горели красные ленты и красноармейские звезды. Многие ковпаковцы были награждены, и новенькие ордена и медали поблескивали на их гимнастерках. Кое-где у хат стояли станковые пулеметы и даже орудия. Партизаны распевали песни и лихо здоровались.

Ковпак в моем представлении был человеком огромного роста, с громовым голосом. Каково же было мое изумление, когда я увидел перед собой худенького человека лет шестидесяти, с тихим голосом. На его груди сверкали Золотая Звезда и орден Ленина.

– Здравствуйте, товарищ Медведев! – сказал Сидор Артемович. – Многое я слышал о вас и в Брянских лесах, и здесь, на Украине. Добре работаете!

Ковпак стал забрасывать меня вопросами: давно ли мы в этих местах, как ведем работу, долго ли будем сидеть под Ровно. Я подробно рассказал Сидору Артемовичу обо всем.

– А сидеть будем здесь до тех пор, пока сюда придет Красная Армия.

В это время в комнату вошел высокий, красивый человек с орденами на гимнастерке. Лицо у него было очень утомленное.

– Знакомьтесь: это мой комиссар, – показывая на вошедшего, сказал Ковпак.

Мы тепло поздоровались. Семен Васильевич Руднев включился в разговор.

– Правда, что вы имеете в Ровно своих партизан? – спросил он.

Услышав подтверждение, Семен Васильевич еще больше оживился. Он расспрашивал меня о всех тонкостях дела: как мы добились этого, по каким документам наши люди туда ходят, как удалось установить связь с местной большевистской подпольной организацией, кто такой Новак, как мы совместно организуем операции.

– Вот и нам бы организовать такую работу, Сидор Артемович, – сказал Руднев, обращаясь к Ковпаку.

Сидор Артемович попросил меня снабдить начальника разведки подходящими документами и добавил:

– Хлопцы для города у нас найдутся, только вот немца у меня нет.

– Какого немца? – спросил Руднев.

– Да у них один партизан в Ровно под немца работает.

– Ишь ты!.. Повидать его можно?

– К сожалению, нет. Он сейчас в Ровно, – ответил я.

– А нельзя ли через вашего «немца» узнать в Ровно о результатах диверсий, которые мы провели в Ровенской области?

Я обещал, что поручу это Кузнецovу.

Близился вечер. В трех комнатах были накрыты праздничные столы. За ними уселись штабные работники, командиры батальонов и рот, всего человек семьдесят.

Первый тост за родную партию поднял Сидор Артемович Ковпак. За ним выступил Семен Васильевич Руднев. Нужно было видеть, с какой любовью и искренней преданностью слушали собравшиеся командира и комиссара!

Затем слово предоставили мне.

Я говорил о своем отряде, о том, какой переполох у гитлеровцев вызвало появление Ковпака и ковпаковцев; не случайно, видимо, каратели, заходя в села и хутора, прежде всего спрашивают: «Ковпака нет?» Рассказал, что немецкие «правители» и их жены в Ровно смертельно боятся, что Ковпак нападет на Ровно.

Праздник закончился танцами и плясками под аккомпанемент баяна.

На рассвете мы выехали к себе в лагерь.

А через три дня, когда соединение Ковпака уходило по своему знаменитому маршруту на Карпаты, мы передали комиссару Рудневу подробные сведения, которые его интересовали.

С тех пор прошло четыре месяца. Мы перебрались за это время дальше на запад, за реки Случь и Горынь, обосновались в Цуманских лесах.

Помню жаркий июньский день, когда у моей палатки появился встревоженный связной, посланный секретным постом, выдвинутым к одной из дорог в двух километрах от лагеря.

– Товарищ командир, вдоль дороги со стороны села Журавичи движется немецкая колонна.

Впереди – конные, за ними – солдаты на фурманках. Есть и пушки.

Не успел я разобраться в этом донесении, как одновременно, запыхавшись, подбежали двое: боец с одного из постов, охранявших лагерь, и партизан, пасший наш скот на лесной полянке близ лагеря. Оба подтвердили, что своими глазами видели немецких конников.

Сомнений быть не могло: гитлеровцы появились с трех сторон.

Стехову с поддежурным взводом я приказал выдвинуться в сторону противника и наладить там командный пункт. Сам остался на месте, чтобы подготовить остальных и держать связь с другими постами.

Не успел Сергей Трофимович отойти и двухсот метров, как длинная пулеметная очередь прорезала лесную тишину. За ней – плотный автоматный и винтовочный огонь.

Я решил, что стреляют наши, и, опасаясь, что они зря пожгут патроны, которых у нас так маловато, послал связного с приказом стрелять прицельно, беречь боеприпасы.

Связной мигом скрылся за деревьями.

В это время докладывают!

– Товарищ командир! С поста сообщают: немцы на дороге разворачивают пушки.

Приказываю Базанову:

– Взять тридцать пять автоматчиков, захватить пушки!

Базанов мигом скрылся в лесу.

Бой разгорается. Доносятся крики «ура».

«Неужели Стехов повел людей в атаку, не предупредив меня?» – подумал я. Но вернулся посланный мной связной и доложил:

– Ваше приказание передано. Товарищ Стехов сообщил, что стрельба идет со стороны гитлеровцев, а наши стреляют мало. Он удивляется, что со стороны противника беспрерывно слышится русское «ура».

– Передать Стехову: людей в атаку не пускать. Справа от него – пушки, туда выслан Базанов. Пусть с ним свяжется.

Все же обстановка боя была неясной. Почему со стороны противника кричат «ура»? Неужели немцы послали вперед предателей? Ни я, ни оставшийся – со мной Лукин ничего понять не могли.

Наконец все прояснилось.

Командиром поддежурного взвода, который пошел со Стеховым, был Борис Крутиков. Применяясь к местности, прячась за деревьями и пнями, наши товарищи близко подобрались к противнику. Вдруг совершенно отчетливо Крутиков услышал:

– Ты что же, Борис, в своих стреляешь?

Кричал ему женский голос со стороны наступавших.

Крутиков присмотрелся и чуть не обмер. В «противнице» он узнал свою соученицу, с которой когда-то в киевской школе сидел за одной партой. Они бросились друг другу в объятия.

А рядом события развертывались так.

Приблизившись к дороге, где противник готовил к бою артиллерию, Базанов, чтобы нагнать на врага панику, громко скомандовал:

– Батальон! Первая рота – вправо, третья – влево, вторая – за мной!

Тут к нему подбегает незнакомый человек:

– Да наш батальон уже развернулся!

– Какой батальон?

– Второй батальон Ковпака!

Стрельба прекратилась, началось «братание»: на нас «наступали» ковпаковцы.

С Сергеем Трофимовичем Стховым мы пошли к Ковпаку. И если первая наша встреча, в феврале, была очень теплой, очень дружеской, то эту встречу с Сидором Артемовичем мы в шутку назвали «горячей».

Ковпаковцы шли сейчас на Карпаты. Они были крепко вооружены, хорошо одеты и обуты. Неожиданность их появления в наших новых краях объяснялась тем, что двигались они быстро, последний их переход превышал пятьдесят километров. Ни наша разведка, ни тем паче местные жители не могли предупредить нас об их приближении. А за немцев их приняли потому, что конники-ковпаковцы почти сплошь были одеты в трофейное немецкое обмундирование.

Несколько днейостояли ковпаковцы неподалеку от нашего лагеря, и каждый день то Ковпак с Рудневым приходили к нам в гости, то мы ходили к ним.

– Покажите нам вашего «немца», – вспомнил о Кузнецove Сидор Артемович.

Назавтра Ковпак и Рудnev были у нас, и я представил им только что возвратившегося из Ровно нашего «немца» – Николая Ивановича Кузнецова.

– О це дило – то дило, – говорил Ковпак, слушая рассказы Кузнецова о своей работе в самой гуще гитлеровцев.

За столом Сидора Артемовича удивила колбаса, которой мы угощали гостей. Тут и московская, и краковская, и чайная, тут и сосиски, и окорока.

– Откуда така добра ковбаса?

– Сами делаем, Сидор Артемович.

У нас к тому времени действительно наладилось производство колбасы, но не ради роскоши или прихоти мы занялись этим делом. Разведчики уходили из отряда на неделю или две. Несколько человек постоянно дежурили на «маяках». Им надо было питаться, а заходить в села за продуктами не разрешалось. Что можно было им дать с собой, кроме хлеба? Вареное мясо быстро портилось, и люди жили впроголодь. Производство колбасы явилось блестящим выходом из положения. Нашлись у нас такие специалисты-колбасники, что любая фабрика позавидует. Все это я и рассказал Сидору Артемовичу.

Часа через два, когда мы еще сидели за столом, появилась целая группа ковпаковцев.

– Товарищ командир Герой Советского Союза! – обратился один из них к Ковпаку. – Разрешите обратиться к полковнику Медведеву?

– Разрешаю, – ответил Ковпак.

– Товарищ полковник, мы прибыли к вам с просьбой обучить нас делать колбасу.

Оказывается, пока мы сидели и закусывали, Сидор Артемович послал связного с запиской к своему начальнику хозяйства, чтобы тот выделил людей для обучения их колбасному искусству.

… Соединение Ковпака ушло дальше по своему маршруту.

Перед его уходом мы выработали специальный код и условились о расписании для радиосвязи и позывных, чтобы взаимно информировать друг друга о наиболее важном, что могло помочь обоим отрядам.

ВОЛОДЯ

На небольшой, тихой ровенской улице в маленькой конурке помещалась часовня мастерская. Вывеска «Починка часов всех систем» была больше окошка, около которого работал мастер, по фамилии Дикий. В этой мастерской была наша явка. Пользовались этой явкой Михаил Макарович Шевчук и три других наших партизана.

Однажды Дикий заметил, что мимо окна, внимательно вглядываясь, несколько раз прошел мальчик лет одиннадцати-двенадцати.

На другой день к Дикому зашел Шевчук. Он подал в окошко свой часы, тихонько что-то сказал и, взяв обратно часы, ушел. Но тут же Дикий на противоположной стороне улицы вновь заметил того же мальчика.

«Тут что-то неладное», – подумал часовщик.

Прошел час, другой. Мальчик вдруг появился у окна и, просунув голову, спросил:

– Дяденька! Вы не знаете, где мне найти партизан?

– Да что ты, угорел, что ли? Каких тебе партизан?

Большие черные чистые глаза мальчика стали сразу испуганными. Но от часовщика он все же не отошел.

– Я думал почему-то, что вы знаете. Может, вы кого-нибудь знаете, кто знает партизан?

– Знаете… Знает… Да откуда мне знать!

– Ну ладно, – сказал мальчик и отошел.

Но Дикий заинтересовался мальчиком. Выйдя из мастерской, он крикнул ему вдогонку:

– Мальчик, а мальчик, вернись-ка!

Тот снова побежал к окошку.

– Заходи ко мне.

Мальчик вошел в мастерскую.

- Тебе зачем партизаны?
- Этого я не имею права говорить, могу сказать только командиру партизанского отряда Медведеву.
- Вон ты какой! Ну, посиди немного.

Дикий знал, что скоро должен прийти наш разведчик Лисейкин с бумагой от Шевчука. Вскоре Лисейкин действительно появился у окошка и передал донесение.

- Тут вот хлопец у меня. Возьми-ка его с собой и там разберись поосторожней.

На вопрос Лисейкина мальчик объяснил, что его послали в отряд Медведева из партизанского отряда имени Ленина, который находится под Винницей.

- Только больше я ничего не скажу, – решительно заявил посланец.

- Как же тебя зовут?

- Володя.

Лисейкин взял Володю с собой. Дикий только что передал ему распоряжение Шевчука явиться по определенному адресу, откуда пойдет машина к нам в лагерь.

С некоторых пор Кузнецов и Шевчук уже не хотели ходить пешком. Коля Струтинский так умело устроился, что гараж ровенского гебитскомиссариата по первому требованию предоставлял ему машины. Самому ли Струтинскому, Кузнецovу или Шевчуку требовалось выехать – легковая или грузовая машина к их услугам. Было даже несколько случаев, когда сам гебитскомиссар ожидал машину, не догадываясь, что его шофер обслуживает в это время партизан.

То, о чем я сейчас рассказываю, происходило в конце августа. Я передал Кузнецovу и остальным нашим разведчикам в Ровно приказание прибыть в лагерь для инструктажа.

К условленному месту им подали обыкновенную полуторатонку. Зубенко, шофер гебитскомиссариата, работавший на нас, устроил себе командировку в Луцк. Ему дали пропуск и груз: полмашины фашистских газет и листовок для Луцка.

Лисейкин пришел с Володей к месту отправки.

Николай Иванович – обер-лейтенант Зиберт, – стоя около машины, удивленно спросил:

- Откуда у тебя этот хлопчик?
- Да вот, ищет отряд Медведева, говорит, что послан от другого отряда.
- Забирай его в машину, после разберемся.

Но тут Володя вырвал свою руку из руки Лисейкина и бросился бежать.

Лисейкин в два прыжка догнал его и схватил:

- Ты куда, дьяволенок?
- Дяденька, отпусти, я нарочно сказал про партизан.
- Ах ты, гаденыш? Значит, тебя жандармы подослали?

— Сами вы жандармы! — всхлипывая, сказал Володя и злобно посмотрел на Кузнецова.

— Ах, чтоб тебя! — рассмеялся Лисейкин. — Ты его испугался?

Он совсем не подумал о том, какое впечатление произведет на мальчугана Кузнецова в форме немецкого офицера.

Тогда, нагнувшись к Володе, он что-то сказал ему на ухо и мальчик покорно уселся в машину.

В кузове сидели шесть наших разведчиков. Оружие свое они прикрыли фашистскими газетами. Кузнецов сел рядом с шофером.

При выезде из Ровно, на заставе, висел огромный плакат, написанный на немецком языке:

«Выезд машин в одиночку не разрешается».

Немцы выпускали машины лишь колоннами, чтобы они могли отбивать нападение партизан.

На заставе Кузнецов объяснил, что ждать, пока соберется колонна, он не станет, так как имеет срочное поручение. Машину пропустили, но впереди оказалось большое препятствие.

Километрах в десяти от Ровно на дорожном столбе висело объявление, что путь впереди испорчен и надо ехать другой дорогой. Значит, следовало возвращаться назад чуть ли не на десять километров. Кузнецов решил ехать напрямик.

Еще издали он увидел, что у моста копошатся немцы. К машине, как только она подъехала, подошел немецкий офицер и, откозыряв «ober-лейтенанту» Кузнецovу, сказал:

— Видите, мост сожжен. К тому же, господин обер-лейтенант, здесь в одиночку ехать нельзя: возможны засады партизан.

Кузнецов повысил голос:

— Что значит партизаны! Если партизаны, так, по-вашему, надо в квартирах отсиживаться? Сейчас война! У меня срочное поручение!

— Прошу обратиться к командиру полка, — перетрусиив, сказал офицер. — Да вот он сам идет!

Кузнецов вышел из кабины и направился навстречу немецкому майору.

— Хайль Гитлер!

— Хайль!

В кузове машины разведчики уже держали наготове револьверы. Володя, который только что уверовал, что он уже у партизан, при новой опасности забился в угол кузова.

Через две минуты разведчики услышали, как командир полка саперов громко подал команду, и солдаты, строившие мост, бросая топоры и лопаты, направились к машине.

«Ну, начинается!» — подумали разведчики.

В это время Кузнецов спокойно подошел к грузовику.

— Все в порядке. Сейчас саперы перетащат нашу машину, — шепнул он.

— Сойти с машины? — спросил Лисейкин.

— Сидите!

Человек пятьдесят немцев-саперов стали тащить машину через кюветы и грязь в объезд сгоревшего моста.

– Давай, давай! – покрикивали наши из машины.

Эта процедура длилась минут пятнадцать. Как только саперы перетащили машину на другую сторону и поставили на шоссе, Зубенко дал газ, и грузовик преспокойно поехал дальше.

В лагерь они прибыли поздно вечером. Услышав о Володе, я велел его уложить спать, чтобы поговорить утром, но мальчик тут же пришел ко мне сам.

– Вы командир Медведев?

– Да.

– У меня есть к вам секретное дело.

– Ну, говори.

– Я только вам одному могу сказать.

Со мной рядом стояли Стехов, Лукин, Кузнецов и Цессарский.

– Что ж, – улыбаясь, сказал я, – вам, товарищи, мы своих секретов не доверяем. Пойдем, Володя, в землянку.

Мальчик снял кепку, распорол подкладку и подал письмо. Я вскрыл конверт и стал читать. Письмо было напечатано на машинке.

«Податель сего, сын секретаря парторганизации партизанского отряда имени Ленина Володя Саморуха, послан с заданием разыскать отряд Медведева...»

Командир партизанского отряда имени Ленина просил сообщить в Москву о том, что такой отряд существует, действует, но не имеет радиостанции и поэтому не связан с Москвой. Далее командир давал свои координаты, назначал дни и условные сигналы для того, чтобы из Москвы послали самолет ибросили им груз с радиостанцией. В заключение письма была еще одна просьба: отправить Володю в Москву.

Я посмотрел на мальчика. Он выпарывал из подкладки своих штанишек еще одно письмо.

– Еще письмо? – спросил я.

– Это такое же, как у вас. Если бы я кепку потерял, у меня здесь второе.

И он дал мне второй такой же конверт.

– Как же ты добрался к нам?

Оказывается, Володя шел пешком пятнадцать дней. Прошел он около пятисот километров. Ночевал то в лесу, то в поле, а то в каком-нибудь сарае. Питался тем, что подавали люди. Когда его спрашивали, откуда он, Володя говорил, что родители его убиты и он идет к своей тетке. Эта «тетка» каждый раз меняла свой адрес. В районе Проскурова он говорил, что тетка в Шепетовке, а в Шепетовском районе рассказывал, что тетка живет в Ровно.

В Ровно бродил несколько дней, пока не присмотрелся к часовому мастеру.

– Да почему ты решил, что этот мастер знает партизан?

– Не знаю. Так показалось, что знает. Да если бы он гадом оказался, я все равно успел бы убежать.

– Ой, Володя! Просто тебе повезло!

Володя остался у нас в отряде. Долгое время мы не могли его отправить в Москву. Он и не хотел от нас улетать.

Партизаны полюбили мальчика. Ходил он всегда веселый, улыбающийся, чистенький, как будто его каждый день мыли.

Теперь, когда в лагерь приходил Коля Маленький, он имел боевого товарища. И Володя и Коля были уже «опытными» партизанами, но у Коли имелось больше интересных историй.

– Я уже пятнадцать раз ходил с «маяка» в Ровно. Ты знаешь, как страшно бывает. Иду я в один приличный день. Полицейских дополна везде. Иду и все кланяюсь: «Здравствуйте! Добрый день!» А одному не сказал «здравствуйте». Он выхватил пистолет и кричит:

«Вернись сюда, становись к стенке!»

Я – плакать:

«Дяденька, не убивайте!»

А сам думаю: пропадут и письмо к Николаю Ивановичу и деньги, какие у меня в штанах защиты.

А он орет:

«Ты куда идешь?»

«Домой, дяденька. Я к мамке в больницу ходил».

Ну, поверил, отпустил.

А в один приличный день я познакомился на одной нашей квартире в Ровно с Геней Боган, ему только десять лет. Я его спросил: «Хочешь моим адъютантом быть?» Он говорит: «Хочу». Стали мы с ним вместе ходить. Пошлет меня Кузнецов к кому-нибудь из наших, мы идем вместе – и веселей и незаметней. Один раз он ходил со мной и на «маяк». Уморился, еле дошел. В один приличный день мы с ним пошли в магазин купить кой-чего. Я даю продавцу двадцать марок и прошу сдачи, а он говорит:

«Откуда у тебя деньги! Сейчас в полицию отведу!»

Мы бросили деньги и убежали. С этих пор Геня заботился...

Володя с огромным удовольствием и вниманием слушал рассказы Коли Маленького.

Рассказал он Володе и про историю с мячом, о которой в отряде не знали.

Известна эта история была только Кузнецову и Вале, но они пообещали мальчику о ней не рассказывать. Вот как сам Коля Маленький излагал события:

– Николай Иванович оставлял меня то на одной, то на другой квартире, чтоб я заметный не был. В один приличный день послал он меня к одной тете. Прихожу, спрашиваю: – «Нет ли у вас продажного мыла?» Это пароль такой был. «Есть, – говорит. – Заходи». На следующий день вышел я на улицу с ее хлопцем. Гуляю и жду, когда за мной придут. Вдруг вижу – лежит мячик. Хороший черный мячик, каким в лапту играют. Только хотел я его поднять, а хлопец

его цап – и в карман. Я ему: «Отдай!», а он не дает. Ну, мы с ним подрались. Мяч я у него отобрал, а он заревел и побежал к мамке. Ох, и попало мне тогда от Николая Ивановича! Он забрал у меня мячик и отдал тому хлопцу. Жалко мне было мяча, но я молчал, только просил, чтоб об этом деле никому не рассказывали. И ты, Володя, никому не говори. Засмеют. Скажут: вот партизан, из-за мячика подрался...

Немного даже грустно было слушать эти правдивые детские рассказы наших маленьких помощников-партизан. Им бы в школу ходить, на речке плескаться или зимой на коньках бегать. Война оторвала ребят от привычного, милого детства и бросила в суровую партизанскую борьбу. Но все мы там, в отряде, от всего сердца благодарили наших славных малышей за верную службу народу.

ИЗ КОГТЕЙ

Долго не могли мы узнать, где находится Жорж Струтинский, схваченный фашистами. Старику Владимиру Степановичу ничего не говорили, вернее говорили не то, что было на самом деле.

– Владимир Степанович, вы понимаете, работа у нас секретная. Сказать, где Жорж и что он делает, не могу. Но будьте спокойны: вернется ваш Жорж.

И старик, успокоенный, уходил от меня.

Но Николай Струтинский знал, что случилось с Жоржем, и страшно переживал это несчастье.

Разные попытки предпринимал Николай, чтобы узнать о судьбе брата, и наконец напал на след.

Еще летом он познакомился с девушкой по имени Лариса, которая работала уборщицей в гестапо. Это была худенькая, по внешности незаметная девушка.

Лариса охотно приняла на себя опасные обязанности разведчицы. Чтобы начальство было ею довольно, она работала очень добросовестно, тщательно убирала помещение, охотно выполняла мелкие поручения. И так же тщательно Лариса выносила из помещения гестапо важные для нас секретные документы: топографические карты, книги ордеров на право обыска и ареста, бланки протоколов обыска. Один раз она принесла Николаю Струтинскому печать гестапо, которую взяла из стола начальника. В этом она перестаралась. Коля Струтинский уже давно сделал для отряда такую же печать по попавшему к нам оттиску, и мы часто пользовались ею, делая документы для разведчиков. Кражи печати могла вызвать большой шум. Пришлось Ларисе спешно вернуться в кабинет начальника и незаметно положить печать на место.

При уборке Лариса, собирая использованную копировальную бумагу, не бросала ее в мусор, а приносила Николаю. При помощи зеркала ему удавалось прочитывать копирки. Попадались тут списки заложников, фамилии приговоренных к расстрелу, инструкции, как замаскировать трупы расстрелянных.

И вот однажды с помощью зеркала Николай прочитал на копировальной бумаге список арестованных и среди них фамилию: «Василевич Грегор». Это был Жорж.

Стало ясно главное: Жорж жив и на допросе не назвал своего подлинного имени.

Лариса была знакома с некоторыми работниками гестаповской тюрьмы, и через нее Николай

связался с ними. Подход был простой – деньги. За взятки делали всякие «одолжения». Тюремщики подтвердили, что Грегор Васильевич находится в тюрьме. Еще взятка – и они разрешили передачу арестованному. Николай передал Жоржу обувь, белье и продукты.

Постепенно Николаю стали известны всякие подробности. Рана у Жоржа начала было затягиваться, но на допросах его так избивали, что она вновь открылась. Потом узнали, что Жоржа почти ежедневно допрашивают: подозревают в нем советского партизана. Жоржу угрожал расстрел или смерть от пыток при допросах.

В отряде у нас был еще один родственник Струтинских – Петро Мамонец, бывший капрал польской армии. Он родной брат Ядзи. Николай Струтинский прибыл в начале сентября в лагерь и попросил разрешения взять с собой Мамонца.

– С ним я попробую освободить Жоржа.

Они отправились в Ровно. Там довольно быстро Николаю удалось устроить Мамонца в охранную полицию. Мамонец оказался очень старательным «полицаем». Все время вертелся на глазах начальства, ругал партизан почем зря и главное – задабривал начальство маслом, салом и нашей партизанской колбасой. Скоро его назначили старшим полицейским по охране арестованных. Мамонец и сам уже повидал Жоржа.

– Его трудно узнать, – рассказывал он Николаю. – Что сделали с парнем! Кости да кожа...

Посылки теперь Жорж получал часто, но и они не могли поддержать здоровье человека, которого чуть не ежедневно избивали.

Мамонец установил дружбу со старшим надзирателем тюрьмы и предложил ему «выгодную сделку». Он сказал, что в одной частной строительной конторе можно здорово заработать на арестованных.

– Дай-ка мне десятка два арестованных и трех-четырех охранников. Я буду гонять их на работу. Заработанное – пополам.

Тот долго не соглашался, но продукты и деньги, будто бы данные авансом строительной конторой, «убедили» старшего надзирателя.

В конце октября Мамонец узнал, что Жорж значится в списке приговоренных к расстрелу. Этого и сам Жорж еще не знал. Ждать было больше невозможно.

3 ноября Мамонец погнал партию арестованных на работу. За особую взятку в числе других послали и Жоржа. Когда арестованных выводили из камеры, Мамонец успел шепнуть Жоржу несколько слов.

Заключенные прошли два квартала, и Жоржу стало «дурно».

Как старший полицейский, Мамонец распорядился охранникам вести арестованных.

– А с этой сволочью, – сказал он, – разделаюсь сам.

И потащил «бесчувственного» Жоржа во двор.

Охранники были уверены, что там он его прикончит.

Но как только Мамонец втянул Жоржа во двор, тот встал, вместе они перепрыгнули через забор и следующим двором вышли в переулочек. Там уже второй день дежурила машина, в которой находились Коля Струтинский и Кузнецов.

Радости по поводу спасения Жоржа не было предела. Для старика Струтинского это являлось и радостью и горем вместе.. Только теперь, когда Жорж прибыл в лагерь, он узнал, какая опасность грозила сыну. Краснощекого, улыбающегося Жоржа нельзя было узнать. Он был истощен до последней степени. На все вопросы отвечал однословно.

- Били?
- Били.
- Ну, а ты как?
- Да как же! Ничего.
- Терпел?
- Сначала терпел, молчал, а потом ругаться стал.
- Ну, а они?
- Да что же они! Еще сильнее били.

Мы постарались сделать все возможное в лагерной, лесной обстановке, чтобы здоровье Жоржа поправилось. Молодость взяла свое, и скоро он снова стал работать по разведке.

ВОЗМЕЗДИЕ

Эрих Кох... Пауль Даргель... Герман Кнут... Эти имена были хорошо известны в Западной Украине, временно захваченной гитлеровцами. Главари гитлеровской шайки со своими подручными грабили, душили, уничтожали все живое на украинской земле. Одно упоминание этих имен вызывало содрогание и ненависть. С их именами связаны застенки и виселицы, рвы с заживо погребенными, грабежи и убийства, тысячи и тысячи погибших, ни в чем не повинных людей.

Эрих Кох, являясь одновременно рейхскомиссаром Украины и гауляйтером Восточной Пруссии, в Ровно бывал только по несколько дней, наездами, а остальное время проводил в Кенигсберге, где у него были собственные заводы и фабрики. Пауль Даргель, правительственный президент, заместитель Коха по «политическим делам», почти безвыездно находился в Ровно. Лишь время от времени он вылетал в Киев, Николаев, Днепропетровск или другие города, чтобы на месте направлять «деятельность» своры гитлеровских правителей. Руководство сетью националистических банд исходило тоже от Даргеля.

Николай Иванович Кузнецов уже давно готовился совершить акт возмездия над гитлеровскими главарями на Украине. В начале сентября в течение нескольких дней мы подробно обсуждали план его действий.

Перед уходом из лагеря, прощаясь со мной, Кузнецов передал мне запечатанное в конверте письмо.

– Это на всякий случай. Сберегите, – сказал он и, пожав мне руку, быстро ушел.

Я посмотрел на письмо. На конверте было написано только четыре слова: «Вскрыть после моей смерти».

Валя Довгер к этому времени уже работала в рейхскомиссариате. Она должна была изучить распорядок дня Даргеля: когда он приходит на работу, когда уходит, все его приметы. Это поручение Валя тщательно выполнила. Она рассказала Кузнецову все подробности, даже провела его по маршруту, где обычно проходил Даргель. При этом сказала, что Даргель ежедневно выходит из рейхскомиссариата в 14 часов 30 минут, и при нем всегда адъютант с кожаной папкой красного цвета. Самого Даргеля Николай Иванович видел только раз на параде, когда тот выступал с речью, и надеялся на свою память.

Это было 20 сентября. Шофер ровенского гебитскомиссариата, военнопленный Калинин, предоставил Николаю Ивановичу новенькую легковую машину «оппель-капитан» – личную машину гебитскомиссара.

На эту машину за шофера сел Струтинский, одетый в форму немецкого солдата, и седоком – Кузнецов, все тот же лейтенант Пауль Зиберт.

Даргель жил в особняке на одной из главных улиц, которую гитлеровцы назвали Шлосштрассе.

На этой улице жили только высшие немецкие чиновники. Там не разрешалось ходить украинцам и полякам. Только немцы могли здесь появляться.

В полной готовности Кузнецов и Струтинский поехали на машине по маршруту, где ходил Даргель. Время было выбрано такое, когда Даргель должен был идти из рейхскомиссариата в свой особняк. Успех решала минута.

Стоять на улице с машиной и ждать было рискованно. У особняка Даргеля постоянно дежурил один фельджандарм; на улице Шлосштрассе их было несколько. Кроме того, за две минуты до выхода Даргеля из рейхскомиссариата появлялись жандарм в чине фельдфебеля и агент гестапо в штатском. Они шли впереди Даргеля, просматривая, нет ли чего подозрительного.

Кузнецов и Струтинский решили устроить дежурство в переулке, откуда был виден выход из рейхскомиссариата. Точно в 14 часов 30 минут из парадного хода рейхскомиссариата вышел генерал и с ним адъютант в чине майора, с красным портфелем под мышкой.

– Они, – сказал Кузнецов. – Коля, газ!

Машина быстро догнала обоих гитлеровцев. Кузнецов вышел из машины с револьвером в руке, подошел сзади к Даргелю и его адъютанту. Те, заслышав шаги, обернулись. Кузнецов в упор трижды выстрелил в генерала, потом в его адъютанта, и, когда те упали, он еще по разу выстрелил в них.

Кузнецов прыгнул в машину, Струтинский дал полный газ, и она вмиг скрылась из виду. Все это произошло в течение каких-нибудь двух минут.

При выстрелах люди, которые шли по улице, кинулись врассыпную. Произошло это во время обеденного перерыва, и людей было много. Окна домов захлопнулись, а когда все опомнились, машины и след простыл.

Кузнецов был уже у нас в лагере, когда дня через два после этого разведчики Куликов и Галузо принесли из Ровно немецкие и украинские газеты. Николай Иванович с нетерпением схватил газеты, начал читать и... обомлел. Оказывается, убит был не Даргель, а имперский советник финансов доктор Ганс Гель и его адъютант Винтер. Гель совсем недавно приехал в Ровно, чтобы выкачивать налоги с населения.

– Ай, Николай Иванович, как же это вы опростоволосились! – сказал я Кузнецову.

– Наваждение, определенно наваждение! Я отчетливо помнил лицо Даргеля. Опять же этот адъютант с красным портфелем. Что все это значит? – не переставал удивляться Кузнецов.

Как после выяснилось, Гель действительно был похож на Даргеля, а поскольку Кузнецов только один раз видел его, он мог ошибиться. Но ошибка эта была исправимой.

Через десять дней после убийства Геля Кузнецов и Струтинский снова приехали в Ровно. Кузнецов теперь уже был в чине гауптмана – капитана (обер-лейтенанта в немецкой форме разыскивали).

На «оппеле», перекрашенном в черный цвет, стоял другой номер. Также среди белого дня, в 14 часов 30 минут, на том же самом месте Кузнецов метнул противотанковую гранату в Даргеля и его адъютанта. Оба они упали. Небольшой осколок гранаты попал в левую руку Николая Ивановича, но это не помешало ему быстро сесть в машину.

На этот раз опасность была большая. Недалеко стояла немецкая дежурная машина – Струтинскому пришлось проехать мимо нее. Гестаповцы метнулись к своей машине, но шофер, видимо, перепугался и никак не мог завести мотор, а когда завел, черный «оппель» уехал уже далеко.

Началась погоня. На окраине города гестаповская машина уже была видна Кузнецовой.

– Сворачивай влево! – крикнул он Струтинскому, заметив, что впереди них идет такой же «оппель» черного цвета.

Струтинский свернул в переулок, потом в другой. Погони не было видно.

Гестаповцы продолжали гнаться за «оппелем», но не за тем, где находились наши товарищи.

Уже за городом немцы поймали «преступников». Они нагнали черный «оппель» и открыли по нему стрельбу. Пуля попала в покрышку, и «оппель» на полном ходу, резко повернув в сторону, свалился в кювет. Из машины гестаповцы вытащили полумертвого от страха немецкого майора, избили его и увезли в гестапо.

Кузнецов и Струтинский благополучно вернулись на «зеленый маяк», а оттуда в лагерь.

Но, как выяснилось позже, Даргель не был убит. Граната упала в бровку (кромку) тротуара, осколки и взрывная волна ударили главным образом в обратную сторону. Даргель был оглушен и тяжело ранен, и его тут же вывезли в Берлин. Карьера правительенного президента кончилась.

А из Берлина вскоре последовал приказ о снятии начальников ровенского гестапо, фельджандармерии и многих видных сотрудников этих учреждений.

Шум, поднятый в связи с этими актами возмездия, радовал советских людей: и здесь, во вражеском тылу, шла расплата с гитлеровскими захватчиками!

Гитлеровцы, назначенные на освободившиеся посты, тоже не помогли оккупантам.

А на «зеленом маяке» вновь началась подготовка. Здесь только что перекрасили недавно уведенную из гаража рейхскомиссариата машину «мерседес». Машина еще не высохла, когда Кузнецов и Струтинский уселись в нее, чтобы ехать в Ровно.

– В один приличный день заметят, что краска свежая, вот и попадетесь, – предупреждал Коля Маленький.

– А мы поедем побыстрее, вот краска и просохнет, – отвечал ему Струтинский.

Блестя свежей краской, «мерседес» с Кузнецовым и Струтинским подъехал к Ровно. У заставы их остановили.

– Хальт! Ваши документы.

Кузнецов предъявил документы на себя и на автомашину. Их пропустили. Но проехали квартал – снова застава:

– Хальт! Ваши документы!

Кузнецов возмутился:

– Позвольте, у нас только что проверяли!

Жандарм доверительно пояснил:

– Извините, но сегодня на каждом шагу будет проверка: мы ловим бандитов, одетых в немецкую форму. – И, просмотрев документы Кузнецова, он добавил: – Пожалуйста, проезжайте.

– Коля, сворачивай в ближайший переулок. Этак где-нибудь да нарвешься, – сказал Кузнецов Струтинскому.

Проехав квартал, Струтинский свернул в переулок. На углу Николай Иванович остановил «мерседес» и вышел на мостовую.

– Коля, смотри за главной улицей, а я буду помогать немцам.

Через несколько минут Кузнецов остановил проезжавшую машину:

– Хальт! Ваши документы!

Проверил и пропустил. Потом видит – идет вторая машина. Он поднял руку. Машина остановилась.

– Хальт! Ваши документы!

Ему отвечают:

– Господин капитан, у нас уже три раза проверяли!

– Извините, но сегодня на каждом шагу будут проверять: мы ловим бандитов, одетых в немецкую форму.

Не успела отъехать эта, показалась новая.

– Хальт! Ваши документы! – грозно приказывает Кузнецов.

– Не беспокойтесь, господин капитан, – говорит один из пассажиров, показывая гестаповский жетон, – мы ловим того же бандита. – И, улыбаясь иронически – что ж, мол, дружок, своих не узнаешь, – поехали дальше.

Два часа проверял Кузнецов документы, пока Коля Струтинский не сказал ему, что на других улицах заставы уже сняты. Тогда они сели в свою машину и спокойно поехали.

Когда-то на параде Кузнецов и Валя видели на трибуне необыкновенно толстого человека. Это был генерал Кнут, заместитель рейхскомиссара Украины по общим вопросам и руководитель грабительской конторы «Пакетаукцион».

Грабеж населения был профессией Кнута; все достояние конторы «Пакетаукцион» состояло из награбленного. Сам Кнут наиболее ценное отбирал для себя лично. На этом деле он нескованно разбогател и так разжирел, что ему трудно было ходить. Выглядел он точь-в-точь, как большая свиняя туша.

Контора «Пакетаукцион» помещалась близ железной дороги, на улице Легионов. На этой улице, недалеко от конторы, Кузнецов, Струтинский и Ян Каминский остановили свою машину. Ждать им пришлось недолго. С немецкой точностью, ровно в шесть часов, Кнут выехал из конторы.

Каминский приподнялся и, когда машина Кнута поравнялась, бросил в нее противотанковую гранату. Переднюю часть машины разнесло; потеряв управление, она ударила в противоположный забор. Николай Иванович и Струтинский открыли огонь из автоматов и после этого умчались.

Геля немцы хоронили пышно, с венками, с ораторами. Газеты были заполнены некрологами и статьями. О покушении на Даргеля тоже много шумели. А вот о Кнуте нигде ни единого слова не было ни сказано, ни написано. Как будто его и не было на свете, как будто ничего не случилось!

Кнут был убит, но немцы решили об этом молчать. В самом деле: "они «хозяева», они установили «новый порядок», они «непобедимы», а их главарей среди белого дня на улицах Ровно, в столице оккупированной Украины, убивают партизаны! К тому же поймать виновников никак не удается. Лучше уж молчать. И без того создана невыносимая обстановка: на улицу не выйдешь не только ночью, но и днем.

В НОВОМ ЛАГЕРЕ

Осенние дожди и холодные ночи сильно докучали партизанам, особенно тем, которые не имели теплой одежды. За лето полушибки, сброшенные нам на парашютах прошлой зимой, поистрепались. Ими пользовались вместо подстилок, когда ложились спать у костров. У новых партизан теплой одежды вообще не было.

Пришлось думать о строительстве зимнего лагеря.

Место для лагеря было выбрано в лесу, между селами Берестяны и Лопатень, недалеко от узкоколейной железной дороги. Вековые сосны прикрывали наше строительство с воздуха, а густые кустарники маскировали лагерь со стороны узкоколейки и большой дороги, идущей параллельно ей.

Размеры строительства были немалые. Требовались большие помещения для четырех рот, для штаба, разведки, санитарной части, радиостанции, хозяйственной роты; нужны были бани и другие подсобные строения.

Опыт строительства лагеря мы уже имели. Сначала распланировали строительную площадку, определили сроки, потом уже приступили к работе.

Деревьев не только на месте строительства, но и на расстоянии двух километров вокруг мы не срубали, чтобы не оголять место лагеря. Для каждой постройки рыли полутораметровые котлованы; над землей возвышались только покатые крыши.

К строительству санчасти и помещения для радиостанции приступили в первую очередь. Через три дня радисты уже поселились в новом чуме. Для отопления была сделана печь из

металлической бочки от бензина. По обеим сторонам печи стояли нары. У настоящего окна был устроен стол, к которому подвели антенну. За этим столом радисты по расписанию работали с Москвой.

Еще лучше была построена санчасть. В одном помещении – госпиталь на двадцать коек; у каждого раненого свой топчан с матрацем, набитым свежим сеном. При входе – комнатка для дежурного врача и медсестер, комната для приема «амбулаторных больных» и зубоврачебный кабинет. Помещение светлое, уютное. Чтобы с крыши не сыпалась земля, потолок обтянули парашютным шелком. Второе помещение санчасти – операционная, светлая, со специальным столом, изготовленным по чертежу и под руководством доктора Цессарского.

Штаб разместился в настоящем доме из семи комнат. Мы его забрали у немецкого старосты одного села и целиком перевезли в лагерь.

Вокруг здания штаба разместились помещения комендантского взвода, разведки, санчасти, радиостанции. На расстоянии примерно двухсот метров выросли или, вернее, вросли в землю постройки стрелковых рот и хозяйственной роты с ее колбасными, коптильнями, складами и хлебопекарней.

Помещения для расквартирования рот были до того удобны и обширны, что их уже называли не чумами, а общежитиями. Они имели не только настоящие, сложенные из кирпича печи и настоящие окна, но и дощатые полы, а во второй роте из дощечек забора выложили пол в виде паркета.

Как только заканчивалось строительство, каждое подразделение устраивало новоселье, с самодеятельностью и танцами.

«Сюрприз», готовившийся Гитлером под Курском, о котором в мае Кох говорил Паулю Зиберту – Кузнецовой, кончился полным провалом. Потеряв стодвадцатитысячную армию, гитлеровцы отступали. Красная Армия в конце сентября подошла к Днепру.

Когда-то самоуверенные и самодовольные, немцы потеряли веру в победу.

– Я у них сейчас, кажется, самый бодрый и самый уверенный офицер! – смеясь, говорил Николай Иванович Кузнецов.

Уже не надеясь удержать плодородную Украину в своих руках, немцы хотели как можно больше выкачать продовольствия, но это им плохо удавалось.

Многочисленные партизанские отряды организовывали советских людей на сопротивление и борьбу с фашистами, громили их склады с продовольствием, взрывали эшелоны и мосты, истребляли немецких заготовителей.

Особенно тугу было немцам в тех местах, где базировались партизанские отряды. Население огромной территории – между рекой Горынь с востока, железной дорогой Ровно – Луцк с юга и Сарны – Ковель с севера, почти до Луцка с запада – не давало оккупантам ни хлеба, ни скота. На этой территории оперировало несколько партизанских отрядов: отряд Прокопюка, батальон из соединения Федорова под командованием Балицкого, отряды Карасева, Магомета и наш отряд.

Скрывая истинное положение на фронтах, по старинке уверяя в скорой победе над Красной Армией, немцы требовали от населения уплаты налогов и сдачи продовольствия.

Но, как говорится в русской пословице, воробья на мякине не проведешь. И партизаны и крестьяне оказывали оккупантам еще большее сопротивление. Тогда немцы применили

чрезвычайные карательные меры. Для борьбы с партизанами и местным населением они выделили специальную авиацию. Ежедневно стали летать целые эскадрильи; они бомбили мирные селения и леса, где базировались партизаны.

Так же как в Сарненских лесах, мы и здесь, в новом районе, развернули борьбу против оккупантов, громили фольварки, проводили диверсии на железных дорогах. С нашим приходом еще один район уходил из рук немцев. Немудрено, что немцы стали проявлять к нам усиленное «внимание». То в одной, то в другой деревне появлялись их крупные вооруженные отряды. Снабженные оружием и боеприпасами, бандиты-предатели также не упускали случая выслужиться перед своими господами.

В стычках с фашистами и их наемниками был убит мой заместитель по хозяйственной части Иван Яковлевич Соколов – прекрасный товарищ и храбрый партизан. Погиб Гриша Шмуйловский, наш поэт, наш запевала, научивший партизан новым советским песням.

Прилетев из Москвы позже других, Гриша хотел поскорее наверстать потерянное время. Когда предстояло какое-нибудь серьезное дело, он просил, чтобы послали его. Он мечтал о том, что совершит подвиг. Однажды в дружеском разговоре с товарищами Гриша сказал;

– Если мне придется умереть, то хочу умереть в наступлении, лицом на запад!

Лицом на запад! Как хорошо и ярко выражали эти слова стремление советского человека наступать, скорее изгнать оккупантов с родной земли!

В боях и стычках многие партизаны получили ранения. Ранен был разрывной пулей в руку и Сергей Трофимович Стехов.

Без стычек с фашистами не проходило теперь почти ни одного дня. Людей в отряде требовалось значительно больше. Куда раньше ходило пять, десять человек, теперь снаряжали по роте, по две. Одного-двух разведчиков, которые направлялись в Ровно, Луцк, Здолбуново, надо было сопровождать и охранять большим количеством бойцов. А наш отряд раздробился. В Сарненских лесах осталось двести человек; под Ковелем, на выполнении специального задания, было семьдесят. Кроме того, на «зеленых маяках» под Ровно и Луцком постоянно находилось около двадцати лучших бойцов.

Раньше о росте отряда мы не беспокоились, брали в отряд лишь таких людей, которые могли быть нам полезны для разведывательной работы. Если бы перед нами стояла вообще задача роста, мы могли бы собрать целую армию – желающих пойти в партизанские отряды было огромное количество, но нам этого не нужно было. Небольшим, но гибким отрядом мы легче выполняли свою разведывательную работу.

Теперь положение было иное: требовалось большее количество бойцов.

Мы дали задание разведчикам и организации Новака в Ровно вести вербовку наиболее надежных людей в наш партизанский отряд, и каждый разведчик, возвращаясь из Ровно, стал приводить с собой по десять-девятнадцать человек.

Воспользовавшись этой вербовкой, в отряд проникли два предателя – Науменко и Черненко. Около месяца они пробыли у нас и потом скрылись. Значительно позже мы узнали, что Науменко являлся секретным агентом гестапо и был заслан в наш отряд с заданием разведать его численность и вооружение.

Уже через несколько дней после бегства Науменко Кузнецов, Струтинский и Шевчук сообщили, что обстановка в Ровно крайне осложнилась. По улицам ходят шпики и агенты гестапо, заглядывают чуть ли не каждому прохожему в лицо, проверяют документы, устраивают облавы.

В своем донесении Струтинский писал: «Науменко видели в легковой машине. Он проезжал с гестаповцами по городу».

Хотя Науменко не знал наших явок в Ровно, но ему все же удалось навести гестаповцев на след одной из них. В небольшом двухэтажном доме на углу главной улицы города и небольшого переулка, в квартире одинокой женщины, всегда останавливались Куликов и Галузо. Куликов до войны был сельским учителем, а Галузо – агрономом. Оба они в начале 1943 года присоединились к нашему отряду. Куликов и Галузо много раз ходили в Ровно.

Галузо внешне имел некоторое сходство с Кузнецовым, и гестаповцы, очевидно, были уверены, что выследили именно его. Пауль Зиберт пока не вызывал никаких сомнений.

Однажды ночью немцы окружили дом. Хозяйка первая это заметила и разбудила наших разведчиков. Галузо посмотрел в окно:

– Хозяюшка, ты уходи отсюда. Соври там что-нибудь или скройся, а мы тут останемся.

Хозяйка ушла.

– Рус, партизан, выходи! – слышался с улицы немецкий голос.

Куликов и Галузо тем временем спешно барrikадировались, закрывая двери и окна мебелью.

Немцы стали ломиться. Партизаны из окон открыли огонь. Завязался бой. По домуку стреляли из винтовок, автоматов и пулеметов. Когда враги увидели, что это не помогает и меткие выстрелы партизан разят то одного, то другого из них, они вызвали помочь.

Подъехала машина с крупнокалиберным пулеметом. Но из окна дома в эту машину была брошена граната. Машина и пулемет были разбиты. Пришлось гестаповцам вновь вызывать подкрепление.

Свыше шести часов длился этот бой в центре Ровно между двумя советскими патриотами и добродушной фашистской карательной группой. Куликов и Галузо расстреляли уже все свои патроны, израсходовали гранаты, и только после этого немцы их взяли, но взяли… мертвыми. Поняв безвыходность положения, раненые, истекающие кровью, они покончили жизнь самоубийством.

Но на этом последствия предательства Науменко не кончились.

РАЗГРОМ «МАСТЕРА СМЕРТИ»

6 ноября 1943 года радисты с утра не снимали наушников. Ваня Строков регулировал громкоговоритель, а партизаны стояли рядом, надеясь с минуты на минуту услышать передачу из Москвы.

Вечером он наконец поймал волну – зачитывался приказ о взятии нашими войсками Киева. Это было огромной радостью для всей страны. Но можно представить, как радовались мы, услышав сообщение о взятии столицы Украины! Мы сами были на Украине, но еще в тылу врага. Теперь близилась победа и освобождение всей украинской земли.

Как и год тому назад, партизаны вновь услышали по радио трансляцию торжественного заседания Московского Совета, посвященного двадцать шестой годовщине Великой

Октябрьской социалистической революции.

Истекший год – от двадцать пятой до двадцать шестой годовщины Октября – был переломным годом Отечественной войны. Наступление Красной Армии в течение этого года поставило Германию перед катастрофой.

Утром 7 ноября мы построили в лесу каре из бойцов отряда и зачитали записанный радиостанциями ночью праздничный приказ. Дружное, громкое «ура» разнеслось по лесу.

С полудня к нам стали приезжать гости – командиры соседних отрядов: Балицкий, Карасев, Прокопюк и Магомет. Каждый явился в сопровождении небольшой группы партизан своего отряда.

– Ай да лагерь! Здесь после войны можно будет открыть дом отдыха! – говорили гости, осматривая планировку лагеря и наши строения.

После роскошного праздничного обеда начался вечер самодеятельности.

Сцена была устроена очень своеобразно: помост и по четырем углам – костры. Эффект от этого освещения был замечательный.

Неожиданное для всех представление показали Валя Семенов и Базанов. Они выступили с акробатикой – кувыркались и выгибались, как настоящие циркачи. Свет и тени от костров скользили по их фигурам, как от театральных прожекторов.

Среди новых партизан, прибывших к нам из Ровно, оказались актеры ровенских театров. Один из них очень хорошо имитировал Чарли Чаплина. Но не успел этот актер уйти со сцены, как с тем же номером вышел Ривас. Он был наружностью похож на Чаплина и, хоть не владел особым искусством, произвел эффект не меньший, чем настоящий актер.

Часов в одиннадцать вечера, когда наши гости уже разъехались по своим отрядам, а концерт все продолжался, ко мне подошел Стхов. Я сидел в первом ряду «партера», устроенного из бревен.

Стхов наклонился ко мне:

– Дмитрий Николаевич, на минуту...

Я вышел.

– Только что прибежали разведчики из Берестян, – взволнованно заговорил Стхов. – Туда прибыла крупная карательная экспедиция с минометами и пушками. Час назад я получил сообщение, что и на станции Киверцы разгружается большой эшелон немцев. Ищут проводников, чтобы с утра идти на нас.

Это не было для нас неожиданностью. Еще недели за две до праздника Кузнецов сообщил, что каратели собираются идти в наши леса и имеют в виду именно наш отряд. Кузнецов писал:

"Мне удалось узнать, что недавно в Ровно прилетел Кох. Он вызывал к себе командующего особыми (карательными) отрядами на Украине генерала фон-Ильгена и приказал в самый короткий срок уничтожить партизанский отряд полковника Медведева. В своем кругу генерал Ильген рассказывал, что он затребовал к себе экспедицию под командованием генерала Пипера, которого называют «мастером смерти». Ильген собирается лично идти на партизан, чтобы «разговаривать с ними в их лагере».

В свою очередь я постараюсь предоставить генералу Ильгену возможность побеседовать с

вами в нашем лагере".

К письму был приложен план действий. План был рассмотрен и утвержден.

История с предателем Науменко заставляла нас думать, что гитлеровцам точно известно место нашего лагеря. Посоветовавшись со Стховым, мы решили дать бой карателям.

Дождавшись конца очередного номера, я вышел на помост.

– Товарищи! – сказал я бойцам. – Получены сведения, что завтра с утра на нас пойдут каратели. Уходить не будем. Останемся верными своему принципу: сначала разбить врага, а потом уходить!

– Правильно! Ура! – подхватили партизаны.

Я поднял руку, призывая к вниманию:

– Праздник будем продолжать!

Несколько человек запели: «В бой за Родину...» Песню подхватили все.

Праздничный вечер продолжался еще целый час.

Спать улеглись в полной боевой готовности. Кругом лагеря выставили дополнительные посты. В направлении Берестян выслали пеших и конных разведчиков.

На рассвете прискакал из-под Берестян Валя Семенов.

– Из села к нашему лагерю движется большая колонна гитлеровцев! – запыхавшись, выпалил он.

Почти в тот же момент донеслась далекая пулеметно-автоматная стрельба. Стрельба шла километрах в десяти от нас, приблизительно в районе лагеря Балицкого. Я послал конных связных, чтобы узнать, в чем дело, не нужна ли помощь, и сообщить о том, что мы ждем карателей.

В отряде у нас было в этот момент около семисот пятидесяти человек. Делился отряд на четыре строевые роты и два взвода – взвод разведки и комендантский.

Первая рота, под командованием Базанова, вышла навстречу противнику, который шел из Берестян. Вторую роту, под командованием Семенова, я отправил в обход и приказал незаметно нащупать, где находятся артиллерия, минометы и командный пункт гитлеровцев, чтобы ударить по ним с тыла.

Когда вторая рота вышла из лагеря, с постов сообщили, что и с другой стороны на нас идет колонна немцев. Навстречу ей я выставил часть четвертой роты; другая часть этой роты охраняла правый фланг. Третья рота находилась на постах кругом лагеря.

Итак, все наши силы были в расходе. В резерве оставались группа разведчиков и комендантский взвод.

Часов в десять утра начался бой. По нашей первой роте гитлеровцы открыли бешеный огонь из пулеметов и автоматов. Плотной колонной они продвигались под прикрытием минометного и пулеметного огня. Ответный огонь наших станковых и ручных пулеметов лишь на время заставлял их останавливаться и ложиться. Затем снова слышалась немецкая команда, враги поднимались и шли в атаку.

Подпустив врага на расстояние автоматного огня, наши перешли в контратаку. Загремело

партизанское «ура».

Вторая колонна немцев тоже пошла в атаку. Там дралась часть нашей четвертой роты.

В лагерь несли и вели раненых.

Мы знали, что длительного боя нам не выдержать: у нас было мало патронов. Поэтому я послал связных в отряды Балицкого и Карасева с просьбой высказать небольшие группы в тыл врага: это хоть частично отвлекло бы силы немцев

Артиллерия немцев стала пристреливаться по лагерю, но снаряды рвались за лагерем – в двухстах метрах.

Из первой роты дали знать, что патроны на исходе, что станковый пулемет уже остался без патронов. Мы им подбросили группу партизан из комендантского взвода. Через некоторое время снова сообщают: «Патронов почти нет; помогите, иначе не выдержим».

– Бывают, как мух, а они лезут и лезут, – говорил связной. – Психической хотят нас запугать.

Прошло уже четыре часа, как вышла рота Семенова, но она пока ничем себя не проявила. Где они, что делают?

В первую роту мы стали направлять небольшие группы свободных людей из разных подразделений, но это поддерживало ее лишь короткое время.

Казалось, мы проигрываем бой.

Вернулись связные от Балицкого и Карасева. Балицкий ответил, что послать никого не может: его отряд лежит в обороне, ждет нападения, а Караваев писал, что высыпает для удара с фланга целый батальон.

Гитлеровцы с обеих сторон все больше нажимали, и стрельба уже приблизилась к самому лагерю. Вышли в бой последние наши резервы – комендант Бурлатенко с группой в пятнадцать человек, легкораненых, только что получивших медицинскую помощь.

Мины уже рвутся в самом лагере. Огромные сосны ломаются и с треском падают. Немцы подступают все ближе.

Бой идет уже семь часов. Партизаны Караваева себя не обнаруживают, рота Семенова – тоже.

В шестом часу вечера я отдал приказ: запрягать обоз, грузить тяжелораненых и штабное имущество. Из раненых, способных держать оружие, я с трудом набрал четырнадцать человек. Цессарский и остальные врачи должны были прикрывать тяжелораненых и обоз. Сам я с остатком комендантского взвода направился на центральный участок, с тем чтобы дать приказ об отступлении с боем и прикрыть отход обоза и раненых.

Я отчетливо сознавал, что если нам не удастся продержаться дотемна, мы уйти не сможем: немцы обступали нас кругом.

И вдруг с той стороны, откуда стреляли немецкие пушки и минометы, мы отчетливо услышали русское «ура».

Еще не смолкло «ура», как стрельба, будто по мановению волшебной палочки, прекратилась. Через пять минут снова был открыт огонь из вражеских минометов, но... уже по немцам.

Растерянность и паника мигом охватили врагов; они стали бросать оружие, разбегаться.

Наши бросились в погоню.

Что за чудо?

Чуда, конечно, никакого не было. Успех боя обеспечила рота Семенова. Она зашла в тыл немцам. Не торопясь, Семенов основательно разведал и установил, где находятся артиллерийская и минометная батареи, узнал, что у карателей три пушки, три батальонных миномета, один десятиствольный миномет и что в двухстах метрах от батареи расположился в палатке их командный пункт.

Семенов разделил свою роту на две группы, и обе одновременно ударили по врагам. Одна группа захватила артиллерию и минометы и повернула стволы на гитлеровцев, другая захватила командный пункт и радиостанцию, через которую шло управление боем. Девятнадцать офицеров штаба и командир карательной экспедиции генерал Пипер, «мастер смерти», были тут же убиты. Это и решило дело.

Надо сказать, что и батальон Карасева успел перед концом вмешаться в бой. Он удачно зашел во фланг врагам и тоже ударил по ним.

Лишь к одиннадцати часам вечера бойцы собрались в лагерь; они преследовали в лесу разрозненные группы немцев. Человек полтораста вражеских солдат укрылись в Берестянах, ожидая нашего нападения, но нам теперь не было смысла с ними связываться.

Я был уверен, что немцы завтра же с новыми силами пойдут на нас и начнут бомбить лагерь с воздуха. Ночью уже стало известно, что со станции Киверцы продвигается другая немецкая колонна. Было принято решение: до рассвета уйти с этого места.

В бою у нас было убито двенадцать человек, ранено тридцать два. Мы похоронили убитых, оказали помощь раненым и начали сборы.

Я послал связных к Балицкому и Карасеву с записками, в которых сообщал, что до рассвета уйду из лагеря и что они могут взять себе часть наших боевых трофеев.

Трофеи были огромные. Мы отбили у карателей весь их обоз, который состоял из ста двадцати повозок, груженных оружием, боеприпасами, снарядами, минами и обмундированием. Были взяты три пушки, три миномета с большим количеством мин и снарядов, автоматы, винтовки и много патронов.

Из штабных документов, захваченных нами, мы узнали, что бой с нами вели карательная экспедиция генерала Пипера и три полицейских батальона СС – всего около двух с половиной тысяч.

Судя по документам, карательной работой генерал Пипер занимался с первых же дней войны. Он со своими эсэсовскими батальонами побывал во всех оккупированных гитлеровцами странах. На Украине он свирепствовал месяцев пять.

На штабной карте генерала Пипера красной точкой был обозначен тот квартал леса, где мы находились. Это, конечно, сделал Науменко, но место он указал не совсем точно, поэтому вражеские мины и снаряды разрывались в стороне от лагеря.

В два часа ночи партизаны впервые за сутки поели, а в три часа мы уже покинули свой лагерь. Жаль было оставлять такое хорошее жилье и снова мерзнуть от холода и мокнуть под дождем, но делать было нечего.

Мы решили временно отойти к северной границе Ровенской области, чтобы привести в порядок свой отряд и попытаться самолетом отправить раненых в Москву. Здесь, в Цуманских лесах, я оставил небольшую группу под командованием Черного. Он должен был

маневрировать, скрываться от карателей и принимать наших людей, которые будут приходить из Ровно.

Через день после нашего ухода гитлеровцы принялись бомбить с самолетов и обстреливать теперь уже пустой квартал леса. После «мощной артиллерийской подготовки» они беспрепятственно подошли к лагерю. Обратно из лагеря немцы волочили свои «трофеи» – побитых нами в бою немцев. Трупов было немало: мы там уложили не менее шестисот человек.

Мертвую тушу генерала Пипера немцы отправили самолетом в Берлин. Фашистские газеты плакали о нем навзрыд, писали, что Пипер был большой опорой оккупационныхластей, но уж больше не называли его «майстер тодт» – «мастер смерти».

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

На Мельничной улице, у ворот особняка, который занимал командующий особыми войсками на Украине генерал Ильген, всегда стоял часовой. «В один приличный день» около этого особняка назойливо стал вертеться мальчишка в коротких штанах и с губной гармошкой. Несколько раз он попадался на глаза часовому.

– Што ты тут шукаешь?

– Так, ничего.

– Геть! Це дом генеральский, тикай. Як спиймаю, плохо буде!

Мальчик убежал, но из-за угла он продолжал наблюдать за домом.

Вскоре к особняку подошла Валя с папкой в руках.

– Здравствуйте! Не приезжал господин генерал? – справилась она у часового.

– Нет.

– А кто там? – И Валя взглянула на дом.

– Денщик.

– Я пойду и подожду генерала. Для него срочный пакет из рейхскомиссариата.

Валя не раз приносила Ильгену пакеты, и часовые ее знали.

В особняке ее встретил денщик, который начал работать у Ильгена лишь несколько дней назад.

Валя это хорошо знала, но, сделав удивленное лицо, сказала:

– Я из рейхскомиссариата. А где же старый денщик?

– Та вже у Берлини!

– Зачем он туда поехал?

– Поволок трофеи. Прошу, фрейлен, до хаты, там обождете.

– Нет, я дожидаться не стану. Мне тут надо отнести еще один срочный пакет. На обратном пути зайду. Генерал скоро будет?

– Должен быть скоро.

Сказав часовому: «Я скоро опять зайду», Валя ушла. За углом она увидела мальчика.

– Беги скорее и скажи, что все в порядке. Пусть едут!

Коля Маленький стремглав побежал на квартиру, где его с нетерпением ждали Кузнецов, Струтинский, Каминский и Гнедюк. Все они были одеты в немецкую форму.

– Валя сказала, что можно ехать, все в порядке! – выпалил он.

– Хорошо. Беги сейчас же на «маяк». В городе сегодня опасно оставаться. Беги, мы тебя догоним, – сказал Кузнецов.

– Тикаю! Прощайте, Николай Иванович!

Коля замешкался минутку, потом подошел к Кузнецovу и поцеловал его в щеку.

– Ай, стыд какой! Ты же не маленький! – смеясь, заметил тот и сам поцеловал Колю. – Беги скорее!

Через несколько минут они уже были у особняка Ильгена. Кузнецов в форме гауптмана первым вышел из машины и направился к особняку. Часовой, увидев немецкого офицера, отсалютовал: – Господин гауптман, генерал еще не прибыл.

– Знаю! – резко кинул ему по-немецки Кузнецов и прошел в особняк.

Следом за Кузнецовым шел Струтинский. В передней сидел денщик и дремал.

– Я советский партизан, – отчетливо сказал ему Кузнецов. – Хочешь остаться живым – помогай. Не хочешь – пеняй на себя.

Денщик опешил: немецкий гауптман… партизан!.. Дрожа и стуча от испуга зубами, он бормотал:

– Да я зараз с вами… Мы же мобилизованные, поневоле служим…

– Ну смотри!

Обескураженный денщик, все еще не веря, что немецкий офицер оказался партизаном, застыл на месте,

– Как твоя фамилия? – спросил Кузнецов.

– Кузько.

– Садись и пиши, – приказал Кузнецов.

Под диктовку Николая Ивановича денщик написал: «Спасибо за кашу. Ухожу к партизанам. Беру с собой генерала. Кузько».

Эту записку положили на видном месте на письменном столе в кабинете генерала Ильгена.

– Ну, теперь займемся делом, пока хозяина нет дома, – сказал Кузнецов Струтинскому. Кузнецов и Струтинский произвели в особняке тщательный обыск, забрали документы,

оружие, связали все это в узел.

Струтинский остался с денщиком, а Николай Иванович вернулся к часовому. Около того уже стоял Гнедюк. Кузнецов, подходя, услышал:

- Эх, ты! – говорил Гнедюк. – Був Грицем, а став Фрицем.
- Тикай, пока живой, – как-то вяло и неуверенно отвечал часовой. – Какой я тебе Фриц!
- А не Фриц, так помогай партизанам!
- Ну как, договорились? – спросил подошедший сзади Кузнецов.

Часовой резко повернулся к нему.

- Гауптман тоже? – выпучив глаза, спросил он.
- Тоже, тоже! Идем со мной! – скомандовал Кузнецов.
- Господин офицер, мне не положеноходить в дом к генералу.
- Положено или не положено, не важно. Ну-ка, дай твою винтовку. – И Кузнецов разоружил часового.

Тот поплелся за ним в особняк.

На посту за часоваго остался Коля Гнедюк.

Из машины вышел Каминский и начал прохаживаться около дома. Все это происходило в сумерках, когда еще было достаточно светло и по улице то и дело проходили люди.

Через пять минут из особняка вышел Струтинский, одетый в форму часоваго, с винтовкой, и стал на посту. Гнедюк пошел в особняк.

Все было готово, но Ильген не приезжал. Прошло двадцать, тридцать, сорок минут. Ильгена все не было.

Часовой, который стоял на посту, а сейчас сидел в передней особняка, опомнившись от испуга, сказал вдруг Кузнецову:

- Может произойти неприятность. Скоро должна прийти смена. Давайте я опять стану на пост. Уж коли решил быть с вами, так уж помогу.
- Правда должна быть смена? – спросил Кузнецов денщика.
- Так точно, – ответил тот.

Гнедюк позвал Струтинского. Снова произошло переодевание, часовой пошел на пост и стал там под охраной Каминского, а Струтинский сел в машину.

В это время подъехал Ильген. Он быстро вышел из машины, отпустил шофера и направился в дом.

– Здоров очень, трудно будет с ним справиться. Пойду на помощь, – сказал Струтинский Каминскому, когда увидел генерала Ильгена.

Как только денщик закрыл дверь, в которую вошел Ильген, Николай Иванович, наставив на него пистолет, сказал раздельно:

– Генерал, вы арестованы! Я советский партизан. Если будете вести себя, как полагается, останетесь живы.

– Предатель! – заорал во всю глотку Ильген и схватился за кобуру.

Но в это время Кузнецов и подоспевший Струтинский схватили Ильгена за руки:

– Вам ясно сказано, кто мы. Вы искали партизан – вот они, смотрите!

– На помощь! – заорал снова Ильген.

Тогда его повалили, связали, заткнули рот платком и потащили. Когда вталкивали в машину, платок изо рта выпал, и он снова заорал. Часовой подбежал.

– Смена идет! – крикнул он Кузнецову.

Николай Иванович поправил китель и, кинув на ходу: «Заткните ему глотку», пошел навстречу подходившим людям. Но это не была смена: шли четыре немецких офицера. Кузнецов подошел к ним, показал свою бляху (пригодился «личный трофей»!) и сказал:

– Мы поймали партизана, одетого в немецкую форму, который хотел убить генерала. Позвольте ваши документы.

Те дали документы. Бляха, взятая когда-то у гестаповца, обязывала офицеров подчиниться. Николай Иванович записал в свою книжку их фамилии и сказал:

– Вы трое можете идти, а вас, господин Гранау, – обратился он к четвертому, – прошу вместе с нами поехать в гестапо.

По документу Кузнецов увидел, что Гранау был личным шофером рейхскомиссара Эриха Коха. «Пригодится», – подумал он.

Когда Гранау подошел вместе с Кузнецовым к машине, Каминский и Гнедюк, по знаку Николая Ивановича, быстро втолкнули его в машину и обезоружил.

«Оппелек», который вмещал только пять человек, повез семерых.

Ночью и в особенности утром в городе поднялся страшный шум. Пропал генерал! Немцы сбились с ног в поисках партизан. По улицам ходили патрули, жандармы рыскали по квартирам.

Но в то время, когда немцы, высунув язык, искали «преступников», а на «зеленом маяке» часовой и денщик рассказывали нашим ребятам о том, как они вчера сначала испугались, а потом помогали связывать Ильгена, Кузнецов, развалившись в кресле, сидел в приемной Функа, заместителя Коха, главного судьи на Украине.

Альфред Функ имел гитлеровское звание: «ober-фюрер СС». До назначения на Украину он был главным судьей в оккупированной немцами Чехословакии и безжалостно расправлялся с чешскими патриотами. Прибыв на Украину, Функ продолжал свое кровавое дело. По его приказам поголовно расстреливали заключенных в тюрьмах, в концлагерях, казнили тысячи ни в чем не повинных людей.

Недавно, в связи с убийством Геля, Кнута и ранением Даргеля, Функ издал приказ о расстреле всех заключенных в ровенской тюрьме. Тогда и было решено казнить этого палача. В подготовке участвовали Кузнецов, Струтинский, Каминский и парикмахер, у которого каждое утро брился Функ.

Кузнецов знал, что через пятнадцать минут придет Функ. В приемной была только секретарша, и с ней Николай Иванович завел разговор о погоде. Разговаривая, он то и дело поглядывал через окно на улицу, где прогуливался Ян Каминский.

А Каминский наблюдал за занавеской парикмахерской. Согласно выработанному плану, парикмахер должен был отодвинуть занавеску, когда побреет Функа, и он отправится в помещение главного суда. Каминский, в свою очередь, должен был снять фуражку и почесать себе голову, когда Функ пойдет из парикмахерской в здание суда.

— Я вас буду ждать в шесть часов на углу Фридрихштрассе и Немецкой. Мы славно проведем время. Придете? — спрашивал Кузнецов секретаршу.

— Да, приду.

В этот момент Кузнецов заметил сигнал Каминского.

— Не найдется ли у вас стакана чаю для меня? Безумная жара! — попросил он секретаршу.

— Одну минутку, господин гауптман, и сейчас принесу.

Когда секретарша вернулась, в приемной уже никого не было. Она удивленно пожала плечами и села за свой стол. Тотчас же вошел Функ. Буркнув секретарше «гутен морген», он прошел в свой кабинет.

Через минуту там раздались два выстрела. Испуганная секретарша вскочила. Но тут она увидела, что из кабинета вышел гауптман и, не глядя на нее, скрылся на лестнице.

В помещении главного суда было много народа. Выстрелы всполошили всех, но Кузнецов, никем не заподозренный, вышел на улицу. У самого подъезда стояли только что подъехавшие две машины с гестаповцами и фельдшандармами. Гестаповцы вышли из машины и с удивлением смотрели на второй этаж здания, где раздались выстрелы.

Кузнецов остановился рядом с ними и тоже удивленно, как и те, посмотрел на окна главного суда. Когда раздались крики «Убили, ловите!» и все бросились к зданию, Кузнецов пошел за угол, потом во двор, прыгнул через один забор, другой и очутился около своей машины, где за рулем сидел Струтинский.

Каминский со своего поста наблюдал, как гестаповцы и жандармы, оцепив дом, лазали по крыше и чердаку в поисках партизана, а затем вывели из помещения суда десятка два людей, в числе которых были и немецкие офицеры, и увезли их в гестапо.

А Кузнецов и Струтинский были уже далеко за городом.

Это событие произошло в то время, когда мы после боя с «мастером смерти» шли на север.

ПЕРЕДЫШКА

Наш отход был не из легких. За полгода пребывания в Цуманских лесах мы не только выросли количественно, но и завели большое хозяйство. У нас были бочки с засоленным мясом, салом, ящики с запасами колбасы; было много мешков с пшеницей, которую мы сами убрали с полей крестьян-поляков, истребленных гитлеровцами. Особую повозку занимало оборудование слесарной мастерской Риваса, изобиловавшей теперь огромным количеством всяческих инструментов. Кроме этого, везли инвентарь портняжной и сапожной мастерских и

многое другое. Наш обоз состоял из пятидесяти фурманок, запряженных парой лошадей каждая, а после разгрома карательной экспедиции «мастера смерти» прибавились специальные упряжки с трофейными пушками, минометами, снарядами, минами и другими боеприпасами и трофеями.

Дорога от дождей испортилась, передвигаться было трудно. Нам это доставляло много хлопот, а раненым – невыносимые мучения.

Убедившись, что лагерь пуст, каратели пошли за нами. Напастя на наш след не составляло никакого труда, так как по одной дороге, помимо нашего отряда, двигались отряды Прокопюка, Карасева, батальон Балицкого, группа Магомета. Все снялись со старых мест. Следы оставались такие, которые ничем замаскировать было невозможно.

Но догнать каратели нас не могли. Во-первых, они немного опоздали; во-вторых, они тратили массу времени на «прочесывание» лесных массивов, когда наши следы уходили в лес. Сплошными цепями проходили они по лесу, боясь неожиданной встречи.

Когда наш отряд прошел уже сто пятьдесят километров и был в пяти километрах от села Целковичи-Велки, где мы думали расквартироваться, показался огромный огненный шар, который медленно подымался с востока.

– Что это у вас солнце такое чудное? – улыбаясь, спросил я пожилого крестьянина, стоявшего у дороги.

– Надо ждать сегодня снежной метели, раз солнце такое красное, – ответил он.

– Какая, папаша, метель! На небе – ни облачка, да и ветра совсем нет, – возразил ему Лукин.

Но крестьянин оказался прав.

Солнце, поднимаясь над горизонтом, становилось меньше и окрашивалось в какой-то матово-бледный цвет, а следом за ним медленно поднимались тучи.

Еще не успели мы закончить размещение людей по квартирам, как стали падать крупные пушистые хлопья. Приятно было смотреть на яркую белизну этого первого снега. Потом подул сильный ветер. Снег падал все гуще, и через десять минут уже в двух-трех метрах ничего нельзя было увидеть.

Метель бушевала около двух часов; снега намело очень много.

Мы знали, что этот снег продержится не более суток, так как лег на незастывшую землю, и все же были рады ему: он на время замаскировал наши следы. А когда снег растает, каратели все равно не сумеют двигаться на автомашинах: дороги до того раскиснут, что ехать по ним будет невозможно.

В Целковичи-Велки вместе с нами разместился отряд Прокопюка. Отряд Карава занял деревню Млинок – в двух километрах от нас, на берегу реки Стырь. Батальон Балицкого ушел в свой старый лесной лагерь, в двадцати километрах севернее Целковичи-Велки.

Кроме нас, пришедших сюда из Цуманских лесов, в этих местах находилось соединение Алексея Федоровича Федорова, известного под именем Федорова-Черниговского. Его соединение стояло лагерем в лесах, в тридцати пяти километрах западнее Целковичи-Велки.

Мы не думали задерживаться здесь более десяти-двенацати дней. Как только карателям надоест гулять по опустевшим Цуманским лесам, мы собирались вернуться обратно. Нам нужно было дальше разворачивать наложенную работу.

Оставленная в Цуманских лесах маневренная группа ни в какой мере не могла заменить нас, да к тому же с ней нам не удавалось установить прямую радиосвязь.

Красная Армия наступала. Гитлеровское командование в надежде закрепиться то на одном, то на другом рубеже перегруппировывало свои войска, перебрасывало их с одного участка фронта на другой. Мы должны были улавливать эти передвижения и своевременно сообщать о них в Москву.

Еще в последних числах октября от командования последовал приказ: путем активных действий сеять панику среди оккупантов, не давать им возможности ни готовить оборону, ни эвакуироваться с награбленными ценностями. Тогда же мы передали этот приказ в Ровно – Кузнецovу, Струтинскому, Шевчуку, Новаку и другим подпольщикам – и в Здолбуново – Красноголовцу.

Кроме того, с дороги мы направили в Ровно несколько групп наших боевиков с заданиями диверсионного и разведывательного характера.

В окрестностях Целковичи-Велки мы выбрали посадочную площадку и сообщили координаты в Москву. Но самолет не приходил. На мой запрос из Москвы последовало распоряжение передать наших раненых и раненых из отряда Карасева и Прокопюка в партизанское соединение Федорова-Черниговского.

С первых дней пребывания во вражеском тылу мы проявляли особую заботу о раненых и больных товарищах. Забота о раненых была законом, который свято соблюдался всеми партизанами. Теперь стоял вопрос о том, чтобы передать наших раненых в другой отряд. Хотя и слышали мы об этом отряде много хорошего, все же решили посмотреть, в каких условиях будут наши товарищи. Карасев, Прокопюк и я в сопровождении двадцати партизан выехали в гости к Федорову-Черниговскому.

Трудно рассказать про встречу, которая была оказана нам в соединении Алексея Федоровича Федорова. Сутки, которые мы провели в их лагере, останутся навсегда в моей памяти.

Алексей Федорович рассказывал, как они шли на запад из Черниговской области через Брянские леса, где я был с отрядом в 1941-1942 годах.

– Вас, товарищ Медведев, там помнят и знают. Встречали мы могилы ваших партизан. Хорошо вы их хоронили! Места для могил выбирали красивые, живописные. Особенно запомнилась мне могила вашего начальника штаба Староверова. Это в лесу, у деревни Батаево. Мои хлопцы все могилы подправили и возложили на них венки, а за Староверова еще раз, и крепко, отплатили гитлеровцам. Мы разгромили в деревне Батаево крупный полицейский отряд.

Госпиталь в отряде Федорова был отличный, и я попросил Алексея Федоровича забрать к себе наших раненых.

– Какие могут быть разговоры! Конечно, давайте их сюда. Врачи у меня хорошие. А как только организуем аэродром, отправим в Москву.

Нашим раненым товарищам я сказал:

– Вас повезут в госпиталь партизанского соединения Героя Советского Союза генерал-майора Федорова. У нас вам было неплохо, но и у Федорова будет не хуже. Соединение это крепкое, боевое, такое, каким оно и должно быть под командованием депутата Верховного Совета. Мы передаем вас туда со спокойной совестью. Об одном прошу: не роняйте престиж нашего отряда, будьте дисциплинированными и во всем достойными звания советского партизана.

Через несколько дней к нам в гости приехал Алексей Федорович. Встреча эта прошла тревожно. В момент товарищеского обеда фашистские самолеты несколько раз пролетали над Целковичи-Велки. Ничего не обнаружив, они начали беспощадно бомбить село в пятнадцати-двадцати километрах от нас. Бомбежка длилась весь день. Над селом взвивались огромные клубы черного дыма, а ночью стояло зарево, освещавшее багровым светом тучи.

Чтобы не подвергать опасности налета радушно приютившее нас население Целковичи-Велки, мы перебрались в лес, где наладили временный лагерь.

О Кузнецова и Струтинском ходили целые легенды. Особенно много говорили о них в партизанских отрядах. То из одного, то из другого отряда приезжали товарищи и приглашали их к себе. Ноходить по гостям они не могли, – ведь и в своем отряде мы их, как могли, маскировали, боясь, что их приметы станут известны гестапо.

Но к Карасеву я их все же отпустил: очень расположили нас к себе Виктор Александрович Карасев и его комиссар Михаил Иванович Фilonенко. Узнав, что Кузнецов – уралец и, можно сказать, почти земляк, они пригласили его в баню, построенную по-сибирски.

– Давно я не получал такого удовольствия! – вернувшись от карасевцев, рассказывал Николай Иванович. – Такой бани я не видел даже в родных местах. На верхней полке от пара дух захватывает, а внизу холодно. Попарился на славу!

– А про нашу баню забыл? Про ту, что завалилась? – спросил кто-то из присутствовавших.

Все засмеялись, вспомнив, как однажды «парился» Кузнецов. Мы построили баню вроде обыкновенного чума. Дыра для выхода дыма была огромная, а на костре стояли большие чаны, в которых грелась вода. Чтобы неходить далеко за водой, здесь же, в бане, вырыли глубокий колодец. Мыться в этой бане не доставляло большого удовольствия: с одной стороны, от костра так печет, что стоять невозможно, а с другой – собачий холод.

Когда Кузнецов мылся, баня неожиданно обвалилась. Успевший хорошо намылиться Николай Иванович угодил в колодец с холодной водой. Оттуда ему помогли выбраться, но он был весь в грязи. Товарищи котелками носили ему из своих чумов теплую воду, а он стоял на холоде и обмывался. Один котелок выльет на себя и ждет, пока принесут еще, и так «напарился», что еле потом отогрелся.

Однажды дежурный по лагерю доложил, что едут гости. Человек десять верховых медленно подъезжали к нам.

– Бегма, – отрекомендовался подошедший ко мне коренастый человек.

– Милости прошу!

Василий Андреевич Бегма до войны был секретарем Ровенского обкома партии, и теперь он оставался на своем посту: являлся членом подпольного партийного комитета, начальником штаба партизанского движения Ровенской области и командиром партизанского соединения. До этого дня я не был знаком с Василием Андреевичем, но много слышала нем и давно ждал встречи.

Василий Андреевич прибыл издалека – с северо-востока. После деловых разговоров, за обедом, Бегма стал рассказывать о том, что какой-то партизан, переодетый в форму немецкого офицера, наводит ужас на немцев в городе Ровно: убивает крупных немецких заправил среди белого дня прямо на улице, украл немецкого генерала.

Рассказывая, Василий Андреевич и не подозревал, что этот партизан сидит с ним рядом за

обеденным столом. Лукин порывался было перебить рассказчика, но я дал знак ему, чтоб молчал, а Николай Иванович Кузнецов внимательно слушал Бегму.

— Вот это дела! Не то, что мы с вами делаем, — закончил Василий Андреевич.

Здесь же мы ему представили нашего легендарного партизана.

В лагере под Целковичи-Велки мы задержались значительно дольше, чем предполагали. Ожидаемый из Москвы груз с боеприпасами и питанием для рации все не прибывал, да и командование не разрешало нам пока возвращаться на старое место.

— Разрешите мне отправиться к Берестянам, — обратился ко мне Лукин. — Разведчики нервничают, рвутся в Ровно.

Я согласился, и Александр Александрович с ротой бойцов и группой разведчиков направился в Цуманские леса.

Уже через три дня через Москву мы получили радиограмму от Лукина. Он сообщал, что после перехода железной дороги неожиданно столкнулся с вражеской бандой и здорово расчесал ее.

Через неделю было получено разрешение на переход в район Ровно всего отряда. Добрались мы туда вполне благополучно, без единого выстрела.

На одном из привалов в небольшой деревушке, расположенной среди огромного соснового леса, Лида Шерстнева подала мне радиограмму из Москвы. Командование поздравляло нас с успехами и сообщало, что Указом Президиума Верховного Совета СССР награждены орденами и медалями Советского Союза сто пятьдесят партизан нашего отряда. Орденом Ленина были награждены Кузнецов, Николай Струтинский, Стехов, Ян Каминский и я; Шевчук и Жорж Струтинский — орденом Красного Знамени; Гнедюк — орденом Красной Звезды. Цессарский и Валя Семенов получили орден Отечественной войны 1-й степени. Радисты все без исключения были награждены орденами. Более двухсот партизан наградили партизанскими медалями. Получил партизансскую медаль 1-й степени и Коля Маленький.

Весть об этом молниеносно облетела весь отряд. Начались поздравления.

— Вы, Николай Иванович, больше чем кто-либо заслужили эту награду, — сказал я Кузнецову, поздравляя его.

— Теперь я еще в большем долгу перед Родиной, — ответил он.

ПРОВОДЫ

Красная Армия гигантскими шагами продвигалась вперед, на запад. Киевская, Днепропетровская и ряд других областей Украины были уже освобождены. Была освобождена и часть Ровенской области. Наша авиация бомбила военные объекты немцев в Сарнах, Ровно, Луцке, бомбила колонны отступающего врага.

В Ровно поднялась страшная паника. Учреждения стали эвакуироваться во Львов. Немцы наспех укладывали и волочили к вокзалу свои чемоданы с награбленными ценностями.

"Улетел фашистский коршун, — писал мне из Ровно Николай Иванович, намекая на Эриха Коха. — События на фронтах и шум, поднятый нами в городе, здорово напугали эту хищную

птицу. Он и рождественский вечер, не дождавшись 25 декабря, устроил 22-го, чтобы скорее смотаться отсюда.

Не могу простить себе, что я опоздал на этот вечер. Кажется мне, что он больше уже не вернется сюда, а я так настроился разделаться с ним.

Во время моего отсутствия здесь подвизался гестаповец фон-Ортель. Лидия получила от него сведения, о достоверности которых судить не берусь. Фон-Ортель рассказывал, что в Германии изобретена какая-то летающая бомба вроде самолета, которая будет с большой быстротой покрывать расстояние до четырехсот километров и производить огромные разрушения.

Я хотел лично «поговорить» с ним, а при случае предоставить эту возможность и вам, но оказалось, что Ортель неожиданно исчез".

Эти сведения о самолетах-снарядах, которые гитлеровцы стали применять только месяцев восемь спустя, мы срочно передали своему командованию.

Николай Иванович сообщал еще данные о переброске и передвижении штабов с востока на запад и о минировании фашистами ряда крупных домов в Ровно.

С территории, освобожденной нашей армией, в Ровно сбежалось громадное количество гестаповцев и жандармов. Террор еще больше усилился. На улице Белой, где обыкновенно производились расстрелы задержанных и арестованных, теперь каждую ночь, с вечера до утра, шла беспрерывная стрельба. Расстреливали без разбору. Крытые грузовики всю ночь возили за город горы трупов.

Был арестован и Казимир Домбровский.

– Видимо, кое-что стало о нас известно гестаповцам, – сказал мне Александр Александрович Лукин, докладывая об этом аресте.

Это предположение скоро подтвердилось.

Терентий Федорович Новак сидел однажды в своем директорском кабинете на войлочной фабрике. В столе лежало несколько противотанковых гранат. В кармане – револьвер. Неожиданно к нему в кабинет вошли трое гестаповцев.

– Где можно видеть директора фабрики? – на ломаном русском языке обратился к Новаку один из них.

– Вам Новака?

– Да, да! Где он?

– Он сейчас на втором этаже. Пойдемте, я покажу.

– Нет, сидите здесь. Мы сами найдем. – И они поспешно пошли наверх.

Терентий Федорович сложил в портфель свои гранаты и, держа в кармане револьвер на боевом взводе, поспешно вышел из кабинета. Он направился было к себе на квартиру, но около дома увидел двух молодчиков, одетых в штатское платье.

Через день гестаповцы арестовали отца Новака. Жену Новака и ребенка мы еще за месяц до того предусмотрительно привезли в отряд, а затем передали на попечительство Алексея Федоровича Федорова.

Смертельной опасности подвергся Коля Струтинский. Всегда бдительный, тщательно соблюдавший требования конспирации, он все-таки был выслежен. Струтинский пришел на одну из своих явок. Через пятнадцать минут за окнами послышался гул автомашины, затем громкий стук в дверь.

– Гестапо! – успел сказать Коле хозяин квартиры и вывел его в другую комнату.

Двое гестаповцев, сломав запор, ворвались в дом.

– Где он? – размахивая пистолетами, кричали они.

– Кто?

– Не притворяйся! – И один из них замахнулся, чтобы ударить хозяина револьвером.

Но в это время в комнате появился Струтинский и двумя выстрелами уложил непрошеных гостей. Захватив оружие гестаповцев, Струтинский и хозяин выскочили на лестницу.

С площадки второго этажа они увидели, что на улице стоит грузовик с жандармами.

– Хайль! – крикнул Струтинский и дал несколько выстрелов по жандармам.

Те стали прыгать с машины, сбивая один другого с ног, а тем временем Струтинскому и хозяину квартиры удалось скрыться.

Но, несмотря на тяжелую обстановку, создавшуюся в городе, наши боевики-разведчики и не думали уходить оттуда. Надо было устроить оккупантам достойные «проводы».

Было время, когда фашисты верили в «непобедимость» своей армии, в то, что они навеки закрепились на завоеванной земле. Теперь им надо было бежать, бежать как можно скорее. Не меньше немцев торопились удрать от наступающей Красной Армии и предатели-бандиты. Ровенский железнодорожный вокзал был так забит, что туда невозможно было втиснуться. Вся вокальная площадь кишила перепуганными «победителями».

За машину, на которой можно было выехать на запад, платили бешеные деньги, но достать машину было очень трудно. Струтинский и Новак во многих гаражах имели своих людей и дали задания любыми средствами задерживать грузовые и легковые машины. Шоферы старались как могли: насыпали в горючее и в моторы песок, минировали подступы к гаражам и машинам, обрывали электрооборудование, уносили ключи от машин, а иногда просто жгли их. Немцы бесновались, но ничего сделать не могли. Машины не выходили из гаражей, а если и выходили, то в дороге ломались.

Единственным путем, которым можно было выбраться из Ровно, оставалась железная дорога. Фельджандармы оцепили ровенский вокзал и стали наводить там порядок. Первый класс был предоставлен исключительно старшим офицерам и генералам. Там же, в ожидании поездов, с большими чемоданами сидели «фрейлейн» и «фрау» этих высокопоставленных грабителей. Во втором и третьем классе были сошки помельче, но тоже с большими чемоданами. В вокзал можно было войти только по специальному пропуску, а Шевчук и наш разведчик Будник во что бы то ни стало хотели туда войти с одним-единственным чемоданчиком, небольшим, но тяжелым. Шевчук появился у входа.

– Пропуск! – остановил его жандарм.

– Затерял куда-то пропуск, – сказал Шевчук, роясь в карманчике.

– Отойди! Без пропуска не войдешь.

Будник, наблюдая, стоял, в стороне. Шевчук подошел к нему:

- Так ничего не выйдет, еще нарвешься. Сделаем иначе. Ты видишь, сколько офицеров пешком прет на вокзал?
- Вижу, – ответил Будник, – Ну так что?
- Ничего. Пойдем...

Под вечер Шевчук ехал к вокзалу в фаэтоне. Будник сидел за кучера. По вокзальной улице длинной вереницей, обгоняя друг друга, шли к вокзалу немцы и немки, нагруженные барабахлом. Фаэтон ехал не спеша. Шевчук внимательно присматривался, подыскивая «попутчика». Наконец он увидел, как, изнемогая под тяжестью двух больших чемоданов, обливаясь потом, тащился на вокзал немецкий подполковник. Вот он поставил свои чемоданы, достал носовой платок и, сняв фуражку, начал вытирать вспотевшее лицо и лысую голову. Шевчук остановил около него фаэтон и с самой невинной улыбкой предложил:

- Пан офицер! Битте!
- Вокзаль ехат? Шпасибо! – обрадовался подполковник.
- Ну ты, помоги! – крикнул Шевчук «извозчику».

«Извозчик» спрыгнул, легко поставил офицерские чемоданы на фаэтон, услужливо подсадил самого подполковника, уселся сам и, крикнув на лошадь, поскакал к вокзалу.

- Шпасибо, шпасибо! – бормотал благодарный офицер, облегченно вздыхая и снова вытирая пот с головы.

Как только подъехали к вокзалу, Шевчук и Будник, не дав офицеру опомниться, подхватил его чемоданы, а заодно и свой чемоданчик.

- Не беспокойтесь, пан офицер, мы поможем, – и направились в вокзал.

Офицер бежал за ними. Фельджандарм остановил;

- Пропуск!
- Пропустите, со мной, – сказал подполковник.

Пропустили! Шевчук и Будник вошли в первый класс, набитый немцами. Еле нашли свободное место и поставили чемоданы подполковника. Немного поодаль среди других вещей Шевчук поставил и свой чемодан,

- До свидания, пан офицер! Счастливого пути!
- Шпасибо!
- Не стоит благодарности. И вам спасибо за... все! – улыбаясь, сказал Шевчук.

«Забыв» свой чемоданчик, Шевчук и Будник вышли из вокзала, сели в фаэтон и уехали. Через три-четыре часа они уже были на одной из квартир, откуда был хорошо виден вокзал, и внимательно наблюдали.

В «забытом» чемодане была смонтирована тридцатикилограммовая толовая мина замедленного действия.

Взрыв произошел в два часа ночи. Стена зала первого класса была выбита, потолок

провалился и придавил около сотни немецких офицеров вместе с их «фрейлейн», «фрау» и чемоданами.

Но на этом дело не кончилось. В момент взрыва к ровенскому вокзалу подходил воинский эшелон. Поезд остановился, и из вагонов стали выпрыгивать и разбегаться немцы. Они решили, что вокзал бомбит советская авиация. Фельджандармы и гестаповцы, которые были в оцеплении вокзала, заметив бегущих, решили в свою очередь, что это советские диверсанты, и открыли по ним стрельбу. К вокзалу были вызваны новые части, которые и включились в бой с «диверсантами». Минут двадцать пять шла перестрелка, и, конечно, «обе стороны» понесли потери.

Наутро в Ровно только и было разговоров, что о взрыве вокзала. Немцы пришли в смятение. И вдруг среди дня новый взрыв – в центре города. Взорвана была немецкая ортскомендатура. За сутки два взрыва!

В полуподвальном этаже здания ортскомендатуры помещался склад, куда дежурные коменданты прятали отобранные у задержанных вещи. Рабочим при комендатуре служил подпольщик Козлов, с которым задолго до взрыва познакомился Шевчук. Козлов по заданию Шевчука поставил в склад на верхней полке мину замедленного действия. Мина «сработала» своевременно.

А пока гестаповцы рыскали по городу в поисках диверсантов, устраивающих взрывы, мы подготавливали вместе с группой Новака новые дела и занимались разведкой.

Зная, что отступление неизбежно, немцы стали минировать мосты, дороги и большие здания в городе. Наши разведчики внимательно наблюдали за этим, сообщали в отряд о заминированных местах, а мы, в свою очередь, – командованию. На аэродромах наши люди наблюдали за прибывающими и уходящими самолетами, выясняли, где гитлеровцы устраивали склады боеприпасов и авиабомб, по каким дорогам движутся колонны отступающих войск.

Наши боевики-разведчики продолжали активно бороться с оккупантами.

Шевчук, видя, что особой подготовки вести уже некогда, ходил по Ровно с противотанковой гранатой, на которую Ривас сделал из гвоздей своеобразную «оборонительную» рубашку. Вокруг гранаты он плотно один к одному, проволокой прикрепил толстые гвозди, каждый из которых был надрезан в нескольких местах. При взрыве такая граната давала до сотни осколков.

Проходя мимо немецкой столовой, Шевчук заметил, что там много офицеров. Недолго думая он метнул в окно гранату. Семнадцать гитлеровцев были убиты на месте.

Наиболее серьезными из последних наших дел в Ровно были две диверсии, которые довели оккупантов до страшной паники.

Одним из этих дел был взрыв центральной столовой «Казино». Помещалась она на Немецкой улице, э 49, в нижнем этаже лучшей в Ровно гостиницы. В столовой «Казино» работали уборщицами украинки Лиза, Галина и Ирина. Они были связаны с группой Новака и с одним нашим разведчиком. Терентий Федорович Новак подготовил две мины замедленного действия, по шесть-семь килограммов каждая. В ведрах, под тряпками для мытья полов, 5 января утром женщины пронесли мины в столовую и прикрепили их под столами: одну в комнате для генералов, другую в комнате старших офицеров. Потом, как обычно, произвели уборку и явились в условленное место, откуда и были доставлены в наш лагерь.

Взорвались мины как раз во время обеда, когда столовая была полна немцев. Сначала взорвалась мина в генеральской комнате. Рухнул потолок, разрушилась стена и завалила

выход из офицерской комнаты; обедавшие там офицеры не могли выйти. А через десять минут взорвалась и другая мина.

Офицеры, которые были в номерах верхних этажей гостиницы, в панике стали выпрыгивать прямо из окон, ломая ноги и руки, разбивая головы. Пока вытаскивали из-под развалин трупы убитых, все прилегающие к месту взрыва улицы и переулки были оцеплены жандармами. Как после было установлено, в генеральской комнате было убито семь человек, из них три генерала, а в офицерской – около семидесяти.

Взрыв столовой произошел в 3 часа дня, а в 8 часов вечера в тот же день был взорван поезд на железной дороге, проходящей по городу Ровно.

Группа Новака установила на рельсах этой дороги тридцатикилограммовую мину. Кабель от мины соединили с рубильником войлочной фабрики. Члены подпольной организации круглосуточно дежурили у рубильника в ожидании особо важного поезда с немецким начальством. В последний момент немцы обнаружили эту мину, но изъять ее не успели. Пассажирский поезд мчался на всех парах. Солдаты, рывшие окопы вдоль железнодорожного полотна, стали давать сигналы, но машинист либо не понял, либо не успел затормозить.

У рубильника в это время оказался сам Новак. Он вовремя включил ток. Паровоз стал как вкопанный, пассажирские вагоны полезли один на другой, убивая и калеча гитлеровских офицеров и солдат, которые направлялись к линии фронта.

Так мы «проводили» незваных гостей.

НА ПОСЛЕДНЕМ ПЕРЕХОДЕ

В конце декабря мы получили разрешение командования продвигаться к городу Львову. Красная Армия стремительно наступала. Были освобождены Житомир, Белая Церковь, Ракитное, Клесово и Сарны. Артиллерийская стрельба уже отчетливо была слышна в нашем лагере, особенно в ночное время и перед рассветом. Партизаны с радостью вслушивались в эту орудийную музыку.

Медлить было нельзя, мы могли оказаться в «окружении» своей армии, а нам надо было дальше «проводить» оккупантов. В начале января в лагерь вернулись разведчики из Ровно, Здолбуново и со всех наших «маяков». Лишь некоторым было приказано оставаться на месте до прихода Красной Армии. Новак тоже прибыл в лагерь с частью людей своей организации. Собранный вместе отряд насчитывал уже до тысячи двухсот человек.

Валя Довгер осталась в Ровно. Она как «сотрудница» рейхскомиссариата должна была вместе с немцами эвакуироваться во Львов. Николай Иванович очень тревожился за нее. Последнее время, будучи в Ровно, он почувствовал, что его «добрые знакомые» стали относиться к нему с недоверием.

– Если меня действительно стали подозревать, то, естественно, Вале грозит опасность, а она мне очень дорога, мы так много вместе с ней пережили! – говорил Николай Иванович.

Позже выяснилось, что беспокоился он не напрасно: в ночь перед отъездом во Львов гестапо арестовало Валю.

Наш уход ко Львову задерживался. У нас не было топографических карт нового маршрута, недостаточно было питания для радио и боеприпасов для отечественного оружия.

Чтобы не терять времени, мы решили отправить во Львов маневренную группу. Ей предстояло выбрать в районе Львова место для нашего лагеря и подготовить явочные квартиры в самом городе. В эту группу мы отобрали двадцать человек. Один из них, Пастухов, работал до войны инженером коммунального хозяйства Львова. Ему было дано особое задание: изучить туннели под городом.

Очень хотелось пойти во Львов радистке Марине Ких.

– Львов я знаю как свои пять пальцев. Я там работала, у меня там родственники и знакомые. Почему же вы меня не посыпаете с группой? – говорила Марина.

– Подожди. Пойдешь вместе с отрядом, и тогда ты нам очень пригодишься. Ты лучше подумай хорошенько, к кому из твоих знакомых могут обратиться наши разведчики, и напиши письма, – ответил я.

Марина написала письма к сестре и знакомым и передала их командиру группы Крутикову. Группа ушла от нас 5 января. Несмотря на то что с ними был радиист, никаких сведений от них мы не получили ни в первые дни, ни позже.

Кузнецов страдал от вынужденного безделья.

– Дмитрий Николаевич! Смотрите, что получается. Красная Армия так быстро продвигается, – что скоро и из Львова немцы начнут эвакуироваться, а ведь я там кое-что сумел бы сделать. Да и Валя, вероятно, уже там ждет. Пустите меня одного!

– Вы, пожалуй, правы, Николай Иванович: незачем вам тащиться со всем отрядом.

На этот раз машину для Кузнецова мы «одолжили» у гебитскомиссара города Луцка. Перекрасить ее мы не могли: у нас не было ни краски, ни времени, а чтобы все-таки эту машину не узнали, ей придали старый вид – поцарапали кабину, сорвали с колес колпаки. Всю эту «операцию» проделал шофер Белов, который по заданию Струтинского угнал эту машину из гаража.

Мы решили отправить с Кузнецовым Белова и Яна Каминского, которые хорошо знали Львов. Кузнецов уезжал по своим старым документам на имя лейтенанта Пауля Зиберта, но к этим документам мы добавили командировочное удостоверение во Львов, а затем в Krakow «по служебным делам». Ян Каминский уезжал под видом крупного спекулянта, убегающего от Красной Армии.

Пока шли эти приготовления, мы со всем отрядом двинулись ко Львову. Кузнецов все еще был с нами. Отряд шел медленно, и автомашина Кузнецова не могла идти своим ходом. Даже на первой скорости она обгоняла бы колонну, к тому же шум мотора мог привлечь внимание карателей, поэтому мы впрягли в машину пару хороших лошадей. Белов сидел на своем шоферском месте. Рядом с ним сел я, позади – Кузнецов и Каминский. За закрытыми дверцами машины мы подробно обсуждали план действий во Львове.

Нам надо было перейти железную дорогу Ровно – Луцк. Теперь это оказалось трудным делом. Чтобы меньше выставлять постов, гитлеровцы завалили почти все переезды, оградили их колючей проволокой и заминировали подходы, а там, где переезды остались, настроили оборонительные укрепления. Наши конные разведчики пробовали перейти железную дорогу в нескольких местах, но везде натыкались на пулеметный огонь. Отряд был большой, и времени на переход требовалось много. Вступать в бой с фашистскими частями, которые могли вызвать себе подкрепление и даже бронепоезд, не было смысла.

Попутно с поисками выхода своему отряду мы устраивали засады на шоссейных дорогах, по которым двигались отступающие пехотные и моторизованные колонны врага.

Но Кузнецов решил больше нас не дожидаться. Я не возражал. Кто знает, когда и как мы перейдем железную дорогу!

Наступила минута отъезда Кузнецова.

– Ну, прощайте, Дмитрий Николаевич! – сказал мне Николай Иванович.

Я обнял его, и мы три раза, по русскому обычаю, расцеловались. Потом он попрощался с Лукиным, Стеховым, Струтинским и другими товарищами. Всем хотелось на прощанье крепче обнять Николая Ивановича и сказать самое хорошее слово.

Кузнецов не просто поехал к переезду. Он подозревал, что его разыскивают, и решил действовать осторожно. Около шоссе, в лесочке, километра за два от переезда, он остановил машину, и наши провожающие помогли замаскировать ее. До рассвета Кузнецов не выезжал. А когда уже стал брезжить рассвет, он пристроился к отступавшей колонне немецких автомашин и вместе с ней переехал через железную дорогу. Это было 17 января 1944 года.

Так мы расстались с Кузнецовым и были уверены, что через неделю-другую встретимся у Львова, но все повернулось иначе. Дня через четыре мы узнали от связного из Луцка, что Николай Иванович с Каминским и Беловым пробыли в Луцке двое суток и потом выехали во Львов. Почему он так долго был в Луцке, неизвестно. При выезде из города у шлагбаума железной дороги его остановил немецкий пикет и стал проверять документы. Проверяли какой-то майор-гестаповец и два жандарма. Вероятно, Кузнецов почувствовал что-то неладное. Он не стал ждать, пока проверят документы, перестрелял всех троих, разломал шлагбаум, и машина на полном ходу умчалась. После этих сведений я очень долго ничего не знал о Кузнецове.

19 января мы решили перейти железную дорогу во что бы то ни стало. Для перехода наметили участок между двумя переездами, где были неглубокие кюветы.

Мы выдвинули две крупные боевые группы – налево и направо от намеченного места перехода. Каждую группу предупредили, что если будет идти бронепоезд, они должны взорвать его и биться до тех пор, пока мы не сообщим, что колонна прошла.

Отряд двигался через дорогу часа полтора, а может и больше. Никто нам не помешал, прошли без единого выстрела.

19 января мы перешли железную дорогу, а с 20-го у нас начались бои. Нам предстоял двухсоткилометровый путь; на каждом шагу нас подстерегали крупные засады.

Ночью мы непрерывно двигались и, натыкаясь на засады, вели бои, а днем располагались на отдых, и тут вновь происходили стычки. Мы завели такой порядок: одно подразделение ведет бой, а другое готовит обед и отдыхает. Владимир Степанович Струтинский и здесь, в походе, был незаменим. Несмотря на постоянную опасность, он, как заместитель командира хозяйственной роты, все время обеспечивал питанием бойцов и заботился о раненых.

Почти все деревни занимали с боем. Я отдал такой приказ: если у хутора или деревни будут замечены вражеские часовые или вооруженные группы, то, прежде чем входить, обстреливать деревню из пушек и минометов. Это помогало. Давали десятка полтора выстрелов, и кавалерийский полуэскадрон шел на «ура». После этого отряд вступал уже в очищенную деревню.

Но бывало и иначе. Заходим в деревню – она пуста: ни людей, ни скота, ни птицы, ни даже мебели в хатах. Куда все девалось? Неужели людей со всем их скарбом немцы вывезли в Германию?

Ответ на эти вопросы нашли Коля Струтинский, Шевчук, Валя Семенов и Новак.

В одной из хат, в чулане, они обнаружили какую-то яму. Она была тщательно закрыта пустой бочкой. Отодвинули бочку, и Семенов с фонариком полез в дыру. Вдруг под землей – выстрел. Семенов – назад. Наши кричат: «Выходите добровольно!» Ответа нет.

В одном из боев мы захватили у немцев несколько дымовых гранат. Мы их взяли с собой, но не знали, к чему применить. Теперь решили попробовать – бросили в дыру дымовую гранату. Через несколько минут из-под земли послышалось: «Сдаемся!» – и сразу из дыры показалась сначала винтовка, а затем черная от копоти физиономия бандита. За ним вылез второй. От них-то мы и узнали, куда девались люди и их имущество.

По указанию гестапо всем жителям под страхом расстрела было приказано вырыть под домами так называемые «схроны», куда заранее спрятать хлеб, скот и все имущество и самим прятаться при подходе большевиков. Мы проверили. Действительно, под многими домами были эти «схроны» – подвалы, где стояли кровати, находилось зерно и имущество, коровы, лошади, свиньи и птица. Везде была заготовлена и вода на много дней. Увидев советских людей, жители охотно выходили из «схронов».

Особенно много боев провел отряд, когда мы пересекали границу Галиции, которую немцы сильно охраняли. И сама дорога, по которой мы шли, стала очень тяжелой. Начались предгорья Карпат; приходилось то забираться на высокие лесистые холмы, то спускаться вниз. Пушки и подводы со снарядами и ранеными тащили чуть ли не на руках. Снег то выпадал, то начинал таять, образуя на дорогах непролазную грязь. По пути нам встречались реки, и под огнем врага мы строили мосты и переправы.

Но так или иначе, а мы уже были в шестидесяти километрах от Львова.

ПРЕДАТЕЛЬСКАЯ ТИШИНА

Мы подошли к деревне Нивице. Разведчики донесли, что никаких постов в деревне нет. Я удивился: столько прошли и везде натыкались на немцев, а здесь спокойно.

Въехали в деревню – действительно, все спокойно. Начали распределять людей по квартирам. Штаб остановился в самой крайней хате. Я вошел в домик, поздоровался с хозяином, пожилым крестьянином, и его женой. Тут же заметил на стене репродуктор.

- Работает? – спросил я у хозяина.
- Работает. У нас и церковь и школа работают.
- Немцы есть здесь?
- Нет, сейчас никого нет.
- Ну, а как вы живете?
- Ничего, живем.
- Часто тут они бывают?
- Бывают.
- Часто?

– Приезжают по три-четыре человека. Вывозят древесину из лесу.

Я поручил Лукину послать по деревне разведчиков и разузнать все получше. Через час разведчики вернулись и доложили, что все спокойно. Я вызвал командира первой роты Ермолина и сказал ему:

– Тишина тишиной, а ты все-таки поставь дополнительные посты.

Народ наш устал, и все улеглись спать, но мне не спалось. Уже больше месяца я был болен и последние дни совсем не поднимался с повозки: лежал, укрытый периной. Около меня постоянно находились связные. Болезнь и теперь не давала мне спать. Под утро, когда было еще темно, я все же решил выйти посмотреть, проверить посты. С большим трудом натянул на себя шинель, надел шапку, положил пистолет в карман и, держась за стену, перешагивая через спящих товарищей, вышел. Часовой, дежуривший около штаба, отсалютовал мне.

В плетеном заборе я нашел калиточку и вышел прямо в огород. За огородом начиналось открытое поле, и там я заметил на фоне серого неба какие-то силуэты. Я сначала подумал, что это идет развод, что командир первой роты, согласно распоряжению, расставляет посты, но в ту же секунду понял, что это не развод. Вглядываюсь пристально: люди идут цепью, а не группой. Я присел на землю, чтобы силуэты людей были виднее. Да, это цепь, и есть определенная дистанция между каждым человеком, причем эта дистанция увеличивается по мере приближения людей ко мне.

Минута – и они уже совсем близко. Темнота мешала мне раньше определить расстояние. Неужели это враги? Я поднялся и крикнул:

– Кто идет?

Молчание. Вижу, по сторонам начинают меня обходить.

Я опять:

– Кто идет?

– А ты кто?

– Я командир, полковник.

– Ходы сюды!

Раз «ходы сюды» на командира – значит, все ясно: бандиты. Я выхватил пистолет. Но только хотел выстрелить, по мне ударила автоматная очередь, одна, вторая. Слышу – немецкая команда. Я дал два выстрела – кто-то упал.

Наши открыли огонь по врагам. Это хорошо, но я-то оказался «между двух огней». От врагов в пяти метрах, от своих – в двадцати. И те и другие стреляют. Пули пролетают около меня; одна сбила шапку. Я лег на землю. Думаю: «Если к своим поползу, гитлеровцы увидят, что я жив, и начнут стрелять. Да и свои откроют стрельбу, если увидят, что к ним ползет какой-то человек. Что делать?»

Вдруг чувствую, кто-то тянет меня за ногу. Поворачиваюсь: человек в немецкой каске хочет снять с меня меховые унты. Вероятно, подумал, что я мертвый. Я выстрелил в упор.

Стрельба идет вовсю. В петлицу на воротнике шинели попадает разрывная пуля. Изо всей мочи кричу:

– Прекратить огонь!

Но перекричать пулеметную стрельбу трудно. Меня не услышали. Кричу еще раз:

– Прекратить огонь! Это я, Медведев!

Услышали! По нашей цепи от бойца к бойцу передавалась команда: «Прекратить огонь... прекратить огонь... там полковник».

Под ливнем вражеских пуль я пополз к своим. У плетня меня подхватили, но помочь мне не требовалось: в эти минуты крайнего напряжения я был как будто здоровым и продолжал командовать.

Шевчук, Струтинский, Новак, Гнедюк с группой бойцов из комендантского взвода врезались во вражескую цепь и били в упор. Коля Маленький, притаившись за плетнем, короткими очередями стрелял по убегавшим врагам.

Хата, в которой разместился Цессарский с медперсоналом, стояла правее штаба и еще больше вдавалась в открытое поле. Туда в самом начале боя удалось ворваться нескольким бандитам. Не успел Цессарский выстрелить из своего маузера, как в комнате одна за другой разорвались две вражеские гранаты, Цессарский был тяжело ранен. Были ранены еще два врача и две санитарки. Услышав вражескую команду, Цессарский крикнул:

– Хлопцы, нас окружили! Тикаемо в лес!

Бандиты поняли это как команду и бросились наутек.

Минут через сорок в деревне было уже тихо. Стрельба шла километрах в двух, где наши продолжали преследовать противника. На месте боя враг оставил до трех десятков трупов.

У меня в шинели было двенадцать пробоин, в шапке две, а на мне – ни единой царапины.

– Сегодня у вас второй день рождения, – сказал мне Коля Струтинский, считая дыры на шинели и шапке.

Еле волоча ноги, я пошел в санчасть. Раненый Цессарский и его помощники были уже перевязаны другими врачами. Зубной врач был забинтован с головы до ног: он был весь изранен осколками гранат.

Ко мне подошел Сухенко:

– Товарищ командир, вас просит Дарбек Абраимов.

– Где он?

– В соседней хате. Он тяжело ранен.

Я пошел.

– Командир, ты жив? Не ранен? – спросил Дарбек, как только увидел меня.

– Жив и не ранен.

– Ну и хорошо...

Он улыбнулся, протянул руку и слабо сжал мою. Оказывается, он первый услышал мой крик, когда я был в перекрестном огне, бросился вперед и был срезан пулеметной очередью.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил я Дарбека.

– Очень плохо, товарищ командир.

– Ну что ты, Дарбек! Мы еще будем кушать твою «болтушку по-казахски».

Он ничего не ответил, только улыбнулся.

Через несколько часов он умер.

Мы ожидали нового наступления и решили подготовиться. На повозке я объехал кругом деревню и отдал все распоряжения. В хате, где остановился штаб, ни хозяина, ни хозяйки уже не было.

– Вот так спокойная деревня! – сказал я.

Лукин теперь все уже узнал. Оказывается, мы остановились у старосты-предателя, и он успел сообщить о нас фашистам.

Вскоре вражеские войска начали наступление. Появились бронемашины и танкетки, заработали крупнокалиберные пулеметы, пушки и минометы.

В самом начале обстрела крайние хаты загорелись. Гитлеровцы пришли с той стороны, куда нам нужно было идти, – с запада, но ворваться в деревню они не решались.

Боеприпасов у нас было мало, и с наступлением сумерек мы решили отойти. Отходили с хитростью: сначала отошел отряд, оставив в деревне роту, которая отстреливалась. Потом рота отошла – оставила взвод. Взвод выскоцилзнул, а немцы продолжали бесцельную стрельбу.

На первом же привале после боя Лида Шерстнева подала мне радиограмму. Это был приказ командования о выводе отряда в ближайший тыл Красной Армии. Ближайшим тылом, по нашим расчетам, могли быть знакомые нам места, приблизительно там, где мы переходили железную дорогу Ровно – Луцк. Теперь наш отряд пошел назад – уже по пройденному пути.

Утром 5 февраля метрах в трехстах от железной дороги Ровно – Луцк мы натолкнулись на расположение кавалерийских частей Красной Армии. Но это еще не было линией фронта; это были передовые подвижные части нашей армии, которые прорывались вперед во вражеские тылы и отрезали немцам пути отхода. Здесь эти части оседлали шоссейную дорогу, по которой должна была отступать большая мотомеханизированная колонна немцев. Немцы сунулись на шоссе, напоролись на части Красной Армии и пошли в обход, к деревне, где расположился на отдых наш отряд. От разрывов снарядов и мин деревня загорелась. Мы отошли к лесу, залегли и открыли огонь.

Немцы ринулись от нас в сторону и бросили свой обоз.

В этом бою у нас погибло восемь человек, и это был наш последний бой. Вечером 5 февраля мы перешли железную дорогу и оказались уже на отвоеванной родной земле.

В конце февраля в санитарной машине я был отправлен в Москву. Со мной вместе поехали Коля Маленький и раненые, в том числе Альберт Вениаминович Цессарский. Отряд остался под командованием Сергея Трофимовича Стхова.

ПИСЬМО КУЗНЕЦОВА

... Я лежал в московском госпитале. После жизни, полной борьбы и опасностей, я оказался в тишине и покое. Не слышно выстрелов, не видно людей. Только время от времени в палату заходят врачи, сестры. Я чувствовал себя как-то тоскливо, непривычно. Единственное утешение – ежедневно свежие газеты и возможность слушать радиопередачи, не опасаясь, что не хватит питания для рации. Целыми днями я вспоминал в мелочах и подробностях нашу жизнь в тылу врага, и странно: насколько тогда, в ходе борьбы, мне казалось все недостаточным, теперь, когда я мысленно составлял отчет командованию, все представлялось значительным.

Мы передали много ценных сведений командованию о работе железных дорог, о переездах вражеских штабов, о переброске войск и техники, о мероприятиях оккупационных властей, о положении на временно оккупированной территории. В боях и стычках мы уничтожили до двенадцати тысяч вражеских солдат и офицеров. По сравнению с этой цифрой наши потери были небольшими: у нас за все время было убито сто десять и ранено двести тридцать человек. В своем районе мы организовали советских людей на активное сопротивление гитлеровцам, взрывали эшелоны, мосты, громили фашистские хозяйства, предприятия, склады, разбивали и портили автотранспорт врага, убивали главарей оккупантов.

По несколько раз в день я вспоминал Николая Ивановича Кузнецова. Где он теперь? Что делает? Встретился ли с Валей?

И вот однажды я получил о нем весточку.

Я лежал с наушниками и слушал последние известия по-радио. Без десяти минут двенадцать вдруг слышу:

«Стокгольм. По сообщению газеты „Афтенбладет“, на улице Львова среди бела дня неизвестным человеком, одетым в немецкую форму, были убиты вице-губернатор Галиции доктор Бауэр и высокопоставленный чиновник Шнейдер. Убийца не задержан».

Я подскочил в постели, хотел подняться, но боль пронизала меня. Я протянул руку и нажал кнопку звонка.

Все это было излишне: никого не надо звать.

Вошла сестра.

– Пожалуйста, дайте мне пирамидон, – сказал я.

– Сейчас принесу.

Кому я здесь буду рассказывать!

Итак, Кузнецов «не задержан». Да, это, конечно, сделал он, об этом мы говорили с ним в машине, которую тянула пара лошадей. Но только через полгода я узнал подробности пребывания Николая Ивановича во Львове.

Отыскались разведчики Крутиков, Дроздов и Пастухов, посланные когда-то мной с маневренной группой во Львов. Мы тогда в отряде думали, что все они погибли, но это было не так.

На границе Галиции группа попала в засаду, и в бою из двадцати человек семеро погибли и сам командир Крутиков был ранен. Убит был и радист. Вот тогда-то мы и потеряли связь с этой группой. Дальше в пути, во время одного боя, Дроздов и партизан Приступа отбились от группы. Остальные кое-как добрались до цели.

Разведчики Пастухов и Кобеляцкий, как знающие город, стали там работать. Они вели

разведку на львовском вокзале, в городе изо дня в день обследовали туннели под Львовом. 20 июля 1944 года, когда Красная Армия подошла уже к Львову, Пастухов и Кобеляцкий выбрались по туннелям из города и передали разведывательному отряду 38-й армии план города Львова со всеми нанесенными там данными: где проходит линия укреплений, где минные поля, где минометные и артиллерийские батареи, где расположены войска, какие здания заминированы. Затем Пастухов и Кобеляцкий провели по туннелям и в обход минных полей в центр города большую группу бойцов Красной Армии. Группа ударила в тыл фашистам. Пастухов и Кобеляцкий участвовали в этом бою.

Дроздов и Приступа, оторвавшиеся от группы Крутикова, организовали из местных жителей партизанский отряд. И Пастухов и Дроздов видели Кузнецова: первый – еще во Львове, второй – позже, в лесу. Вот что они рассказали.

Николай Иванович узнал, что вице-губернатор Галиции Бауэр будет в театре проводить совещание высших представителей немецкой власти. Кузнецову удалось проникнуть в зал во время совещания. Он посмотрел на Бауэра, сидевшего в президиуме, затем вышел и стал ждать неподалеку от театра. Совещание кончилось, и из театра стали выходить немцы. Вышел и Бауэр вместе со своим секретарем, сел в поданную машину и уехал. Следом за ним поехал на своей машине и Кузнецов. Он выследил, где живет Бауэр.

На следующий день машина Кузнецова неожиданно «испортилась», когда проезжала по улице Ивана Франко мимо дома Бауэра. Белов вышел из машины и начал копаться в моторе. Кузнецов тоже вышел из машины и громко на немецком языке стал ругать шофера:

– Всегда у вас машина не в порядке! Вы лентяй, не следите за нею. Из-за вашей лени я опаздываю...

Продолжая возмущаться, он незаметно поглядывал на противоположную сторону улицы, где около красивого особняка стояла комфортабельная машина.

Ровно в десять утра из особняка вышли двое и направились к машине. Шофер выскочил из кабины и услужливо открыл дверцу. Но в эту минуту Кузнецов подошел к машине.

– Вы доктор Бауэр? – спросил он, обращаясь к одному из них.

– Да, я Бауэр.

– Вот вы мне и нужны!

Несколько выстрелами он убил Бауэра и его секретаря. Затем бросился к своей машине. Пока он бежал, Каминский и Белов открыли огонь по часовому, стоявшему у особняка.

Видимо, Кузнецов, памятуя историю с Даргелем, решил сперва спросить у Бауэра фамилию, чтобы не ошибиться.

С бешеною скоростью машина пронеслась по улицам Львова и выехала за город. Километрах в двадцати от Львова, у села Курковцы, машину остановили жандармы. Гестаповец-майор долго рассматривал документы Кузнецова и, внимательно вглядываясь в пассажиров, стал требовать дополнительные документы. Николай Иванович понял, что ждать хорошего нечего, и через открытую дверь машины дал очередь из автомата. Майор и четыре жандарма были убиты.

Позади, на шоссе, показалась погоня. Белов нажимал: 100, 110, 120 километров... Но тут беда: кончилось горючее. Кузнецов, Каминский и Белов выскочили из машины и побежали к лесу. Это был Гановичский лес. Там после трехдневного блуждания они нашли отряд Дроздова. Но у Дроздова не было радиостанции, и Кузнецов все в той же немецкой форме

вместе с товарищами ушел к линии фронта, чтобы пройти в тыл Красной Армии.

Больше ни Пастухов, ни Дроздов ничего не знали о Николае Ивановиче, а между тем прошло уже много времени.

Последние сведения о нем были найдены в бумагах львовского гестапо. При разборе захваченных документов гестапо была найдена копия телеграммы-молнии, адресованной в Берлин. В ней говорилось:

"2 марта 1944 года отрядом жандармов были захвачены в лесу три советских парашютиста. Арестованные имели фальшивые немецкие документы, карты, немецкие, украинские и польские газеты, среди них «Газета Львовска» с некрологом о докторе

Бауэр и докторе Шнайдере, а также отчет одного из задержанных о его работе. Этот агент (по немецким документам его имя Пауль Зиберт) опознан. Речь идет о советском партизане – разведчике и диверсанте, который долгое время безнаказанно совершал свои акции в Ровно, убив, в частности, доктора Функа и похитив, в частности, генерала Ильгена. Во

Львове «Зиберт» был намерен расстрелять губернатора доктора

Вехтера. Это ему не удалось. Вместо губернатора были убиты вице-губернатор доктор Бауэр и его президиал-шеф доктор

Шнайдер. Оба эти немецких государственных деятеля были расстреляны неподалеку от их частных квартир. В отчете

«Зиберта» дано описание акта убийства до малейших подробностей.

Во Львове «Зиберт» расстрелял не только Бауэра и

Шнайдера, но и ряд других лиц, среди них майора полевой жандармерии Кантера, которого мы тщательно искали.

Имеющиеся в отчете подробности о местах и времени совершенных актов, о ранениях жертв, о захваченных боеприпасах и т.д. кажутся точными. От боевой группы

Прицмана поступило сообщение о том, что «Пауль Зиберт» и оба его сообщника расстреляны".

Так погиб Николай Иванович Кузнецов, наш боевой товарищ, проведший ряд неслыханно смелых операций по уничтожению представителей немецких оккупационных властей и сеявший смятение в рядах озверелых врагов нашей Родины.

Когда стало известно о гибели Кузнецова, мы с товарищами вскрыли его письмо. Вот что мы в нем прочли:

"Вскрыть после моей смерти. Кузнецов.

24 июля 1943 года. Завтра исполняется одиннадцать месяцев моего пребывания в тылу врага. 25 августа 1942 года, в 24 часа 05 минут, я опустился с неба на парашюте, чтобы мстить беспощадно за кровь и слезы наших матерев и братьев, стонущих под ярмом германских оккупантов.

Одиннадцать месяцев я изучал врага, пользуясь мундиром германского офицера, пробирался в самое логово сатрапа – германского тирана на Украине Эриха Коха.

Теперь я перехожу к действиям.

Я люблю жизнь, я еще молод. Но если для Родины, которую я люблю, как свою родную мать, нужно пожертвовать жизнью, я сделаю это. Пусть знают фашисты, на что способен русский патриот и большевик. Пусть они знают, что невозможно покорить наш народ, как невозможно погасить солнце.

Пусть я умру, но в памяти моего народа патриоты бессмертны.

«Пускай ты умер, но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету..»

Это мое любимое произведение Горького. Пусть чаще читает его наша молодежь...

Ваш Кузнецов."

Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 5 ноября 1944 года Николаю Ивановичу Кузнецову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

ЭПИЛОГ

Неужели это были мы?..

Так воскликнул недавно Лукин, когда он, Фролов и Цессарский сидели у меня на квартире в Москве и вспоминали о нашей партизанской жизни.

На самом деле, неужели это были мы, сидящие сейчас в штатских костюмах, в уютной квартире, всецело поглощенные мирными делами? Неужели это мы провели множество боев, бывали в самых рискованных делах? Неужели это мы, больные, раненые, тряслись на повозках по грязным, неровным дорогам, не помышляя даже о чистой кровати, о кипяченой воде?.. Как много силы и бодрости было в каждом из нас!

Теперь это уже «дела минувших дней».

По всему Советскому Союзу разъехались мои товарищи-партизаны. Одни вернулись на свои фабрики и заводы, другие – в колхозы, третьи пошли на учебу в вузы и техникумы. Большинство партизан осталось в тех местах, где они жили до войны и где действовал наш отряд. Все они приобщились к мирному труду и своим знаниям, энергию, опыт отдают гигантской общенародной послевоенной стройке.

Я часто получаю письма от своих товарищих, партизан. Время от времени они приезжают в Москву по своим делам и обязательно заходят ко мне, поэтому я знаю дальнейшую судьбу многих из них.

В 1946 году у меня в Москве была Валя. На ее долю выпали очень тяжелые испытания. Когда все мы были уже на освобожденной земле, гестапо подвергало Валю страшным пыткам. Палачи требовали от нее выдачи местонахождения «Пауля Зиберта», адресов конспиративных квартир, имен товарищих. Валя ничего не сказала. Ее запирали в подвал, где плавали в крови убитые немцами советские люди, ее выводили на расстрел. Страшно умирать в девятнадцать лет! Но Валя выдержала все муки и не сказала ничего. Надеясь все-таки получить от нее какие-либо сведения, гестапо переправило Валю во Львов, оттуда в Западную Германию.

День победы застал Валю в одном из концентрационных лагерей в Германии; оттуда она возвратилась на Родину.

Терентий Федорович Новак, Борис Крутиков, наш бывший разведчик Валя Семенов и десятки других товарищей пошли на учебу.

Радистка Марина Семеновна Ких вернулась в свой родной Львов, где она тоже начала учиться.

«Спешим поделиться с вами, Дмитрий Николаевич, радостной новостью. Наша Марина избрана депутатом Верховного Совета Украины», – писали мне бывшие партизаны из Львова.

Коля Маленький после войны поступил в школу, стал автомехаником, и он уже не Коля Маленький: ростом догнал своего командира. Коля с гордостью носит партизанскую медаль 1-й степени.

Его сверстник Володя теперь живет с отцом и заканчивает среднюю школу.

В мае 1946 года из Главного правления Союза польских патриотов в СССР мне переслали письмо, полученное от некоей Гриншпан. В этом письме она просила «разыскать ее сына Пиню, который бежал от расстрела и, по слухам, был подобран партизанским отрядом полковника Медведева и самолетом отправлен в Москву».

Разыскивать Пиню нам не пришлось. Мы знали, что он находится в одном из подмосковных детских домов, о чем и сообщили его матери. Она вновь обрела сына, которого считала давно погившим.

Альберт Вениаминович Цессарский изменил свою профессию: теперь он артист. Еще в партизанском отряде он мечтал о сцене.

Коля Фадеев, которого когда-то оперировал Цессарский, работает директором вальцовой мельницы в Молдавии. Зимой 1946 года он был у меня.

– Плохи дела, товарищ командир! Мельница моя почти пустует. Недород, засуха.

– А как с протезом? Не мешает?

– Привык! Прыгаю, как на своей ноге!

В сентябре 1947 года я получил от него письмо: «На мельнице столько работы, что и пердохнуть некогда. Урожай этого года огромный».

Недавно я был в Ровно, Львове и других местах, где действовал наш отряд во время войны. Вместе с братьями Струтинскими, Шевчуком и Гнедюком мы осмотрели многие места, связанные с нашей работой, и всюду встречали наших боевых друзей. Там у нас и возникла мысль о собрании бывших партизан нашего отряда. Собрание состоялось в парке имени Шевченко, у братской могилы Куликова, Галузо и других отважных патриотов.

В одном письме Валя напомнила мне слова, сказанные однажды Николаем Ивановичем Кузнецовым:

«Я представляю себе, как все на нашей земле расцветет через пять-десять лет после победы. Какая это будет жизнь!.. Если со мной что случится, знайте, что я был счастливейшим человеком на свете, потому что я боролся за эту жизнь».

Я прочитал сейчас эти слова, написанные рукой Вали, и подумал:

«Правда! Наша партизанская борьба и все тяжелые испытания, которые легли на наши плечи, – разве это не великое счастье?»

«Неужели это были мы?» – думаю я.

Да, это были мы, рядовые советские люди. Опасность, нависшая в те дни над Родиной, призывы партии удесятерили наши силы. И если кто-либо вздумает снова напасть на нашу страну, снова тысячи и миллионы простых людей встанут на защиту своего отечества, отдадут все во имя своей великой Родины.

1948